

БЕСТСЕЛЛЕР -NEW YORK TIMES- №1

АВТОР
2005

Сью Монк Кид
ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ПЧЕЛ

Annotation

История четырнадцатилетней Лили Оуэнс, потерявшей в детстве мать, — это история об утратах и обретениях, о любви, вере и прощении, история о людях, которым открылся истинный смысл концепций «выбора того, что важно».

- [Сью Монк Кид](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
-

Сью Монк Кид

Тайная жизнь пчел

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Королева-матка является объединяющей силой общества; если удалить ее из улья, рабочие особи вскоре почувствуют ее отсутствие. Через несколько часов, или даже раньше, они начнут выказывать явные признаки отсутствия матки.

«Человек и насекомые»

Ночами я лежала в постели и наблюдала за представлением: пчелы просачивались в мою спальню через щели в стенах и кружили по комнате, издавая звуки, как самолетный пропеллер, — такое всепронизывающее ж-ж-ж-ж-ж, заставляющее жужжать саму мою кожу. Я смотрела на их крылышки, мерцающие в темноте, подобно кусочкам хрома, и чувствовала, как в груди разрастается тоска. От того, как они летали, — даже не в поисках цветка, а просто, чтобы почувствовать ветер, — мое сердце кричало и пело.

В течение дня я слушала, как они роют проходы внутри стен моей комнаты, и представляла, как они превращают стены в соты, а мед просачивается в комнату и мне остается только подставить ему свой рот.

Пчелы появились летом 1964-го — тем самым летом, когда мне исполнилось четырнадцать и моя жизнь закружилась по совершенно новой орбите, именно так — *по совершенно новой орбите*.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что пчелы были посланы мне свыше. Иными словами, они появились, как архангел Гавриил перед Девой Марией. Я понимаю, сколь самонадеянно сравнивать свою жизнь с жизнью святых, но мне почему-то кажется, что они не стали бы возражать; не стану и я забегать вперед. Достаточно будет сказать, что, несмотря на все, что произошло тем летом, я сохранила к пчелам нежные чувства.

* * *

Первое июля 1964-го: я лежу в постели и жду появления пчел, думая о том, что сказала Розалин, когда я поведала ей об этих ночных визитах.

— Пчелы роятся перед смертью, — сказала она.

Розалин работала у нас с тех пор, как умерла моя мама. Мой папа, которого я называла Т. Рэй, поскольку слово «папа» никак ему не подходило, вытащил ее из персикового сада, где она работала одной из сборщиц. У нее было большое круглое лицо и тело, имеющее форму шатра, и она была такой черной, что ночь, казалось, сочится из всех пор ее кожи. Она жила одна в маленьком домике, запрятанном неподалеку от нас в лесу, и каждый день приходила, чтобы готовить, убирать и быть мне матерью. У Розалин никогда не было своих детей, так что последние десять лет я была ее любимой игрушкой.

Пчелы роятся перед смертью. Она была переполнена сумасшедшими фантазиями, на которые я не обращала никакого внимания, но я лежала и думала об этом, желая знать, не моя ли смерть у них на уме. По правде сказать, эта мысль не слишком меня тревожила. Каждая из этих пчел могла бы спикировать на меня и жалить, пока я не умру, и это не было бы худшим исходом. Те, кто считают, что смерть — худшее зло, ничего не смыслят в жизни.

Мама умерла, когда мне было четыре года. Это было фактом биографии, но, стоило мне об этом заговорить, как люди тут же принимались рассматривать свои ногти и ковырять заусенцы или выискивать что-то на небе, и было похоже, что они меня не слышат. Иногда какая-нибудь добрая душа говорила: «Просто выкинь это из головы, Лили. Это был несчастный случай. Успокойся».

Я лежала в постели и думала о том, как умру и попаду в рай — к моей маме. Я бы ей сказала: «Мама, прости. Пожалуйста, прости», и она бы целовала мою кожу и говорила, что я не виновата. Она бы говорила мне это первые десять тысяч лет.

Следующие десять тысяч лет она бы меня причесывала. Я знала, что она сможет сделать из моих волос такую красоту, что люди по всему раю побросают арфы, только чтобы восхищаться моей прической. Я очень быстро поняла — чтобы узнать, у кого из девочек нет мамы, достаточно взглянуть на их волосы... Мои волосы вечно торчали, как им вздумается, а Т. Рэй, конечно же, отказывался купить мне нормальные бигуди, так что я накручивала их на баночки из-под виноградного сока, а спать с ними было

совершенно невозможно. Мне всегда приходилось выбирать между приличной прической и нормальным ночным сном.

Я решила, что пожертвую четыре или пять веков на то, чтобы рассказать ей, какое это несчастье — жить с Т. Рэем. Он был зол круглый год, но особенно летом, когда с утра до вечера работал в своих персиковых садах. Я старалась как можно меньше попадаться ему на глаза. Он был добр только со Снаутом, своей собакой, с которой он охотился на птиц, которая спала в его постели и которой он всякий раз принимался чесать живот, стоило ей только перевернуться на спину. Однажды я видела, как Снаут пописал на ботинки Т. Рэя, и это не вызвало у него ни малейшего возмущения.

Я часто просила Бога, чтобы он сделал что-нибудь с Т. Рэем. Он сорок лет ходил в церковь, но становился только хуже. Казалось, это должно было кое о чем сказать Богу.

Я отбросила одеяло. В комнате было совершенно тихо, нигде ни единой пчелы. Я поминутно глядела на часы, не понимая, куда же эти пчелы могли подеваться.

Наконец, где-то около полуночи, когда мои веки почти уже сдались в борьбе со сном, в верхнем углу комнаты возник урчащий звук, низкий и вибрирующий, звук, который можно было принять за мурлыканье кошки. А через мгновение тени на стене задвигались, похожие на брызги краски, ухватывая немного света всякий раз, когда они пролетали мимо окна, — так что я могла разглядеть контуры крыльев. Звук нарастал волнами, пока вся комната не запульсировала в темноте, пока сам воздух не стал живым, насквозь пронизанным пчелами. Они кружились вокруг моего тела, сделав меня эпицентром тучи, несущей торнадо. За всем этим жужжанием я не слышала даже собственных мыслей.

Я вонзила ногти в ладони с такой силой, что почти проткнула кожу. Пчелы могут закусать до полусмерти.

И все же зрелище было величественным. Вдруг я поняла, что не могу противиться побуждению показать это хоть кому-нибудь, даже если единственным человеком поблизости был Т. Рэй. И если его случайно укусит пара сотен пчел, что ж, тогда — прости, папочка.

Я выскочила из-под одеяла и бросилась к двери, проломившись сквозь гущу пчел. Я будила его, дотрагиваясь пальцем до руки, сперва тихонько, потом все сильнее, пока наконец я уже не тыкала в его руку со всей силы, изумляясь тому, до чего она твердая.

Т. Рэй в одних трусах вскочил с кровати. Я тащила его к своей комнате, а он кричал, что будет лучше, если это окажется правдой, что лучше бы

этот проклятый дом сгорел, а Снаут лаял, как на голубиной охоте.

— Пчелы! — кричала я. — У меня в комнате рой пчел!

Но когда мы зашли в комнату, они уже исчезли в стене, как если бы знали, что он сейчас зайдет, и не хотели демонстрировать ему свой высший пилотаж.

— Черт подери, Лили, это не смешно.

Я осматривала стены сверху до низу. Я заглядывала под кровать, умоляя пыль и спирали кроватных пружин породить хотя бы одну пчелу.

— Они здесь были, — сказала я. — Летали повсюду.

— Ага — и еще стадо долбанных быков.

— Послушай, — сказала я. — Слышно, как они жужжат.

Он с притворно-серьезным видом приблизил ухо к стене.

— Я не слышу никакого жужжания, — сказал он и покрутил пальцем у виска. — Полагаю, они вылетели из этих сломанных часов с кукушкой, которые ты называешь своим мозгом. Еще раз меня разбудишь, Лили, и я достаю «Марту Уайтс»,^[1] ты поняла?

«Марта Уайтс» была формой наказания, до которого мог додуматься только Т. Рэй. Я тут же замолкла.

И все же, я не могла это так оставить — чтобы Т. Рэй думал, что я дошла до того, что выдумала вторжение пчел с целью привлечь к себе внимание. У меня возникла великолепная идея — наловить полную банку этих пчел, предъявить их Т. Рэю и сказать: «Ну, и кто же тут выдумывает?»

* * *

Моим первым и единственным воспоминанием о матери был день ее смерти. Я долгое время пыталась вызвать в воображении ее образ до этого дня — хотя бы кусочек чего-нибудь, вроде того, как она подтыкает мое одеяло, читает мне про приключения Дядюшки Уиггли или холодным утром развешивает мое белье возле камина. Я была бы рада даже вспомнить, как она отламывает прутик и стегает меня по голым ногам.

Она умерла третьего декабря 1954-го. Печка так нагрела воздух, что мама стянула с себя свитер и стояла в одной майке, дергая застрявшее окно своей спальни.

Наконец она сдалась, проговорив:

— Ладно, отлично, тогда мы просто угорим здесь ко всем чертям.

У нее были густые черные волосы, которые вились вокруг ее лица —

лица, которое я никак не могу вызвать в памяти, несмотря на отчетливость всего остального.

Я протянула к ней руки, и она подняла меня, сказав, что я немного великовата, чтобы так меня держать, но все равно продолжала держать меня на руках. Как только я оказалась у нее на руках, меня окутал ее запах.

Этот аромат остался со мной навсегда, и я могу представить его так же отчетливо, как запах корицы. Я регулярно ходила в Силван в магазин и обнюхивала каждый флакончик с духами, пытаюсь найти нужный. Всякий раз, когда я там появлялась, продавщица духов изображала удивление, говоря: «Боже мой, посмотрите, кто к нам пришел». Как если бы я не была там неделю назад и не прошла тогда по всему ряду бутылочек. «Галимар», «Шанель № 5», «Уайт Шолдерз».

И я говорила:

— Получили что-нибудь новенькое? Она ни разу не ответила «да».

Так что я была потрясена, когда почувствовала этот запах от своей учительницы в пятом классе, которая сказала, что это был попросту кольдкрем «Пондз».

В тот день, когда умерла моя мама, на полу лежал распахнутый чемодан — прямо возле окна, которое так и не удалось открыть. Она ходила в чулан и обратно, то и дело кидая что-нибудь в чемодан, не утруждая себя складыванием.

Я пошла за ней в чулан и пролезла под полами платьев и брючными штанинами вглубь, где валялись хлопья пыли, мертвые мотыльки и куски грязи из нашего сада, где стоял плесневый запах персиков, налипших на ботинки Т. Рэя. Я засунула руки в пару белых туфель на высоких каблуках и пошлепала ими друг о друга.

Пол в чулане вибрировал всякий раз, когда кто-нибудь взбирался по ступенькам под ним, так что я знала, что сейчас Т. Рэй будет здесь. Я слышала, как над моей головой мама сдергивала с вешалок все подряд, слышала шелест одежды и позвякивание проволочных плечиков друг о друга. «Быстрее», — сказала она.

Когда его ботинки протопали в комнату, она выдохнула, и воздух вышел из груди, как будто ее легкие внезапно и сильно сжались. Это последнее, что я четко помню, — ее дыхание, спускающееся ко мне, как крошечный парашют и исчезающее без следа среди груды обуви.

Я не помню, что они говорили, только злость в их словах и воздух, который, казалось, был весь в рубцах и кровотожил. Еще это напоминало птиц, пойманных в закрытой комнате, бьющихся о стены и стекла, друг о друга. Я попятилась, оказавшись еще глубже внутри чулана и чувствуя свои

пальцы во рту, вкус туфель, вкус ног.

Когда меня стали вытаскивать, я сначала не поняла, кто меня тянет, пока не оказалась на руках у мамы и не вдохнула ее запах. Она пригладила мне волосы, сказала: «Не волнуйся», но тут Т. Рэй меня забрал. Он отнес меня к двери и опустил на пол в коридоре.

— Иди в свою комнату, — сказал он.

— Не хочу, — я плакала, пытаюсь протиснуться мимо него, назад в комнату, назад к ней.

— Убирайся к черту в свою комнату! — заорал он и сильно меня пихнул. Я стукнулась о стену, затем упала на четвереньки. Подняв голову, из-за спины Т. Рэя я увидела, как она бежит к нему через комнату. Она выкрикивала: «Оставь. Ее. В покое».

Я сжалась на полу у двери и наблюдала сквозь воздух, который, казалось, был весь исцарапан. Я видела, как он схватил ее за плечи и начал трясти, а ее голова моталась взад-вперед. Я видела, как побелели его губы.

И тогда — хотя я и вижу это сейчас словно в тумане — она вырвалась от него и побежала в чулан, подальше от его цепких рук, и стала на шаривать что-то на одной из верхних полок.

Увидев пистолет у нее в руке, я побежала к ней, неуклюже и чуть не падая, желая ее спасти, спасти нас всех.

Затем время распадается на куски. То, что я помню, находится в моей голове в виде четких, но совершенно разрозненных картинок. Пистолет, блестящий в ее руке, как игрушка; он вырывает пистолет и размахивает им; пистолет на полу; я нагибаюсь, чтобы его поднять; звук выстрела, похожий на взрыв.

Вот то, что я знаю о себе. Она была всем, что мне было нужно. И она навсегда осталась со мной.

* * *

Мы с Т. Рэем жили рядом с городком Силван, Южная Каролина, с населением 3100 человек. Палатки с персиками да баптистские церкви — вот все, что там было.

У въезда на нашу ферму стояла большая деревянная вывеска со словами: «ПЕРСИКОВАЯ КОМПАНИЯ ОУЭНСА», намалеванными самой отвратительной оранжевой краской, какую вы когда-либо видели. Я ненавидела эту вывеску. Но вывеска была мелочью, по сравнению с

гигантским персиком, насаженным на верхушку двадцатиметрового шеста рядом с воротами. Все в школе называли его Великой Задницей (и это вежливый вариант их слов). Телесный цвет, не говоря уже о вертикальной складке посередине, придавали ему безошибочное сходство с задней частью человека. Розалин говорила, что это способ Т. Рэя показать задницу всему миру. Таков был Т. Рэй.

Он не верил ни в мои ночевки у подружек, ни в танцевальные вечеринки, что не было особой проблемой, поскольку меня на них все равно не приглашали, но он отказывался подвозить меня в город на футбольные матчи, на собрания энтузиастов и на субботние благотворительные мойки машин в «Бета-клубе». Его не волновало, что я ношу одежду, которую шила сама в варианте эконом-класса: ситцевые английские блузки с перекошенными молниями и юбки, свисающие ниже колен, — разве что девушки из церкви Святой Троицы стали бы ходить в подобных нарядах. С таким же успехом я могла написать у себя на спине: «Я НЕ ПОПУЛЯРНА И НИКОГДА НЕ БУДУ ПОПУЛЯРНА». Мне необходима была максимальная помощь, какую только может дать мода, ведь никто, ни единый человек, ни разу не сказал: «Лили, ты такой милый ребенок». Никто, кроме мисс Дженнингс из церкви, а ведь она была совершенно слепа.

Я разглядывала свое отражение не только в зеркале, но и в витринах и в телевизоре, когда он был выключен, пытаюсь работать над своим взглядом. Мои волосы были черные, как у матери, но все состояли из непослушных вихров. Еще меня беспокоил мой маленький подбородок. Я надеялась, что он начнет расти одновременно с грудью, но ожидания не оправдались. У меня, однако же, были красивые глаза, как у Софи Лорен, но все равно, даже мальчики, делавшие из напомаженных волос хвостик и носившие в кармане рубашки расческу, не слишком мной интересовались.

То, что должно быть пониже шеи, у меня вполне оформилось, хотя и не было ни малейшей возможности выставить это на обозрение. Тогда было в моде носить кашемировые костюмы-двойки и шотландские юбки выше колен, но Т. Рэй сказал, что раньше ад превратится в ледовый каток, чем я пойду куда-нибудь в таком наряде — или я хочу забеременеть, как Битси Джонсон, чья юбка едва прикрывает задницу? Одному Богу известно, откуда он узнал про Битси, но что касается ее юбок и ее ребенка, то это было правдой. Просто неудачное стечение обстоятельств.

Розалин знала о моде меньше, чем Т. Рэй, так что, когда было холодно, помилуй-нас-Боже-Иисус, она отправляла меня в школу в бриджах, надетых под платье в стиле Святой Троицы.

Больше всего я ненавидела, когда кучки шепчущихся девчонок замолкали при моем приближении. Я отковыривала стружья со своего тела, а когда они заканчивались, грызла заусенцы, пока не начинала течь кровь. Я так много переживала о внешности и о том, все ли я правильно делаю, что, казалось, половину времени я лишь играю какую-то роль, вместо того, чтобы быть настоящей девочкой.

Я думала, что у меня появился реальный шанс, когда я записалась в школу очарования в Женском клубе прошлой весной — по вечерам в пятницу в течение шести недель, — но меня не взяли, поскольку у меня не было мамы, или бабушки, или хотя бы какой-нибудь вшивой тетки, чтобы вручить мне на выпускной церемонии белую розу. Розалин не могла этого сделать, так как это было против правил. Я плакала, пока меня не стошнило в раковину.

— Ты и так очаровательна, — говорила Розалин, отмывая раковину. — Тебе не нужны эти школы для выскочек, чтобы быть очаровательной.

— Нет, нужны, — всхлипывала я. — Они там учат всему на свете. Как ходить и поворачиваться, что делать с ногами, когда ты сидишь на стуле, как садиться в машину, разливать чай, снимать перчатки...

Розалин издала пыхтящий звук, выпустив воздух через сжатые губы.

— Господи помилуй, — сказала она.

— Ставить цветы в вазу, говорить с мальчиками, выщипывать брови, брить ноги, красить губы...

— А как насчет блевания в раковину? Они учат, как делать это очаровательно? — спросила она.

Иногда я ее просто ненавидела.

* * *

Наутро после того, как я разбудила Т. Рэя, Розалин стояла в дверях моей комнаты и смотрела, как я гоняюсь за пчелой с банкой в руках. Ее губа отвисала так, что мне был виден маленький розовый восход солнца у нее во рту.

— Чего это ты делаешь с этой банкой? — спросила она.

— Ловлю пчел, чтобы показать Т. Рэю. Он думает, что я их выдумала.

— Господь, дай мне силы.

Она чистила бобы на крыльце, и бисеринки пота сверкали у нее в волосах. Она потянула платье вперед, открывая воздуху доступ к ее груди,

большой и мягкой, как диванные подушки.

Пчела села на карту штата, приклепленную к стене. Я смотрела, как она ползет вдоль побережья Южной Каролины по живописному шоссе 17. Я накрыла пчелу банкой, поймав ее где-то между Чарлстоном и Джорджтауном. Когда я подсунула крышку, пчела запаниковала и принялась яростно колотиться о стенки, напоминая град, стучащий в окно.

Я насыпала в банку бархатистых лепестков, богатых пылью, и проделала гвоздем множество дырок в крышке, чтобы пчелы не погибли, ведь, как я знала, человек может в один прекрасный день превратиться в того, кого он убил.

Я подняла банку к лицу.

— Иди посмотри, как она бьется, — позвала я Розалин.

Когда она ступила в комнату, ее запах поплыл ко мне, темный и пряный, как табак, который она держала за щекой. У нее в руке была кубышка с горлышком размером с монетку и ручкой, чтобы продевать в нее палец. Я смотрела, как она прижимает кубышку к подбородку, вытягивает губы цветочком и сплевывает внутрь струйку черного сока.

Она поглядела на пчелу и покачала головой.

— Если она тебя ужалит, не приходи ко мне жаловаться, — сказала она, — потому что мне все равно.

Это было неправдой.

Я была единственной, кто знал, что, несмотря на грубоватость, сердце ее было нежней цветочной кожицы и она безумно меня любила.

Я узнала об этом в восемь лет, когда она купила мне цыпленка, выкрашенного для Пасхи. Я увидела его, дрожащего в углу в своем загончике: он был цвета красного винограда и печальными глазками высматривал свою маму. Розалин позволила мне принести его домой, прямо в гостиную, где я рассыпала по полу коробку овсяных хлопьев, чтобы он их клевал, и Розалин даже ни словом меня не попрекнула.

Цыпленок оставлял по всей комнате кусочки помета с фиолетовыми прожилками — видимо, потому, что краска просочилась в его хрупкий организм. Мы только начали уборку, как в комнату ворвался Т. Рэй, угрожая сварить цыпленка на обед и уволить Розалин за то, что она идиотка. Он кинулся ловить цыпленка, пытаясь схватить его своими черными после возни с трактором руками, но Розалин встала у него на дороге.

— В этом доме есть вещи похужей цыплячьего дерьма, — сказала она, глядя на него снизу вверх и одновременно сверху вниз. — Ты не тронешь эту крошку.

Когда он уходил по коридору, в звуке его шагов мне слышалось

поражение. *Она меня любит*, думала я, и тогда эта мысль возникла у меня впервые.

Ее возраст был тайной, поскольку у нее не было свидетельства о рождении. Иногда она говорила, что родилась в 1909-м, а иногда — что в 1919-м, в зависимости от того, насколько старой она чувствовала себя в этот день. Но она точно знала место: Макклеланвиль, Южная Каролина, где ее мама плела корзинки из соломы, которые затем продавала, стоя у дороги.

— Как я — персики, — говорила я ей.

— Ничего общего с твоими персиками, — отвечала она. — У тебя нет семерых детей, которые с этого кормятся.

— У тебя шесть братьев и сестер? — Я всегда думала о ней как о человеке, у которого кроме меня нет никого на свете.

— Были, но я не знаю, где сейчас хотя бы один из них.

Она бросила своего мужа через три года после свадьбы, за пьянство.

— Дай его мозги птице, и птица полетит задом наперед, — говаривала она. Я часто задумывалась, что бы эта птица стала делать, будь у нее мозги Розалин. Я решила, что половину времени она будет гадить всем на голову, а другую половину — сидеть на брошенных гнездах, растопырив крылья.

В моих мечтах она была белой, выходила замуж за Т. Рэя и становилась мне настоящей матерью. А иногда я была сиротой-негритянкой, которую она находила на кукурузном поле и удочеряла. Изредка я видела нас живущими в другой стране, вроде Нью-Йорка, где она могла бы меня удочерить, и никто бы не удивлялся тому, что у нас разный цвет кожи.

* * *

Мою маму звали Дебора. Это имя казалось мне самым красивым на свете, хотя Т. Рэй и отказывался его произносить. Если же я его произносила, он вел себя так, будто сейчас пойдет на улицу и там кого-нибудь зарежет. Однажды я спросила его, когда у нее день рождения и какую начинку она любила в пироге, но он сказал, чтобы я заткнулась, а когда я спросила снова, он взял банку черничного желе и швырнул ее в кухонный сервант. На нем до сих пор остались синие пятна.

Однако мне удалось выжать из него кое-какие обрывки информации, например, что мама похоронена в Виржинии, там, откуда она родом. Я спросила его, можно ли найти мою бабушку. Нет, сказал он, мама была

единственным ребенком. Однажды, раздавив на кухне таракана, он сказал, что мама проводила массу времени, пытаясь выманить тараканов из дома с помощью кусочков пастилы и дорожек из крошек от крекеров, что она была просто психом, когда дело касалось сохранения жизни насекомых.

Самые неожиданные вещи могли заставить меня по ней скучать. Например, спортивный топик. С кем я могла этим поделиться? И кто, кроме мамы, смог бы понять, как важно было возить меня на репетиции группы поддержки? Я могу точно сказать, что Т. Рэю такое и в голову не приходило. Но знаете, когда я по ней больше всего скучала? В день, когда, в возрасте двенадцати лет, проснулась с пятном, похожим на лепесток розы, на моих трусиках. Я была так горда этим цветком, но у меня не хватило духу показать его кому-нибудь, кроме Розалин.

Вскоре после этого я обнаружила на чердаке бумажный пакет, запечатанный степлером. Внутри я нашла последние следы моей мамы.

Там была фотография притворно улыбающейся женщины в светлом платье с плечиками, стоящей возле старой машины. Выражение ее лица говорило: «Не смей меня снимать», но она хотела, чтобы ее снимали, это было видно. Вы бы никогда не поверили тем историям, которые я выдумывала, глядя на фотографию: как она, стоя у автомобильного бампера, нетерпеливо дожидалась своей любви.

Я клала эту фотографию рядом со своей и выискивала черты сходства. У нее тоже немного недоставало подбородка, но, несмотря на это, ее внешность можно было оценить выше среднего, так что это давало мне надежду.

В пакете была еще пара белых хлопковых перчаток, потемневших от времени. Вынув их, я подумала: «Ее руки были здесь внутри». Мне неловко об этом вспоминать, но однажды я набила эти перчатки ватой и всю ночь продержала их в руках.

Но главной загадкой этого пакета была маленькая деревянная картинка Марии, матери Иисуса. Я узнала ее, несмотря даже на то, что у нее была черная кожа, чуть светлее, чем у Розалин. Было похоже, что кто-то вырезал изображение черной Марии из книги, наклеил его на отшлифованный кусочек дерева, сантиметров пяти в поперечнике, и покрыл его лаком. На оборотной стороне неизвестной рукой было написано: «Тибурон, Ю. К.».

Два года я хранила эти вещи в жестяной коробке, которую закопала в саду. У меня там было особое место среди деревьев, о котором не знал никто, даже Розалин. Я стала ходить туда еще до того, как научилась завязывать шнурки. Сперва это было просто местом, где я могла спрятаться от Т. Рэя и его скотства или от воспоминаний о том дне, когда выстрелил

пистолет, но позже я стала убегать туда, иногда после того, как Т. Рэй ложился спать, просто чтобы спокойно полежать под деревьями.

Я положила ее вещи в жестяную коробку и закопала там в одну из ночей, поскольку страшно боялась оставлять их у себя в комнате, даже в глубине ящика своего стола. Потому что Т. Рэй мог пойти на чердак и обнаружить пропажу, и тогда он перевернул бы вверх дном мою комнату, чтобы найти эти вещи. Мне становилось дурно, когда я думала о том, что он со мной сделает, если это произойдет.

Время от времени я ходила в сад и выкапывала коробку. Я лежала на земле, надев мамины перчатки, и улыбалась ее фотографии, а деревья стояли вокруг, склонившись надо мной. Я рассматривала надпись: «Тибурон, Ю. К.» на оборотной стороне картинке с черной Марией, рассматривала эти буквы, написанные с нелепым наклоном, и думала о том, какое оно, это место. Однажды я нашла его на карте, и оно оказалось не более чем в двух часах езды от нас. Может, мама была там и купила эту картинку? Я пообещала себе, что однажды, когда стану уже достаточно взрослой, то сяду в автобус и съезжу туда. Я хотела побывать во всех местах, где ей доводилось когда-нибудь побывать.

* * *

В то утро, после ловли пчел, я отправилась в нашу палатку у дороги продавать персики Т. Рэя, где и провела остаток дня. Это было самой унылой работой, какую только можно придумать для девочки — часами торчать у дороги в палатке с тремя стенами и плоской жестяной крышей.

Я сидела на деревянном ящике из-под кока-колы и глядела на проносящиеся мимо пикапы, пока от выхлопных газов и скуки у меня не закружилась голова. Обычно по четвергам я продавала много персиков, поскольку женщины уже начинали готовиться к воскресным посиделкам, но в тот день все проезжали мимо.

Т. Рэй не позволял мне брать с собой книги. Если я все-таки приносила что-нибудь, вроде «Потерянного горизонта», спрятав его под рубашкой, тогда кто-то из доброхотов, вроде миссис Уотсон с соседней фермы, встретив отца в церкви, обязательно говорил: «Видела, как твоя дочка увлеченно читает в своей палатке. Ты можешь ею гордиться». Всякий раз после этого я чудом оставалась жива.

Что это за человек, который ненавидит чтение? Думаю, он считал, что

это может зародить во мне мысли о колледже, каковые, с его точки зрения, были пустой тратой времени, особенно для девочек, даже если они, вроде меня, показывали наивысший результат при «тестировании словесных способностей». Мои математические способности не были столь ярко выражены, но нельзя же быть совершенной во всем.

Я была единственной из учеников, кто не роптал, когда миссис Генри выбрала на уроке очередную пьесу Шекспира. На самом деле, в угоду классу, я *притворилась*, что недовольна, хотя, если честно, я была очень рада.

Пока не появилась миссис Генри, я считала, что вершиной моей карьеры будет школа красоты. Однажды, рассмотрев ее лицо, я сказала, что французский изгиб бровей мог бы сделать с ней чудеса, а она ответила (цитирую): «Пожалуйста, Лили, ты оскорбляешь свой редкостный интеллект. Ты хотя бы представляешь, насколько ты умна? Ты могла бы стать профессором или писателем. Школа красоты. *Ну ты и скажешь*».

Прошло больше месяца, прежде чем мне удалось справиться с потрясением от того, что у меня есть жизненные перспективы. Вы знаете, как любят взрослые спрашивать: «Ну, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» Невозможно передать, как я прежде ненавидела этот вопрос, но тут я вдруг начала говорить людям, даже тем, кто вовсе и не хотел этого знать, что я планирую стать профессором или писателем.

Я собирала коллекцию собственных произведений. А после того, как в школе мы прошли Ральфа Уалдо Эмерсона, я приступила к «Моей жизненной философии», которая должна была стать капитальным трудом, но мне удалось написать лишь три страницы. Миссис Генри сказала, что мне нужно перерасти свои четырнадцать лет, прежде чем у меня появится эта самая философия.

Она сказала, что образование — моя единственная надежда на будущее, и одолжила мне на лето свои книги. Стоило мне открыть одну из них, Т. Рэй говорил: «Кого ты из себя строишь, Юлия Шекспира?» Он и вправду считал, что так звали Шекспира, и если вы думаете, что я его поправляла, значит, вы ничего не смыслите в искусстве выживания.

Если я сидела в своей фруктовой палатке без книжки, то часто убивала время, сочиняя стихи. Но в тот ленивый день у меня не хватало терпения, чтобы подыскивать рифмы. Я просто сидела и думала, как я ненавижу эту палатку с персиками, как же я ее ненавижу.

* * *

Накануне того дня, когда я пошла в первый класс, Т. Рэй застал меня в палатке, ковыряющей гвоздем один из его персиков.

Он подошел, щурясь от солнца и засунув большие пальцы в карманы брюк. Я наблюдала за его тенью, скользящей по пыли и сорнякам, и думала, что сейчас он накажет меня за испорченный персик. Я сама не понимала, почему это делала.

Но вместо этого он сказал:

— Лили, завтра ты идешь в школу, так что пришло время, чтобы ты кое-что узнала. О своей матери.

На секунду все стихло, как будто бы ветер исчез, а птицы перестали летать. Когда он присел передо мной на корточки, мне показалось, что я попала в капкан.

— Пришло время узнать, что с ней случилось, и я хочу, чтобы ты узнала об этом от меня, а не от чужих людей, которым лишь бы сплетничать.

Мы никогда об этом не говорили, и я почувствовала, как по спине пробежал озноб. Воспоминания о том дне всегда посещали меня внезапно. Заклинившее окно. Ее запах. Позвякивание вешалок. Чемодан. Крики и ругань. Но больше всего — пистолет на полу, тяжесть в руках, когда я его подняла.

Я знала, что взрыв, который я слышала в тот день, убил ее. Этот звук порой возникал в моей голове и всякий раз удивлял. Иногда казалось, что, пока я держала пистолет в руках, не было вообще никакого звука, что звук возник позже, а иногда, когда я в одиночестве сидела на крыльце, скучая и не зная чем заняться, или торчала в своей комнате в дождливые дни, то чувствовала, что именно я являлась его причиной, что, когда я подняла пистолет и звук разодрал комнату, моя жизнь опрокинулась.

Это было тем знанием, которое, выйдя на поверхность, полностью завладевало мной, и я вскакивала и — даже если снаружи шел дождь — бежала вниз с горы к моему месту в персиковом саду. Там я ложилась на землю и постепенно успокаивалась.

Т. Рэй сгреб в ладонь горстку пыли и дал ей просочиться сквозь пальцы.

— В день, когда она умерла, она чистила чулан, — сказал он. Я не могла не заметить странные интонации в его голосе, неестественные интонации — вроде бы обычный голос, но не совсем — такой *добренький* голос.

Чистила чулан. Я никогда не думала о том, что она делала в эти последние минуты своей жизни, зачем она бегала в чулан, почему они

ругались.

— Я помню, — сказала я. Мой голос казался мне тихим и очень далеким, как если бы он доносился из-под земли.

Он поднял брови и приблизил ко мне свое лицо. Лишь глаза выдавали его смущение.

— Ты... что?

— Я помню, — повторила я. — Вы друг на друга кричали.

Его лицо напряглось.

— Правда? — произнес он. Его губы начали бледнеть, а это всегда служило мне сигналом. Я отступила на шаг.

— Черт подери, тебе было лишь четыре года! — заорал он. — Ты сама не знаешь, что ты помнишь.

В наступившей тишине я думала о том, что надо ему соврать, сказать: «Я ошиблась. Я ничего не помню. Расскажи мне, что случилось», но потребность поговорить об этом была так сильна и сдерживалась так долго, что теперь она требовала слов.

Я смотрела вниз на свои ботинки и на гвоздь, который я уронила, увидев, как приближается Т. Рэй.

— Там был пистолет.

— Боже, — сказал он.

Он долго смотрел на меня, а затем отошел к огромным корзинам, сложенным за палаткой. С минуту он стоял там со сжатыми кулаками, а затем вернулся ко мне.

— Что еще? — спросил он. — Отвечай: что еще ты помнишь?

— Пистолет был на полу...

— И ты его подняла, — сказал он. — Полагаю, это ты помнишь.

Эхо взрыва зазвучало в моей голове. Я смотрела в сторону сада, желая сорваться с места и убежать.

— Помню, что подняла, — сказала я. — Но это все. Он наклонился, взял меня за плечи и слегка потряс.

— Ты больше ничего не помнишь? Ты уверена? Подумай еще.

Я думала так долго, что он дернул головой и с подозрением на меня посмотрел.

— Нет, сэр, это все.

— Тогда послушай, — сказал он, сжав пальцами мои руки. — Мы спорили, как ты и сказала. Мы тебя сперва не заметили. Затем мы повернулись, и ты стояла там с пистолетом в руке. Ты подняла его с пола. А затем он просто выстрелил.

Он отпустил меня и засунул руки в карманы. Я слышала, как в

карманах позвякивают ключи и монетки. Я так хотела схватиться за его ногу, хотела, чтобы он поднял меня и прижал к груди, но я не двигалась, и он тоже не двигался. Он глядел куда-то поверх моей головы. Он очень внимательно туда глядел.

— Полиция задавала массу вопросов, но это был просто кошмарный несчастный случай. Ты не хотела этого делать, — сказал он мягко. — Но если кто-нибудь захочет знать — все было так, как я тебе только что сказал.

Затем он направился к дому. Он отошел совсем немного и оглянулся.

— И не ковыряй больше своим гвоздем мои персики.

* * *

Где-то после шести вечера я вернулась домой, так ничего и не продав, ни единого персика, и обнаружила Розалин в гостиной. Обычно к этому времени она уже уходила домой, но сейчас она сражалась с антенной на крышке телевизора, пытаясь избавиться от «снега» на экране. Президент Джонсон то появлялся, то бледнел и исчезал в снежной пурге. Я никогда не видела, чтобы Розалин так интересовалась телешоу, чтобы тратить из-за этого столько энергии.

— Что случилось? — спросила я. — Они сбросили атомную бомбу? — С тех пор, как у нас в школе начались противоядерные учения, я не могла не думать о том, что мои дни сочтены. Все строили у себя во дворах бомбоубежища, запасали воду, готовились к концу света. Тринадцать учеников из моего класса сделали модели бомбоубежищ в качестве своих научных проектов, что говорило о том, что не я одна об этом беспокоюсь. Мистер Хрущев и его ракеты были нашей навязчивой идеей.

— Нет, бомбу никто не взрывал, — сказала она. — Лучше подойди сюда и посмотри, нельзя ли настроить телевизор. — Ее кулаки так глубоко погрузились в бедра, что их почти не было видно.

Я обернула антенну оловянной фольгой. Изображение прояснилось настолько, что стало видно президента Джонсона, сидящего за столом, и людей, стоящих вокруг. Я не слишком любила нашего президента за то, как он держал за уши своих гончих. Но я обожала его жену, Леди Птицу, которая всегда выглядела так, словно не хочет ничего другого — только отрастить крылья и улететь.

Розалин придвинула скамеечку для ног к телевизору и уселась на нее, так что скамеечка полностью под ней исчезла. Она сидела, наклонившись к

телевизору, и теребила край своей юбки.

— Что происходит? — спросила я, но она была так поглощена зрелищем, что даже не ответила. На экране президент чернильным пером писал свое имя на какой-то бумажке.

— Розалин...

— Ш-ш-ш, — сказала она, махая на меня рукой.

Пришлось узнавать новости от диктора. «Сегодня, второго июля», — сказал он, — «президент Соединенных Штатов в восточной комнате Белого дома подписал Акт о гражданских правах...»

Я взглянула на Розалин, которая сидела, трясая головой и бормоча: «Бог милосерден», при этом она выглядела такой недоверчивой и счастливой, как люди по телевизору, когда они правильно отвечают на вопрос, стоящий миллион долларов.

Я не знала, радоваться за нее или волноваться. Выходя из церкви, люди говорили исключительно о неграх и их гражданских правах. Кто выиграет: команда белых или команда цветных? Как будто это был вопрос жизни и смерти. Когда этот священник из Алабамы, преподобный Мартин Лютер Кинг, был арестован в прошлом месяце во Флориде за то, что хотел поесть в ресторане, люди в церкви вели себя так, словно команда белых выиграла звание чемпиона. Я понимала, что, узнав сегодняшние новости, они не станут сидеть сложа руки — ни за что на свете.

— Аллилуйя, Иисус, — говорила Розалин, сидя на своей скамеечке. Блаженная наивность.

* * *

Розалин оставила обед на плите — ее прославленный тушеный цыпленок. Накладывая тарелку Т. Рэю, я размышляла о том, как заговорить с ним на деликатную тему моего дня рождения. Он всегда игнорировал мой день рождения, но каждый раз я, как дура, надеялась, что в *этом* году все будет иначе.

Мой день рождения совпадал с днем рождения нашей страны, отчего помнить о нем становилось еще труднее. Когда я была маленькой, то думала, что люди запускают ракеты и фейерверки из-за меня — ура, Лили родилась! Но затем иллюзии рассеялись, как это обычно и происходит.

Я хотела рассказать Т. Рэю, что все девочки любят серебряные браслеты, что на самом деле в этом году я была единственной девочкой в

Силванской средней школе, у которой не было такого браслета, и что главной фишкой обеденного перерыва было стоять в очереди за обедом, позвякивая запястьем и демонстрируя всем коллекцию своих амулетов.

— Итак, — сказала я, ставя перед ним тарелку, — в субботу у меня день рождения.

Я смотрела, как он вилкой отковыривает мясо от косточки.

— Я просто подумала, что хорошо было бы иметь один из тех серебряных браслетов, что продаются в торговом центре в городе.

Дом скрипнул, как это часто с ним бывало. За дверью негромко гавкнул Снаут, а затем стало так тихо, что я могла слышать, как во рту у Т. Рэя перемалывается еда.

Он доел грудку и принялся за бедро, время от времени сурово поглядывая на меня.

Я было начала говорить: «Так как насчет браслета?», но тут до меня дошло, что он уже ответил, и тогда какая-то грусть поднялась во мне. Она была нежной и прохладной и на самом деле не имела ничего общего с браслетом. Теперь я думаю, что это была грусть, вызванная скрежетом вилки о тарелку, звуком, заполняющим все пространство между нами, пространство, в котором больше не оставалось места для нас самих.

* * *

В ту ночь я лежала в постели, слушая пощелкивание, жужжание и мурчание в банке с пчелами, ожидая, пока не станет достаточно поздно, чтобы можно было прокрасться в сад и выкопать коробку с вещами моей мамы. Я хотела лежать в саду, лежать и чтобы эти вещи меня убаюкивали.

Когда темнота вытянула луну на середину неба, я вылезла из постели, надела шорты и блузку без рукавов и тихонько заскользила мимо комнаты Т. Рэя, двигаясь как на коньках. Я не видела его ботинок, которые он поставил прямо посередине коридора. Когда я упала, дом сотряс такой грохот, что храп Т. Рэя изменил свой ритм. Сперва храп совсем прекратился, но затем возник вновь, предваренный тройным похрюкиванием.

Я прокралась вниз по ступенькам и вышла через кухню. Когда ночь ударила в мое лицо, мне захотелось смеяться. Луна была идеально круглой и такой яркой, что все вокруг приобрело янтарный оттенок. Пели цикады, и я бежала босиком по траве.

Чтобы попасть на мое тайное место, нужно пройти до восьмого ряда (от сарая с трактором), свернуть налево и считать деревья, пока не дойдешь до тридцать второго. Коробка была зарыта в мягкой земле под деревом, достаточно неглубоко, чтобы я могла выкопать ее голыми руками.

Когда я смахнула землю с крышки и открыла ее, то сперва увидела белизну ее перчаток, затем фотографию, завернутую в вощеную бумагу, и, наконец, смешную деревянную картинку темнолицой Марии. Я вытащила все из коробки и, вытянувшись среди опавших персиков, положила вещи себе на живот.

Когда я посмотрела наверх через паутину веток, ночь придавила меня всей своей тяжестью, и, на какое-то мгновение, я растворилась в окружающем. Я увидела молнию, но не зигзаг, а мягкие золотистые вспышки на небе. Я расстегнула пуговицы рубашки и распахнула ее, чтобы ночь обласкала мою кожу, да так и заснула, лежа с вещами моей матери на животе, а влажный воздух оседал на моей груди и небо трепетало зарницами.

Я проснулась от того, что кто-то ломился через деревья. *Т. Рэй!* Я села, в панике пытаюсь застегнуть рубашку. Я слышала его шаги, быстрое, тяжелое дыхание. Посмотрев вниз, я увидела перчатки моей мамы и две картинки. Я оставила пуговицы и схватила мамины вещи, теребя их в руках, не в состоянии придумать, что мне делать, куда их спрятать. Коробка валялась в своей ямке, слишком далеко, чтобы можно было достать.

— Лили-и-и! — кричал он, и я видела, как стремительно приближается его тень.

Я запихала перчатки с картинками под пояс своих шорт, а затем дрожащими пальцами схватилась за оставшиеся пуговицы.

Прежде чем я успела их застегнуть, на меня упал луч света — и вот *Т. Рэй* уже стоял надо мной, без рубашки, с фонарем в руке. Луч шарил по мне, ослепляя, когда пробежал по лицу.

— С кем ты здесь была? — заорал он, направляя свет на мою полузастегнутую рубашку.

— Н-ни с кем, — сказала я, подобрав ноги и обхватив колени руками, в ужасе от того, что он подумал. Я не могла долго смотреть ему в лицо — оно было таким большим и ослепительным, как лицо Бога.

Он направил луч в темноту.

— Кто здесь?

— *Т. Рэй*, пожалуйста, здесь кроме меня никого не было.

— Поднимайся! — рявкнул он.

Я пошла за ним к дому. Его ноги так ударили в землю, что мне стало ее

жаль. Мы молчали, пока не пришли на кухню и он не достал из буфета крупу «Марта Уайтс».

— Этого можно ожидать от парней. Лили, — их трудно винить, — но я не ожидал этого от тебя. Ты ведешь себя, как шлюха.

Он насыпал горку крупы, размером с муравейник, на пол из сосновых досок.

— Иди сюда и становись на колени.

Я стояла на крупе с шестилетнего возраста, но так и не смогла привыкнуть к этому ощущению толченого стекла, насыпанного тебе под кожу. Я подошла к горке такими крошечными шажками, как какая-нибудь японка, и опустилась на пол, твердо решив не плакать. Но мои глаза уже начинало жечь.

Т. Рэй сидел в кресле и чистил ногти карманным ножиком. Я переминалась с колена на колено, надеясь получить хотя бы секундное облегчение, но от этого боль лишь глубже проникала под кожу. Я закусила губу и в это мгновение почувствовала деревянную картинку Черной Мадонны у себя под поясом. Я почувствовала вощеную бумагу с фотографией внутри и перчатки мамы, прижатые к моему животу, и вдруг осознала, что там моя мама, прямо у меня на теле, как если бы она была панцирем, защитившим меня, чтобы помочь справиться со всей этой подлостью.

* * *

На следующее утро я проснулась поздно. Как только мои ноги коснулись пола, я сунула руку под матрас, проверить, на месте ли вещи моей мамы.

Уверившись, что все на месте, я отправилась на кухню, где нашла Розалин, подметающую крупу.

Я намазала маслом кусок хлеба.

Она мела с таким ожесточением, что меня обдавало ветром.

— Что произошло? — спросила она.

— Ночью я выходила в сад. Т. Рэй думает, что я встречалась там с мальчиком.

— А ты встречалась?

Я вытаращила на нее глаза:

— Нет.

— Сколько времени он держал тебя на этой крупе?

Я пожала плечами:

— Может, час.

Она прекратила мести и посмотрела на мои колени. Они горели сотнями ярких кровоподтеков, крошечными синяками, которые вскоре превратят кожу в сплошное синее пятно.

— Посмотри на себя, детка. Посмотри, что он с тобой сделал, — сказала Розалин.

Мои колени истязали достаточно много раз в моей жизни, чтобы я перестала думать об этом, как о чем-то из ряда вон выходящем; с этим просто нужно было время от времени мириться, как с простудой. Но сейчас выражение лица Розалин заставило меня взглянуть на это новыми глазами. *Посмотри, что он с тобой сделал.*

Я разглядывала свои колени — именно за этим занятием и застал меня Т. Рэй, войдя на кухню.

— Взгляните-ка, кто решил наконец проснуться. — Он вырвал хлеб у меня из рук и бросил в миску Снаута. — Будет не слишком бесцеремонно с моей стороны, если я попрошу тебя пойти в персиковую палатку и чуть-чуть поработать? Тебя пока еще не выбрали Королевой Дня.

Я знаю, это звучит безумно, но до сих пор я думала, что Т. Рэй хотя бы немножко меня любит. Я не могла забыть, как он улыбался мне в церкви, когда я пела, держа в руках перевернутый вверх ногами сборник гимнов.

Я смотрела на его лицо. Оно было злобным и презрительным.

— Пока ты живешь под моей крышей, ты будешь делать, что я скажу! — заорал он.

Тогда я найду другую крышу, подумала я.

— Ты поняла? — спросил он.

— Да, сэр, я поняла.

И это было правдой. Я поняла, что новая крыша сможет сделать для меня невероятное.

* * *

Ближе к вечеру я поймала еще двух пчел. Лежа на животе поперек кровати, я наблюдала, как они кружатся внутри банки, не находя выхода.

Розалин сунула голову в дверь.

— Ты в порядке?

— Ага.
— Я ухожу. Скажи своему папаше, что я пойду завтра в город, так что меня не будет.
— Идешь в город? Возьми меня, — сказала я.
— А тебе зачем?
— Ну Розалин, ну пожалуйста.
— Тебе придется всю дорогу идти пешком.
— Ну и что.
— Почти все будет закрыто, кроме лотков с фейерверками и бакалеи.
— Ну и что. Я просто хочу в свой день рождения выйти куда-нибудь из дому.

— Ладно, только отпросись у своего папаша. Я зайду за тобой утром.

Она уже вышла за дверь, когда я ее окликнула:

— Чего это ты собралась в город?

Мгновение она продолжала стоять ко мне спиной, совершенно не шевелясь. Когда она обернулась, лицо ее выглядело мягким и изменившимся, словно это была другая Розалин. Она сунула руку в карман, порылась в нем и вытащила сложенный блокнотный листок. Она села на кровать рядом со мной. Я потирала свои ноги, пока она разглаживала листок у себя на коленях.

Ее имя, Розалин Дэйз, было написано на этом листке, по меньшей мере, раз двадцать пять, крупными письменными буквами, как первая работа, которую ты сдаешь в начале учебного года в школе.

— Тут я тренировалась, — сказала она. — Ведь четвертого июля в церкви для цветных будет слет избирателей. Я регистрируюсь, чтобы голосовать.

У меня в желудке возникло неприятное ощущение. Накануне по телевизору сказали, что какого-то человека в Миссисипи убили за то, что он зарегистрировался для голосования. И я лично слышала, как мистер Басси, один из дьяконов, сказал Т. Рэю: «Не волнуйтесь, они потребуют, чтобы те писали свои имена безукоризненным письменным шрифтом, и не дадут им учетной карточки, если они забудут поставить хотя бы птичку над „й“ или сделать петлю в букве „у“».

Я разглядывала завитки в «Р» Розалин.

— А Т. Рэй знает, что ты делаешь?

— Т. Рэй, — сказала она, — Т. Рэй вообще ничего не знает.

* * *

На закате он прошаркал вверх, весь потный после работы. Я встретила его у кухонной двери, стоя со скрещенными на груди руками.

— Я думаю завтра сходить с Розалин в город. Мне нужно купить кое-какие предметы гигиены.

Он принял это без комментариев. Больше всего Т. Рэй ненавидел упоминания о женской половой зрелости.

Вечером я взглянула на банку на комод. Несчастные пчелы сидели на доньшке, едва шевелясь, и наверняка мечтали улететь. Тогда я вспомнила, как они выныривали из щелей в стенах и летали, летали. Я подумала о том, как моя мама делала дорожки из крошек от крекеров и пастилы, чтобы выманить тараканов из дома, вместо того, чтобы их давить. Я сомневалась, что она бы одобрила, что я держу пчел в банке. Я отвинтила крышку и положила ее рядом.

— Можете лететь, — сказала я.

Но пчелы остались на месте, словно самолеты на взлетной полосе, которые не знают, что полоса уже свободна. Они ползали на своих тоненьких ножках вдоль стеклянных стенок, как будто весь мир сжался до размеров этой банки. Я постучала по стеклу, даже положила банку на бок, но эти ненормальные пчелы не желали никуда улетать.

* * *

Пчелы были все еще там, когда на следующее утро пришла Розалин. Она принесла пирог с четырнадцатью свечками.

— Привет. С днем рождения, — сказала она. Мы съели по два куска, запивая молоком. Молоко оставило на ее темной верхней губе белый полумесяц, который она не потрудилась вытереть. Позже я вспоминала об этом — как она отправилась в путь, женщина, отмеченная иной судьбой.

До Силвана было не близко. Мы шагали вдоль края дороги. Розалин двигалась медленно, но ритмично. Плевательная кубышка болталась у нее на пальце. Воздух был дымчатым и весь пропитан запахом персиков.

— Хромаешь? — спросила Розалин.

Ноги так болели, что я с трудом за ней поспевала.

— Немного.

— Тогда почему бы нам не присесть ненадолго в тенечке?

— Все в порядке, — сказала я, — не беспокойся. Проехала машина, обдав нас пылью и горячим воздухом. Розалин от жары вся взмокла. Она

вытирала лицо и тяжело дышала.

Показалась баптистская церковь Эбенезера, которую посещали мы с Т. Рэем. Сквозь заросли деревьев проступал шпиль, а красные кирпичи выглядели затененными и прохладными.

— Пойдем, — сказала я, сворачивая с дороги.

— Ты куда?

— Отдохнем в церкви.

Внутри было тихо и тускло. Свет косо падал из окон, но это были не симпатичные витражи, а матовые стекла, через которые невозможно ничего увидеть.

Я прошла вперед и села на вторую скамью, оставив место Розалин. Она взяла бумажный веер с полочки для сборников гимнов и теперь изучала картинку, нарисованную на нем — белая церковь и улыбающаяся белая женщина, выходящая из дверей.

Розалин начала обмахиваться, и я чувствовала волны воздуха, идущие от нее. Она никогда не ходила в церковь, но в те несколько раз, когда Т. Рэй позволял мне сходить к ней домой, я видела ее специальную полочку с огарком свечи, речными камушками, красным пером и куском какого-то корня. В центре стояла фотография без рамки, на которой была изображена женщина.

Когда я в первый раз это увидела, то спросила у Розалин: «Это ты?», поскольку — клянусь — женщина выглядела в точности как она, с мохнатыми косичками, иссиня-черной кожей и узкими глазами, а вся масса ее тела стекла вниз, как у баклажана. По бокам, там, где Розалин держала фотографию пальцами, глянец вытерся.

— Это моя мама, — сказала она.

Эта полочка была иконостасом религии, которую она сама себе выдумала: гибрид культа природы и культа предков. Она прекратила посещать молитвенный дом Святого Евангелия много лет назад, поскольку службы там начинались в десять утра, а заканчивались не раньше трех пополудни, что было, как она выразилась, недостаточным количеством религии, чтобы убить взрослого человека.

Т. Рэй сказал, что религия Розалин была совершеннейшей галиматьей и чтобы я держалась от этого подальше. Но меня притягивало то, что она любит речные камешки и перья дятлов, что у нее есть единственная фотография мамы — прямо как у меня.

Одна из дверей открылась, и в церковь вошел брат Джералд, наш священник.

— Ради всего святого. Лили, что ты здесь делаешь?

Тут он увидел Розалин и с таким остервенением принялся скрести свою безволосую макушку, что я побоялась, что он протрет ее до самого черепа.

— Мы шли в город и завернули сюда, чтобы слегка охладиться.

Его рот сложился по форме звука «о», но он не произнес его вслух; он был занят, рассматривая Розалин, сидящую в его церкви, Розалин, которая именно сейчас решила сплюнуть в свою кубышку.

Забавно, что я забыла о правилах. Ей не полагалось здесь находиться. Всякий раз, когда доходили слухи о том, что группа негров собирается прийти в воскресенье утром на нашу службу, дьяконы, сцепив руки, вставали на ступенях церкви, чтобы их не пустить. Мы любим их во Христе, объяснял брат Джерадд, но у них есть свои места.

— У меня сегодня день рождения, — сказала я, надеясь пустить его мысли в другое русло.

— Правда? Тогда, с днем рождения, Лили. Так сколько тебе исполнилось?

— Четырнадцать.

— Спроси его, можно ли тебе взять парочку этих вееров как подарок ко дню рождения, — сказала Розалин.

Он издал тоненький смешок.

— Ну, если мы начнем раздавать веера всем, кто этого захочет, то в церкви не останется ни одного веера.

— Она просто шутит, — сказала я и встала. Он улыбнулся, довольный, и провел меня до самой двери, а Розалин шла следом за нами.

Снаружи солнце светило еще ярче. Когда мы прошли мимо дома священника и снова оказались на шоссе, Розалин извлекла из-за пазухи два церковных веера и, придав своему лицу выражение невинности, передразнила меня: «О, брат Джерадд, она просто шутит».

* * *

Мы вошли в Силван с самой гадкой его стороны. Старые дома из шлакоблоков. Вентиляторы, втиснутые в окна. Грязные дворики. Женщины в розовых бигуди. Собаки без ошейников.

Пройдя несколько кварталов, мы оказались возле заправки Эссо на углу Уэст-маркет и Парк-стрит — место, знаменитое как пристанище для мужчин, у которых слишком много свободного времени.

Я обратила внимание, что на заправке нет ни одной машины. Трое мужчин сидели возле мастерской на пластиковых стульях, положив на колени лист фанеры. Они играли в карты.

— Крой, — сказал один из них, и заправщик, в шапочке с козырьком, шлепнул карту на лист фанеры. Он поднял глаза и увидел нас: Розалин шла, махая веером и, подшаркивая, раскачивалась из стороны в сторону.

— Эй, взгляните-ка кто идет, — закричал он, — ты куда, черномазая? Издалека до нас доносились взрывы петард.

— Не останавливайся, — прошептала я, — не обращай внимания.

Но Розалин, у которой оказалось меньше здравого смысла, чем я надеялась, произнесла тоном, каким ребенку в детском саду объясняют очень трудные вещи:

— Я иду зарегистрировать свое имя, чтобы мне разрешили голосовать, вот куда я иду.

— Нам лучше поторопиться, — сказала я, но она продолжала идти в своем обычном медленном темпе.

Человек с волосами, зачесанными назад, сидевший рядом с заправщиком, отложил карты и произнес:

— Вы это слышали? У нас здесь образцовый гражданин.

Ветер пел свою медленную песню, двигаясь вслед за нами по улице. Мы шли, а эти мужчины, отложив свой импровизированный стол, подошли к краю дороги. Они ждали нас стоя, как зрители на параде.

— Вы хоть раз видали таких черных? — сказал заправщик.

И человек с зачесанными назад волосами ответил:

— Нет. И я ни разу не видал таких больших. Разумеется, третий мужчина должен был тоже что-нибудь сказать, так что он посмотрел на Розалин — беззаботно выступающую, с веером, который скорее подошел бы белой женщине, — и произнес:

— Где ты взяла этот веер, черномазая?

— Украла в церкви, — отрезала она. Буквально — отрезала.

Однажды я с ребятами из церкви плавала на плоту по реке Чаттуга, и теперь я испытывала похожие ощущения — что нас несет течение, водоворот событий, которому невозможно противиться. Подойдя к мужчинам, Розалин подняла кубышку, наполненную черной слюной, и спокойно вылила слюну им на ботинки, выводя рукой вензеля, как будто она писала свое имя — Розалин Дэйз — точно так, как она тренировалась его писать.

Какую-то секунду они глядели на слюну, стекающую, как автомобильное масло, по их ботинкам. Они моргали, не в силах этому

поверить. Когда они подняли глаза, я увидела, как удивление на их лицах уступает место злости, а затем и откровенной ярости. Они набросились на нее, и все завертелось. Розалин, которую держали и колошматили со всех сторон, Розалин, которая кружилась, пытаясь стряхнуть мужчин со своих рук, и мужчины, оравшие, чтобы она извинилась и вытерла им ботинки.

И еще слышались крики птиц над головой, резкие и бесполезные — птицы срывались с веток, перемешивая воздух с ароматом сосны, и в тот момент я уже знала, что до конца жизни буду испытывать к этому запаху отвращение.

— Вызови полицию, — закричал заправщик кому-то внутри мастерской.

К тому времени Розалин лежала, распластавшись на земле и вплетя пальцы в траву. Из ранки под глазом шла кровь. Она затекала под подбородок, словно это были слезы.

Приехавший полицейский приказал нам сесть к нему в машину.

— Вы арестованы, — сказал он Розалин. — Оскорбление, кража и нарушение общественного порядка.

Затем он обратился ко мне:

— Когда приедем в участок, я позвоню твоему отцу, и пускай он с тобой разбирается.

Розалин залезла в машину и уселась. Я залезла вслед за ней и тоже уселась. Я делала все точно так же, как делала она.

Дверь закрылась. Она закрылась с легким щелчком, почти бесшумно, и это было самое странное — как такой тихий звук мог заполнить собой весь мир.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Покинув старое гнездо, рой, обыкновенно, пролетает всего несколько метров и опускается. Пчелы-разведчики ищут подходящее место для новой колонии. В конце концов одному из мест отдается предпочтение, и весь рой вновь поднимается в воздух.

«Пчелы мира»

Полицейского, который вез нас в тюрьму, звали мистер Эвери Гастон, но люди на заправке называли его Туфля. Загадочное прозвище, поскольку его туфли (и даже его ноги, насколько я видела) были ничем не примечательны. Но что в нем было примечательно, так это маленькие уши, уши, как у ребенка, уши, похожие на кусочки кураги. Я смотрела на них с заднего сиденья и думала, что его следовало бы прозвать «Ухо».

Трое мужчин ехали за нами в зеленом пикапе с подставкой для ружья в кузове. Они двигались вплотную к нам и сигналили каждые несколько секунд. Я всякий раз подпрыгивала, и Розалин похлопывала меня по ноге. В какой-то момент они затеяли новую игру: ехали рядом с нами и что-то выкрикивали, но нам почти ничего не было слышно, поскольку окна были закрыты. Людям, сидящим на заднем сиденье полицейской машины не полагалось дверных и оконных ручек, так что нам пришлось ехать в тюрьму в удушающей жаре.

Розалин глядела прямо перед собой и вела себя так, словно эти люди были мелкими мушками, жужжащими за оконной сеткой. Я лишь могла чувствовать, как дрожат ее ноги — все заднее сиденье ходило ходуном.

— Мистер Гастон, — спросила я, — ведь эти люди не едут с нами?

В зеркале заднего вида появилась его улыбка.

— Трудно сказать, что будут делать люди, разозленные до такой

степени.

Перед Главной улицей они устали от своих развлечений и умчались вперед. Я вздохнула с облегчением, но когда мы въехали на пустую автостоянку перед полицейским участком, они уже ждали нас на крыльце. Заправщик постукивал фонариком по ладони. Двое других помахивали нашими церковными веерами.

Когда мы вылезли из машины, мистер Гастон надел на Розалин наручники, защелкнув их у нее за спиной. Я шла так близко за ней, что чувствовала горячий пар, идущий от ее кожи.

Она остановилась в десятке ярдов от мужчин и отказалась двигаться с места.

— Послушайте, не заставляйте меня доставать оружие, — сказал мистер Гастон. Обычно полиция Силвана использовала оружие только тогда, когда их призывали отстреливать гремучих змей у кого-нибудь во дворе.

— Пойдем, Розалин, — сказала я, — что они тебе сделают, когда рядом полицейский?

Именно в эту секунду заправщик подошел к нам, поднял свой фонарик и опустил его на голову Розалин. Она упала на колени.

Я не помню, как я кричала, но помню, как мистер Гастон зажал мне рот.

— Тихо, — сказал он.

— Может, сейчас ты захочешь извиниться, — сказал заправщик.

Розалин пыталась встать, но без рук это было бесполезно. Вдвоем с мистером Гастоном мы поставили ее на ноги.

— Твоей черной жопе все равно придется извиняться, — сказал заправщик и сделал шаг к Розалин.

— погоди, Франклин, — сказал мистер Гастон, ведя нас к двери, — сейчас не время.

— Я не успокоюсь, пока она не извинится. Это последнее, что мы услышали, прежде чем оказаться внутри, где я ощутила непреодолимое побуждение встать на колени и поцеловать тюремный пол.

* * *

Если я и знала что-то о тюрьмах, так только из вестернов, но эта была совсем не похожа на те, что показывали в кино. Тут стены были покрашены

розовым, а на окнах висели занавески в цветочек. Оказалось, что мы зашли через жилое помещение. Жена мистера Гастона вышла из кухни, на ходу смазывая форму для оладий.

— Привел тебе еще два рта на прокорм, — сказал мистер Гастон, и его жена вернулась к работе, даже не улыбнувшись и не проявив никакого сочувствия.

Мы прошли в переднюю часть здания, где находились два ряда пустых тюремных камер. Мистер Гастон снял с Розалин наручники и дал ей полотенце. Она прижимала его к голове, пока полицейский, сидя за столом, заполнял бумаги, а затем рылся в ящиках стола в поисках ключей.

Из камер доносился запах винного перегара. Туфля поместил нас в ближайшую камеру, где на скамейке, прикрепленной к одной из стен, кто-то нацарапал: «Трон для дерьма». Все выглядело почти нереально. Мы в тюрьме, думала я. Мы в тюрьме.

Когда Розалин убрала полотенце, я увидела двухсантиметровую ранку на вспухшем месте над бровью.

— Сильно болит? — спросила я.

— Так себе.

Она обошла камеру два или три раза, прежде чем сесть на скамейку.

— Т. Рэй вытащит нас отсюда, — сказала я.

— Угу.

Она не произнесла больше ни слова, пока, полчаса спустя, мистер Гастон не открыл дверь камеры.

— Вперед, — сказал он.

В глазах у Розалин мелькнула надежда. Она даже начала подниматься. Но он покачал головой.

— Ты остаешься здесь. Только девочка.

У двери я схватилась за прут решетки, словно это была рука Розалин.

— Я вернусь. Ладно?.. Ладно, Розалин?

— Не волнуйся, я справлюсь.

У нее на лице было такое выражение, что я едва не расплакалась.

* * *

Стрелка спидометра на грузовике Т. Рэя дрожала так сильно, что я не могла понять, показывает она на семьдесят или на восемьдесят. Сгорбившись над рулем, Т. Рэй давил на газ, отпускал, затем снова давил.

Несчастный грузовик грохотал так, что, казалось, капот вот-вот отлетит, срубив по пути несколько сосен.

Я воображала, что Т. Рэй так торопится домой, чтобы поскорее начать сооружать по всему дому пирамиды из крупы — продуктовую камеру пыток, где я буду ходить от одной кучки к другой, стоя на коленях по четыре часа кряду, с перерывами на туалет. Мне было все равно. Я не могла думать ни о чем, кроме Розалин, которая осталась в тюрьме.

Я скосила на него глаза:

— Что же будет с Розалин? Ты должен ее вытащить...

— Тебе еще повезло, что я *тебя* вытащил! — заорал он.

— Но она не может там оставаться...

— Она облила трех белых табачным соком! О чем она вообще думала, черт бы ее подрал?! Да еще самого Франклина Поззи, прости Господи. Она не могла найти кого-нибудь понормальней? Это самый сволочной ненавистник черномазых в Силване. Он ее прикончит и глазом не моргнет.

— Ты хочешь сказать, что он *действительно* ее убьет? — сказала я.

— Именно это я и хочу сказать.

У меня задрожали руки. Франклин Поззи был тем мужчиной с фонариком, и он собирался убить Розалин! Но, по большому счету, разве я сама не понимала этого еще прежде, чем спросила Т. Рэя?

Он шел за мной, пока я поднималась по лестнице. Я специально шла медленно, и во мне нарастала злость. Как он мог вот так оставить Розалин в тюрьме?

Когда я вошла в свою комнату, Т. Рэй остановился в дверях.

— Я должен пойти насчитать сборщикам зарплату, — сказал он. — Не выходи из комнаты. Ты меня поняла? Сиди здесь и думай о том, как я приду, чтобы с тобой разобраться. Думай об этом изо всех сил.

— Не пугай меня, — произнесла я себе под нос. Он уже уходил, но теперь резко обернулся.

— Что ты сказала?

— Не пугай меня, — повторила я громче. Что-то высвободилось внутри меня, какая-то дерзость, до тех пор запертая в моей груди.

Он сделал шаг ко мне, подняв руку, словно собираясь ударить меня по лицу тыльной стороной ладони.

— Давай, попробуй, ударь меня! — крикнула я. Когда он ударил, я отпрянула назад. Мимо!

Я подбежала к кровати и забралась на ее середину, тяжело дыша.

— Моя мама больше не позволит тебе ко мне прикасаться! — крикнула я.

— Твоя мама? — его лицо было пунцовым. — Ты думаешь, этой проклятой женщине было до тебя хоть какое-то дело?

— Моя мама меня любила! — крикнула я.

Он откинул голову и издал неестественный смешок.

— Это... это не смешно, — сказала я.

Тогда он наклонился к кровати, упершись кулаками в матрас и поднеся свое лицо так близко к моему, что я могла видеть поры на коже. Я отодвинулась назад, к подушкам, упершись спиной в стенку.

— Не смешно? — простонал он. — *Не смешно?* Отчего же, это самое смешное дерьмо, какое я слышал в своей жизни: ты думаешь, что твоя мать — твой ангел-хранитель. — Он опять засмеялся. — Она не смогла бы наплевать на тебя сильнее, чем она это сделала.

— Это неправда, — сказала я. — Нет.

— Да откуда тебе знать? — сказал он, все еще нависая надо мной. Остатки улыбки приподнимали уголки его рта.

— Ненавижу тебя! — выкрикнула я. Улыбка тут же исчезла с его лица. Он весь напрягся.

— Ты, маленькая сучка, — произнес он. Его губы побелели.

Я вдруг ощутила холод, как будто бы в комнату заползло что-то опасное. Я посмотрела в сторону окна и почувствовала, что начинаю дрожать.

— Теперь послушай меня, — сказал он совершенно ровным голосом. — Правда в том, что твоя несчастная мать сбежала и бросила тебя. В день своей смерти она вернулась, чтобы забрать вещи. Вот и все. Можешь ненавидеть меня сколько хочешь, но именно *она* тебя бросила.

В комнате воцарилась тишина.

Он смахнул что-то со своей рубашки и вышел.

После его ухода я сидела не двигаясь — только водила пальцем по полоскам света на кровати. Его ботинки прогрохотали по лестнице и затихли. Я вытащила подушки из-под кроватного покрывала и разложила вокруг себя, словно бы это был спасательный плот, который удержит меня на поверхности. Я могла понять, почему она бросила его. Но бросить *меня*?

Банка стояла теперь на тумбочке, пустая. За время, прошедшее с утра, пчелы успели прийти в себя и улететь. Я дотянулась до банки, взяла ее в руки, и из меня полились слезы, которые я, казалось, сдерживала годами.

Твоя несчастная мать сбежала и бросила тебя. В день своей смерти она вернулась, чтобы забрать вещи. Вот и все.

Бог и Иисус, заставьте его взять эти слова назад.

На меня нахлынули воспоминания. Чемодан на полу... Они кричат

друг на друга... Мои плечи затряслись, совершенно меня не слушаясь. Я прижимала банку к груди, надеясь, что это меня успокоит, но не могла унять дрожь, не могла прекратить плакать, и это пугало, как если бы меня сбила машина, которую я не заметила, и я лежала на дороге, стараясь понять, что же произошло.

Я сидела на краю кровати, снова и снова повторяя про себя его слова. Всякий раз я чувствовала боль в том месте, где билось мое сердце.

Не знаю, сколько времени я так просидела, чувствуя, что разваливаюсь на части. Наконец я подошла к окну и стала смотреть на персиковые деревья, тянущиеся чуть ли не до Северной Каролины, на их покрытые листьями руки, поднятые в немой мольбе. Помимо деревьев там было лишь небо, воздух и одиночество.

Я заглянула в банку, которую все еще держала в руке, и увидела на дне лужицу слез. Я отодвинула сетку и вылила их в окно. Ветер подхватил мои слезы и рассеял их по выжженной траве. *Как она могла меня бросить?* Я стояла там несколько минут, пытаюсь осознать его слова. Слышалось пение птиц — такое прекрасное.

И тут меня осенило: *Что если все это неправда? Что если Т. Рэй все это выдумал, чтобы меня наказать?*

Я почувствовала такое облегчение, что у меня даже закружилась голова. Так и было. Так должно было быть. Надо сказать, что мой отец был Томасом Эдисоном, когда дело доходило до изобретения наказаний. Однажды, когда я ему нагрубилась, он сказал, что моя крольчиха. Мадемуазель, умерла, и я проплакала всю ночь, а наутро нашла ее в своей клетке, живой и невредимой. Он наверняка и теперь все выдумал. Некоторые вещи в этом мире совершенно невозможны. Так не бывает, чтобы оба родителя не любили своего ребенка. Один — еще может быть, но, умоляю, только не оба!

Наверняка все было так, как он рассказывал раньше: в тот день она чистила чулан. Люди ведь часто чистят чуланы.

Я глубоко вдохнула, чтобы успокоиться.

Можно сказать, что у меня никогда не было религиозного откровения, вроде тех, когда ты знаешь, что с тобой говорит Голос. И он звучит так отчетливо, что ты видишь, как слова сверкают, просвечивая сквозь облака и деревья. Такое откровение снизошло на меня в тот самый момент, когда я находилась в своей комнате. Я услышала Голос, который сказал: *Лили Мелисса Оуэнс, твоя банка открыта.*

Уже через считанные секунды я точно знала, что нужно сделать — *уйти*. Я должна уйти от Т. Рэя, который, возможно, в тот самый момент уже

направлялся сюда, чтобы сделать со мной бог знает что. Не говоря уже о том, что мне нужно было вытащить Розалин из тюрьмы.

Часы показывали 2:40. Мне необходим был план, но я не могла позволить себе роскошь сидеть и что-то придумывать. Я схватила розовую брезентовую сумку, которую собиралась использовать для ночевки у подружек, если бы у меня таковые когда-нибудь появились. Я достала тридцать восемь долларов, которые заработала, продавая персики, и засунула их в сумку вместе с семью своими лучшими трусиками — такими, на которых сзади написаны дни недели. Еще я засунула туда носки, пять пар шорт, футболки, пижаму, шампунь, расческу, зубную пасту и щетку, резинки для волос — не забывая все время поглядывать в окно. *Что еще? Взгляд упал на висящую на стене карту, и я содрала ее, даже не потрудившись вытащить кнопки.*

Я залезла рукой под матрас и вытащила фотографию мамы, перчатки, деревянную картинку Черной Мадонны и тоже запихала их следом.

Выдрав лист из блокнота, я написала записку — коротко и по существу: «Дорогой Т. Рэй. Не трудись меня искать. Лили. P. S. Люди, которые лгут, подобно тебе, должны гореть в аду».

Когда я вновь взглянула в окно, Т. Рэй шел из сада по направлению к дому, кулаки сжаты, голова наклонена, как у быка, который собирает кого-то боднуть.

Я положила записку на стол и на секунду задержалась в центре комнаты, раздумывая, увижу ли ее когда-нибудь вновь. «Прощай», — сказала я и почувствовала, как крошечный росточек грусти пробился из моего сердца.

Выйдя из дома, я обнаружила разрыв в сетке, которой был обернут фундамент. Я пролезла в отверстие и исчезла среди фиолетового света и паутиного воздуха.

Ботинки Т. Рэя протопали через веранду.

— Лили! Лили-и-и-и-и! — Я слышала, как его голос разносится по всему дому.

Вдруг я увидела Снаута, который обнюхивал то место, где я недавно пролезала. Я отступила глубже в темноту, но он уже учуял мой запах и принялся лаять во всю свою паршивую глотку.

Т. Рэй появился со смятой запиской в руке, заорал на Снаута, чтобы тот заткнулся, влез в грузовик и рванул с места, оставляя за собой шлейф выхлопных газов.

* * *

Идя во второй раз за сегодняшний день по заросшей сорняками обочине шоссе, я думала о том, насколько старше сделал меня день моего четырнадцатилетия. За несколько часов я стала старше на сорок лет.

Дорога, на сколько хватало глаз, была пуста, и воздух над ней дрожал. Если мне удастся освободить Розалин, — «если» казалось таким же большим, как планета Юпитер, — то куда мы пойдём?

Внезапно я застыла на месте. *Тибурон, Южная Каролина*. Ну конечно. Город, написанный на обороте Черной Мадонны. Разве я не собиралась однажды туда съездить? И это было совершенно логично: моя мама там бывала. Или же она там кого-то знала, кого-то, кто потрудился послать ей милую картинку с изображением матери Иисуса. И кому придет в голову нас там искать?

Я присела возле канавы и развернула карту. Тибурон был крошечной точкой возле большой красной звезды Колумбии. Т. Рэй обязательно будет наводить справки на автовокзале, так что нам с Розалин придется добираться автостопом. Насколько это сложно? Ты просто стоять на дороге, оттопырив большой палец, пока кто-нибудь тебя не пожалеет.

Вскоре после того, как я миновала церковь, мимо проскочил брат Джералд на своем белом «форде». Зажглись стоп-сигналы, и машина задним ходом подъехала ко мне.

— Так и знал, что это ты, — сказал он, высунувшись в окно. — Куда идешь?

— В город.

— Опять? А сумка зачем?

— Я... я несу кое-что для Розалин. Она в тюрьме.

— Да, я знаю, — сказал он, открывая пассажирскую дверь. — Залезай, мне тоже туда.

До сих пор я никогда не ездила в машине священника. Не то чтобы я ожидала, что задняя часть машины до потолка будет забита Библиями, но я все же удивилась, увидев, что внутри эта машина похожа на любую другую.

— Ты едешь к Розалин? — спросила я.

— Мне позвонили из полиции и попросили выдвинуть против нее обвинение за кражу церковного имущества. Они сказали, что она взяла наши веера. Ты что-нибудь об этом знаешь?

— Всего два веера...

Он тут же вошел в роль проповедника:

— В глазах Бога не имеет значения, два веера или двести. Воровство есть воровство. Она спросила, можно ли взять веер, я сказал «нет», на чистом английском. Она все равно их взяла. Это грех, Лили.

Праведники всегда действовали мне на нервы.

— Но она глуха на одно ухо, — сказала я. — Думаю, что она вас просто не поняла. С ней всегда так. Т. Рэй может ей сказать: «Поджарь мне на завтрак *яйца*», а она зажарит ему *зайца*.

— Проблемы со слухом. Да, об этом я не знал.

— Розалин в жизни ничего не украдет.

— Еще они сказали, что она оскорбила каких-то людей на заправке Эссо.

— Все было не так, — сказала я. — Она просто пела свой любимый гимн: «Где были вы, когда распяли Бога?». Я не верю, что эти люди христиане, брат Джерадд, поскольку они стали орать, чтобы она заткнулась со своей дурацкой песенкой про Иисуса. Розалин сказала: «Вы можете ругать меня, но не оскверняйте Господа нашего Иисуса». Но они не унимались. Тогда она вылила сок из своей табачной чашечки прямо им на ботинки. Может, она была и не права, но, с ее точки зрения, она защищала Иисуса.

Я вся взмокла.

Брат Джерадд нервно покусывал нижнюю губу. Похоже, он всерьез раздумывал над моими словами.

* * *

Мистер Гастон был один. Когда мы с братом Джералдом вошли, он сидел за столом и ел арахис. Повсюду на полу валялись ореховые скорлупки.

— Твоей цветной здесь нет, — сказал он, глядя на меня. — Я отвез ее в больницу, чтобы ей наложили швы. Она упала и стукнулась головой.

Черта с два она упала и стукнулась головой. Мне хотелось швырнуть его чашку с арахисом об стену.

Я не смогла удержаться, чтобы не заорать на него:

— Что это значит, «упала и стукнулась головой»?!

Мистер Гастон посмотрел на брата Джералда — таким все понимающим взглядом, каким обмениваются мужчины, когда женщина

ведет себя якобы как истеричка.

— Успокойся, — сказал он.

— Я не могу успокоиться, пока не уверена, что с ней все в порядке, — сказала я уже спокойнее, но все еще дрожащим голосом.

— Она в порядке. Всего лишь стукнулась головой. Полагаю, она будет здесь уже к вечеру. Доктор хотел несколько часов за ней понаблюдать.

Пока брат Джерадд объяснял, что он не может подписать ордер, раз Розалин почти глуха, я направилась к двери.

Мистер Гастон окинул меня подозрительным взглядом:

— Мы приставили к ней охранника, и он никому не позволяет с ней видеться, так что отправляйся домой. Ты поняла?

— Да, сэр. Я иду домой.

— Вот именно, домой, — сказал он. — Потому что если я узнаю, что ты ошиваешься вокруг больницы, я снова вызову твоего отца.

* * *

Мемориальная больница Силвана была приземистым кирпичным зданием с одним крылом для белых и другим — для черных.

Я ступила в пустынный коридор, изобилующий различными запахами. Гвоздика, старики, спиртовые протирки, освежители воздуха, микстуры. В белом отделении из окон торчали кондиционеры, но здесь лишь вентиляторы гоняли с места на место горячий воздух.

У стойки дежурной сестры стоял полицейский. Он выглядел, как какой-нибудь старшекласник, который прогуливает физкультуру или вышел покурить на переменке. Он разговаривал с девушкой в белом. Видимо — медсестра, но она не выглядела намного старше меня. «Я сменяюсь в шесть», — расслышала я слова полицейского. Она улыбалась, пряча за ухом непослушный локон.

В противоположном конце коридора напротив одной из комнат я увидела пустой стул. Под ним лежала полицейская фуражка. Я подошла и увидела на двери табличку: «ПОСЕЩЕНИЯ ЗАПРЕЩЕНЫ». Я вошла прямо туда.

Там было шесть кроватей, и все они пустовали — кроме одной, самой дальней, возле окна. Одеяло вздыбилось, с трудом вмещая под собой пациента. Я опустила сумку на пол.

— Розалин?

Вокруг ее головы была обмотана марлевая повязка размером с детскую пеленку. Запястья привязали к прутьям кровати.

Увидев меня, она начала плакать. За все те годы, что она за мной ухаживала, я ни разу не видела, чтобы хоть одна слезинка скатилась по ее лицу. Теперь же словно прорвало плотину. Я гладила ее руку, ногу, щеку, плечо.

Когда ее слезные железы наконец истощились, я спросила:

— Что с тобой случилось?

— Когда ты ушла, этот полицейский по кличке Туфля впустил тех людей, чтобы они получили свои извинения.

— Они снова тебя ударили?

— Двое держали меня за руки, а третий бил — тот, с фонариком. Он сказал: «Извиняйся, черномазая», а когда я не извинилась, он стал меня бить, пока полицейский не сказал «хватит». Но они все равно не дождались своих извинений.

Я желала, чтобы эти люди подошли в аду, моля о глотке воды, но я сердилась и на Розалин. *Почему ты не могла просто извиниться? Тогда, может Франклин Поза, побив, оставил бы тебя в покое.* Но теперь они точно вернутся.

— Тебе нужно уходить отсюда, — сказала я, отвязывая ее запястья.

— Но я не могу просто уйти, — сказала она. — Я все еще в тюрьме.

— Если ты здесь останешься, эти люди придут и убьют тебя. Я не шучу. Они убьют тебя, как убили тех цветных в Миссисипи. Даже Т. Рэй так считает.

Когда она села, ее больничный халат поднялся выше колен. Она попробовала его натянуть, но тот снова полз вверх, словно резиновый. В шкафу я нашла платье и протянула Розалин.

— Но это безумие, — сказала она.

— Надевай платье. Просто делай, что я говорю, ладно?

Она натянула его через голову и встала. Повязка косо сползала на глаза.

— Повязку надо снять, — сказала я.

Я сняла повязку, и под ней обнаружили два ряда швов. Затем я заглянула в замочную скважину, чтобы посмотреть, не вернулся ли полицейский на свой стул.

Он был там. Конечно, было бы слишком хорошо, если бы он флиртовал с медсестрой столько времени, чтобы мы успели оттуда смыться. Я постояла пару минут, пытаюсь что-нибудь придумать, затем открыла свою сумку, нащупала деньги и вытащила несколько

десятицентовиков.

— Я попытаюсь от него избавиться. Залезай в постель, на случай если он заглянет.

Она тарасилась на меня, ее зрачки сузились, превратившись в две точки.

— Малютка Иисус, — сказала она.

Когда я вышла в коридор, он аж подпрыгнул.

— Тебе не положено там находиться!

— Я уже поняла, — сказала я. — Я ищу свою тетю. Готова поклясться, что мне сказали «комната сто два», но там какая-то цветная. — Я потрясла головой, стараясь выглядеть смущенной.

— Ты заблудилась. Тебе нужно в другое крыло здания. Здесь отделение для цветных.

Я улыбнулась.

— Понятно.

В отделении для белых я нашла телефон-автомат. Над информационной стойкой я увидела номер больницы и набрала его, попросив дежурную медсестру цветного отделения.

Я прочистила горло.

— Это жена надзирателя из полицейского участка, — сказала я ответившей мне девушке. — Мистер Гастон хочет, чтобы вы отослали полицейского, который у вас дежурит, назад в участок. Скажите, что должен приехать священник, чтобы подписать кое-какие бумаги, а мистер Гастон не может здесь находиться, поскольку ему надо срочно уйти. Так что, пожалуйста, скажите, чтобы он сразу же шел сюда.

Какая-то часть меня произносила эти слова, а другая часть слушала, как я их говорю, и думала. Думала то об исправительной школе, то о колонии для юных правонарушителей и понимала, что скоро я наверняка окажусь в одной из них...

Я прокралась в цветное отделение и встала, сгорбившись над фонтанчиком питьевой воды, искоса глядя, как девушка в белом, активно жестикулируя, пересказывает ему мое послание. Я видела, как полицейский надел свою фуражку, прошествовал по коридору и вышел за дверь.

* * *

В коридоре я огляделась по сторонам. Чтобы добраться до двери, нужно было пройти мимо стойки дежурной сестры, но девушка в белом была занята — опустив голову, она что-то писала.

— Иди, будто ты псуетитель, — сказала я Розалин. Когда мы были на полпути к стойке, девушка прекратила писать и встала.

— Дерьма кусок, — прошептала я. Схватив Розалин за руку, я втащила ее в какую-то комнату.

Крошечная старушка сидела на кровати, как птица на насесте. Ее лицо напоминало сморщенную черничину. Когда она нас увидела, ее рот приоткрылся, а язык изогнулся, как запятая, потерявшая свое место.

— Мне бы воды чуток, — сказала она.

Розалин налила из кувшина и протянула ей стакан, пока я, прижимая сумку к груди, выглядывала в коридор.

Я увидела, как девушка, взяв какую-то бутылку, исчезла в комнате за несколько дверей от нас.

— Пошли, — сказала я.

— Уже уходите? — спросила старушка.

— Ага, но я вернусь еще до вечера — это уж как пить дать, — ответила Розалин, скорее мне, нежели этой женщине.

На этот раз мы повели себя не как посетители, а рванули бегом.

Снаружи я схватила Розалин за руку и потащила за собой.

— Поскольку ты все так хорошо продумала, то, полагаю, ты знаешь, куда мы идем, — с выражением сказала она.

— Мы идем к Сороковому шоссе и ловим там машину до Тибурона, Южная Каролина. По крайней мере, попробуем.

Мы шли окольными путями, сначала через городской парк, пройдя по узкой аллее до Ланкастер-стрит, затем несколько кварталов до Мэй-Понд-роуд, где, пройдя бакалею Глена, свернули на пустырь.

Мы пробирались через заросли кустов и цветов, среди стрекоз и запаха каролинского жасмина, столь густого, что я почти видела, как он клубится в воздухе, подобно золотистому дымку. Розалин не спрашивала меня, почему мы едем в Тибурон, а я ей ничего не говорила. Зато она спросила:

— С каких это пор ты стала говорить «дерьмо»? Я никогда не прибегала к сквернословию, хотя немало слышала его от Т. Рэя, а также читала на стенках в общественных уборных.

— Мне уже четырнадцать. Думаю, мне теперь можно ругаться, если хочется.

И мне хотелось.

— Дерьма кусок, — сказала я.

— Дерьма кусок, адский огонь, проклятие и сучьей матери сын, — сказала Розалин, смакуя каждое слово, словно на языке у нее был сладкий картофель.

* * *

Мы стояли на обочине Сорокового шоссе в тени от щита с выгоревшей рекламой сигарет «Лаки Страйк». Я выставила большой палец, но машины, завидев нас, лишь прибавляли газу.

Нас пожалел цветной мужчина на побитом грузовичке, который вез дыни-канталупы. Я влезла первой, и мне пришлось чуть ли не сплющиться, чтобы Розалин могла усесться рядом со мной.

Мужчина сказал, что едет в Колумбию повидать сестру и что везет дыни на фермерский рынок. Я сказала, что еду в Тибурон навестить тетю, а Розалин будет помогать ей по хозяйству. Звучало неубедительно, но он не задавал вопросов.

— Могу высадить вас в трех милях от Тибурона, — сказал он.

Закат — самое печальное зрелище на земле. Мы долго ехали в его сиянии, а вокруг была тишина, ее нарушали только сверчки и лягушки, которые все громче пели в надвигающихся сумерках. Я наблюдала через окно за тем, как свет постепенно уступает место темноте.

Водитель включил радио, и кабину заполнили звуки песни: «Детка, детка, куда же ушла наша любовь?» Ничто, кроме песенки о потерянной любви, не может так напомнить вам о жизни, которая сошла со своих привычных рельсов и несется под откос. Я положила свою голову рядом с рукой Розалин. Я хотела, чтобы она похлопала меня и, таким образом, вернула бы нашу жизнь на место, но ее руки неподвижно лежали на коленях.

Через девяносто миль после того, как мы сели в грузовик, фермер остановился на обочине возле знака «ТИБУРОН 3 МИЛИ». Знак указывал налево, на дорогу, уходящую в серебристую темноту. Вылезая из машины, Розалин спросила, нельзя ли нам взять одну из дынь для ужина.

— Возьмите две, — сказал он.

Задние огни грузовика превратились в точки не крупнее светлячков, прежде чем мы заговорили или хотя бы пошевелились. Я старалась не думать о том, насколько печально наше положение. Я не была уверена, что нам теперь будет лучше, чем дома с Т. Рэем или даже в тюрьме. Вокруг не

было никого, кто мог бы нам помочь. И все же я чувствовала себя до боли живой, словно бы в каждой клеточке тела горело пламя, которое жгло меня изнутри.

— По крайней мере, сегодня полнолуние, — сказала я.

Мы наконец пошли. Если вы думаете, что природа ночью затихает, значит, вы никогда не бывали на природе. Одни только древесные лягушки могут заставить мечтать об ушных затычках.

Мы шли, притворяясь, что это обычная прогулка. Розалин сказала, что, похоже, у фермера, который нас подвез, неплохой урожай дынь. Я сказала — удивительно, что нет комаров.

Когда мы дошли до моста, то решили спуститься, чтобы заночевать на берегу речки. Внизу была совсем другая вселенная, рябь на воде искрилась, а лоза дикого винограда гамаком висела между соснами. Это напомнило мне волшебный лес братьев Гримм, вызвав беспокойное ощущение, которое появлялось всякий раз, стоило мне открыть книгу сказок, где невероятное становилось возможным и можно было ждать любых неожиданностей.

Розалин расколола канталупы о речной валун. Вскоре от дынь остались одни корочки, и мы стали пить воду, зачерпывая ее ладонями и не заботясь ни о водорослях, ни о головастиках, ни о том, не гадят ли вверх по течению в речку коровы. Затем мы сели на берегу и посмотрели друг на друга.

— Мне просто интересно, почему из всех мест на земле ты выбрала именно Тибурон, — сказала Розалин. — Я о нем никогда даже не слыхала.

Хотя и было темно, я вынула из сумки картинку с Черной Мадонной и протянула Розалин.

— Это принадлежало моей маме. На обратной стороне написано: «Тибурон, Южная Каролина».

— Поправь меня, если я не так поняла. Ты выбрала Тибурон, потому что у твоей матери была картинка с названием этого города на обороте — *и все?*

— Ну, подумай сама, — сказала я. — Она наверняка бывала там, иначе откуда у нее эта картинка? А если так, то кто-нибудь запросто может ее вспомнить.

Розалин повернула картинку к лунному свету, чтобы лучше ее разглядеть.

— И кто это на картинке?

— Дева Мария, — сказала я.

— Но, если ты до сих пор не заметила, она черная, — сказала Розалин,

и по тому, как она, раскрыв рот, глядела на картинку, я видела, что это произвело на нее впечатление. Я могла прочесть ее мысли: *Если мать Иисуса черная, то почему нам известно только о белой Марии?* Это было все равно, как если бы женщины узнали, что у Иисуса была сестра-близнец, которая получила свою половину божественных генов и при этом — ни капли славы.

Она вернула мне картинку.

— Думаю, мне можно смело умирать, потому что я уже видела все.

Я засунула картинку в карман.

— Знаешь, что сказал Т. Рэй о моей маме? — спросила я, собираясь наконец рассказать ей о том, что произошло. — Он сказал, что мама бросила меня и Т. Рэя задолго до своей смерти. Что она просто приходила забрать вещи, когда это произошло.

Я ждала, чтобы Розалин сказала, насколько это нелепо, но она смотрела прямо перед собой, словно бы взвешивая подобную возможность.

— И это неправда, — сказала я таким голосом, словно бы кто-то выталкивал его снизу через горло. — А если он думает, что я поверю этим байкам, значит, у него дырка в его так называемом мозгу. Он просто все это выдумал, чтобы меня наказать. Я знаю, что это так.

Я могла бы еще добавить, что у мам есть инстинкты и гормоны, которые не позволяют им бросать своих детей, что даже свиньи и опоссумы не покидают своих детенышей, но Розалин, обдумав наконец сказанное мной, произнесла:

— Ты, возможно, права. Зная твоего папашу, он мог бы сделать и не такое.

— А моя мама никогда бы не сделала того, что он сказал, — добавила я.

— Я не была знакома с твоей мамой, — сказала Розалин. — Но мне приходилось видеть ее издалека, когда я возвращалась из сада после уборки. Она обычно развешивала белье или поливала огород, а ты была возле нее, играла рядом. Только однажды я видела ее без тебя.

До сих пор я и понятия не имела, что Розалин видела мою маму. Внезапно я почувствовала головокружение, не зная, было ли это из-за голода, усталости или этих поразительных новостей.

— И что она делала в тот раз, когда ты видела ее одну? — спросила я.

— Она сидела за сараем с трактором, прямо на земле, и глядела в никуда. Когда мы прошли мимо, она нас даже не заметила. Помню, я подумала, что она выглядит печальной.

— Еще бы. Кто хочешь будет печальным, живя с Т. Рэем.

Словно бы лампочка вспыхнула на лице Розалин — вспышка понимания.

— Ага, — сказала она, — до меня дошло. Ты убежала из-за того, что твой папаша сказал о твоей маме. Это не имело никакого отношения ни ко мне, ни к тюрьме. А я тут как дура сижу и волнуюсь, что ты из-за меня убежала и нарвалась на неприятности, а ты бы все равно убежала. Ну что ж, спасибо, что захватила меня с собой.

Она выпятила губу и посмотрела наверх в сторону дороги, заставив меня подумать, не собирается ли она вернуться тем же путем, каким мы пришли сюда.

— Ну, и какие у тебя планы? — спросила она. — Ходить из города в город, спрашивая о своей маме? Это твой блестящий замысел?

— Если бы я хотела, чтобы меня критиковали круглыми сутками, то я бы взяла с собой Т. Рэя! — крикнула я. — И чтобы ты знала — у меня нет никакого плана.

— Ну, я уверена, что у тебя был план, когда ты пришла ко мне в больницу, заявив, что надо делать то-то и то-то, а я должна была только следовать за тобой, как собачка. Ты вела себя так, будто ты мой хозяин. Словно я безмозглая негритоска, которую ты собираешься спасти. — Ее глаза сузились и смотрели на меня жестко. Я поднялась на ноги.

— Это несправедливо! — я задышалась от гнева.

— У тебя были благие намерения, и я рада оказаться подальше оттуда, но пришло ли тебе хоть раз в голову спросить меня?

— Ты действительно безмозглая! — заорала я. — Нужно быть совершенно безмозглой, чтобы вылить табачный сок на ботинки этим типам. И еще безмозглей, чтобы не попросить прощения, если это может спасти тебе жизнь. Они собирались вернуться и убить тебя, или еще что похуже. Я вызволила тебя оттуда, и вот она — благодарность! Ну что ж.

Я стащила ботинки, схватила сумку и вошла в реку. Холод нарезал круги на моих лодыжках. Мне не хотелось находиться с Розалин на одной планете, а еще меньше — на одной стороне реки.

— Отныне можешь делать все, что захочешь! — крикнула я, обернувшись через плечо.

На том берегу я плюхнулась на мшистую землю. Мы смотрели друг на друга через реку. В темноте она выглядела булыжником, обточенным пятью ста годами непрерывных штормов. Я легла на спину и закрыла глаза.

В своем сне я снова была на персиковой ферме. Я сидела за сараем с трактором, и, хотя была середина дня, в небе сияла огромная круглая луна. Она выглядела так прекрасно. Некоторое время я на нее смотрела, а затем

привалилась к стене сарая и прикрыла глаза. Потом я услышала звук, словно бы кто-то колот лед. Я взглянула наверх и увидела, что луна развалилась на части и падает на меня. Нужно было спасти свою жизнь.

Я проснулась с болью в груди. Я искала на небе луну и нашла ее целой и невредимой, нависающей над рекой. Я посмотрела за реку. Розалин там не было.

Мое сердце бешено заколотилось.

Ради Бога. Я не хотела обращаться с ней, как с собачкой. Я только хотела ее спасти. Вот и все.

Пытаясь на ощупь надеть ботинки, я ощущала такое же горе, какое я чувствовала каждый год, приходя в церковь в День Матери. *Мама, прости.*

*Розалин, где ты? Я подхватила сумку и побежала вдоль речки к мосту, даже не чувствуя, что плачу. Споткнувшись в темноте о корягу, я растянулась во весь рост и решила больше не подниматься. Я представила Розалин за милю отсюда, шагающей по шоссе и ворчащей себе под нос: *Дерьма кусок, проклятая глупая девчонка.**

Взглянув наверх, я заметила, что дерево, под которым я упала, было практически голым. Лишь несколько зеленых пятнышек тут и там да серый лишайник, свисающий до земли. Даже в темноте было видно, что оно умирает, и умирает в одиночестве среди всех этих равнодушных сосен. И так было и будет всегда. Гибель рано или поздно поселяется внутри и проедает тебя насквозь.

Из ночи возникли звуки мелодии. Это не был церковный гимн в полном смысле этого слова, но что-то очень на него похожее. Я пошла на звук и обнаружила Розалин посередине реки, в чем мать родила. Бисеринки воды сверкали у нее на плечах, словно капли молока, а ее груди колыхались, увлекаемые течением. Это зрелище не могло оставить меня равнодушной — мне захотелось подойти и слизать молочные бисеринки с ее плечей.

Я открыла рот. Я чего-то хотела. Чего-то, чего сама не знала. *Мама, прости.* Вот все, что я чувствовала. Эта извечная жажда не собиралась меня отпускать.

Я избавилась от ботинок, шорт и футболки. Я на секунду замешкалась, а потом сняла и трусики.

Вода ощущалась как ледник, тающий вокруг моих ног. Должно быть, Розалин услышала, как я от холода хватая ртом воздух, поскольку она подняла глаза и, увидев, как я, голая, иду к ней по воде, засмеялась.

— Взгляните-ка, кто идет — сиськами трясет. Я присела с ней рядом, затаив дыхание под ледяными укусами воды.

— Извини, — сказала я.

— И ты меня. — Она дотянулась и похлопала по моей коленке, как по бисквитному тесту.

Благодаря луне, я четко видела дно — каждый камушек. Я взяла один: красноватый, круглый — гладкое водяное сердце. Я положила его в рот, желая высосать из него весь костный мозг.

Опершись на локти, я сползала, пока вода не сомкнулась над моей головой. Я затаила дыхание и слушала, как вода царапает меня по ушам, и мне хотелось как можно глубже погрузиться в этот темный шипучий мир. Но я думала о чемодане на полу, о лице, черты которого не могла разобрать, о сладковатом запахе кольдкрема.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Новоиспеченным
пчеловодам
рассказывают, что найти
пропавшую матку
можно, выявив сперва
круг ее приближенных.

*«Королева^[2] должна
умереть, и другие
проблемы пчел и людей»*

После Шекспира я больше всего люблю Торо. С миссис Генри мы читали отрывки из «Вальденовского пруда», и после этого я мечтала о том, как уйду в свой тайный сад, где Т. Рэй никогда меня не найдет. Я начала ценить мать-природу и то, что она делает с землей. В моем воображении она была похожа на Элеонор Рузвельт.

С мыслью о ней я и проснулась в то утро на постели из лозы дикого винограда. Над водой плыла дымка, и стрекозы, переливаясь синим, сновали туда и сюда, словно бы зашивали что-то в воздухе крупными стежками. Зрелище было столь завораживающим, что я на секунду забыла тяжелое чувство, которое носила в себе с тех пор, как Т. Рэй рассказал о моей маме. Вместо этого я находилась у Вальденовского пруда. *Первый день новой жизни*, сказала я себе. *Вот он какой.*

Розалин спала с открытым ртом, и с ее нижней губы свисала ниточка слюны. По тому, как ее глаза бегали под веками, можно было понять, что она видит сны. Ее распухшее лицо выглядело лучше, чем накануне, но в ярком свете дня я также увидела синяки на ее руках и ногах. Ни у кого из нас не было часов, но, судя по солнцу, мы проспали почти все утро.

Мне не хотелось будить Розалин, так что я вытащила из сумки деревянную картинку с Марией и прислонила ее к стволу дерева, чтобы хорошенько рассмотреть. На картинку вползла божья коровка и уселась прямо на щеке Святой Матери, превратившись в великолепную родинку. Я подумала о том, любила ли Мария бывать на природе, предпочитая деревья и насекомых церковным стенам.

Я легла на спину, пытаюсь придумать историю о том, как моя мама

могла заполучить картинку с Черной Марией. Ничего не получалось — возможно, из-за моего невежества касательно Марии, которой в нашей церкви никогда не уделялось особого внимания. По словам брата Джералда, ад был не чем иным, как костром для католиков. У нас в Силване не было ни одного католика — только баптисты и методисты, — но нам были даны инструкции на случай, если мы встретим таковых во время своих странствий. Нам следовало предложить им пятиступенчатый план спасения, который они вольны были принять или не принять. В церкви нам выдали по резиновой перчатке, на каждом пальце которой было написано по одному этапу спасения. Надо было начать с мизинца и закончить большим пальцем. Некоторые женщины постоянно носили Перчатку Спасения в своей сумочке на тот случай, если они неожиданно наткнутся на католика.

Единственная история о Марии, которую нам рассказывали, была историей о том, как она понудила своего сына, практически против его воли, изготовить на кухне вино из простой воды. Это меня потрясло, поскольку наша церковь не верила в вино, а также в то, что женщины вообще могут что-либо решать. Единственное, что я могла предположить, это что моя мама была каким-то образом связана с католиками, и, должна сказать, это втайне меня тревожило.

Я засунула картинку в карман, а Розалин все продолжала спать, выдувая воздух так, что было видно, как вибрируют ее губы. Я поняла, что она может проспать до завтра, и стала трясти ее руку, трясти до тех пор, пока Розалин не открыла глаза.

— Боже, как все болит, — сказала она. — Словно меня били палкой.

— Тебя и вправду били, ты помнишь?

— Но не палкой, — сказала она.

Я подождала, пока она поднимется на ноги — долгий, невероятный процесс возвращения к жизни членов ее тела, сопровождаемый оханьем и стонами.

— Что тебе снилось? — спросила я, когда она, наконец, встала прямо.

Она смотрела на верхушки деревьев, почесывая локти.

— Дай-ка вспомнить. Мне снилось, что преподобный Мартин Лютер Киот-младший стоит на коленях и красит мне ногти на ногах слюной изо рта, и каждый мой ноготь красен, словно бы преподобный насосался красного вина.

Я думала об этом по дороге в Тибурон — Розалин шла с таким видом, словно ее ноги намазаны елеем, словно ее рубиновым пальцам на ногах принадлежит вся округа.

Мы шли мимо серых амбаров, кукурузных полей, жаждавших орошения, и медленно жующих, вполне довольных своей жизнью коров. Вглядевшись вдаль, можно было увидеть дома фермеров с длинными верандами и качелями из тракторных колес, подвешенных на веревках к деревьям; неподалеку от них возвышались ветряные мельницы, их гигантские лопасти поскрипывали от ветра. Все было безупречно высушено; даже крыжовник зажарился до состояния изюма.

Асфальт закончился, начался гравий. Я слушала, как он хрустит под ногами. Пот собрался в лужицу там, где сходились ключицы Розалин. Я не знала, чей желудок больше нуждается в пище, мой или ее. Вдобавок я осознала, что сегодня воскресенье и все лавки закрыты. Я опасалась, что скоро мы будем есть одуванчики, дикую репу и личинки червей, чтобы поддерживать в себе жизнь.

Время от времени до нас долетал запах свежего навоза, ненадолго отбивая у меня аппетит, но Розалин сказала:

— Я бы сейчас съела мула.

— Если в городе мы найдем заведение, которое будет открыто, я зайду и возьму нам еды, — сказала я.

— А где мы будем спать? — спросила она.

— Если там не будет мотеля, придется снять комнату.

Она кисло улыбнулась.

— Лили, дитя мое, там не будет ни единого места, в котором согласятся принять цветную женщину. Даже если это будет сама Дева Мария, ее никто не пустит, если она черная.

— Но в чем же тогда смысл Акта о гражданских правах? — сказала я, остановившись посреди дороги. — Не значит ли он, что черные могут позволить себе спать в их мотелях и есть в их ресторанах?

— Именно это он и означает, но тебе придется пинками и тумаками заставлять людей это делать.

Всю следующую милю я шла в страшном беспокойстве. У меня не было плана, даже намек на план. До сих пор я надеялась, что в какой-то момент мы споткнемся об окно, через которое влезем в совершенно новую жизнь. Розалин же, напротив, ожидала, что в любой момент ее схватят. Для нее это было летним отпуском из тюрьмы.

Мне нужен был знак. Мне нужен был голос, говорящий со мной, вроде Голоса, который я слышала накануне в своей комнате: *Лили Мелисса Оуэнс, твоя банка открыта.*

Сделаю девять шагов и посмотрю наверх. Что бы я ни увидела — это мой знак. Когда я посмотрела наверх, то увидела самолет-кукурузник и

облако пестицидов, которое он распылял над полем. Трудно было понять, какую часть этой сцены я олицетворяю: растения, которых спасали от жуков, или жуков, которых убивали химикатами. Казалось крайне маловероятным, что я — самолет, парящий над землей и несущий гибель одним и спасение другим.

Я чувствовала себя несчастной.

Жара усиливалась, и пот тек у Розалин по лицу.

— Жаль, поблизости нет церкви, чтоб мы могли стащить парочку вееров, — сказала она.

* * *

Издали, магазин на окраине городка выглядел так, будто ему сто лет, но когда мы подошли, я увидела, что он еще старше. Табличка на дверях гласила: «УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИН И РЕСТОРАН ФРОГМОРА СТЮ. С 1854 ГОДА».

Генерал Шерман наверняка проходил здесь со своей армией, но решил пощадить дом, благодаря необычному имени его хозяина; вряд ли у него могли найтись другие причины. Передняя стена дома являла собой давно забытую доску объявлений: «Ремонт „студебеккеров“», «Лошадиный корм», «Рыболовный турнир Бадди», «Льдозавод братьев Рейфорд», «Ружья для оленьей охоты за \$45» и картинка девушки в шапке в виде банки из-под кока-колы. Там также было объявление об евангельских песнопениях в баптистской церкви горы Сион за 1957 год, если кому интересно об этом знать.

Больше всего мне понравилась коллекция прибитых к стене автомобильных номерных знаков из разных штатов. Если бы у меня было достаточно времени, я осмотрела бы каждый из них.

Во дворе, сбоку от дома, цветной мужчина поднял крышку жаровни, сделанной из железной бочки, и запах свинины, смазанной перцем и уксусом, образовал под моим языком столько слюны, что она буквально потекла мне на футболку.

Перед домом стояло несколько легковых машин и грузовичков, принадлежащих, возможно, людям, которые решили не идти в церковь и приехали сюда сразу после воскресной школы.

— Зайду и узнаю, нельзя ли купить поесть, — сказала я.

— И табака. Мне нужен табак, — сказала Розалин.

Она плюхнулась на скамейку возле бочки с барбекю, а я вошла внутрь, окунувшись в смешанный запах маринованных яиц, копченой ветчины и опилок. Ресторан был расположен в задней части дома, а в передней был магазин, где продавалось все, от стеблей сахарного тростника до скипидара.

— Могу я вам чем-нибудь помочь, юная леди? — Невысокий человек в галстук-бабочке стоял по ту сторону деревянного прилавка, практически незаметный за баррикадой из коробок со студнем и банок с огурцами. У него был высокий голос, а сам он выглядел человеком мягким. Я не могла представить себе, чтобы он продавал ружья для охоты на оленей.

— Похоже, я тебя раньше не видел, — сказал он.

— Я не местная. Приехала в гости к бабушке.

— Мне нравится, когда дети проводят время со своими бабушками и дедушками, — сказал он. — У стариков можно многому научиться.

— Да, сэр, — сказала я. — От своей бабушки я научилась большому, чем за весь восьмой класс.

Он засмеялся, словно это было самым смешным из того, что он слышал за последние годы.

— Ты зашла пообедать? У нас есть специальное воскресное блюдо — свинина-барбекю.

— Я возьму две порции с собой, — сказала я. — И две кока-колы, пожалуйста.

Ожидая, пока принесут наш обед, я ходила вдоль полок, запасаясь к ужину. Мешочки с соленым арахисом, сливочное печенье, два сэндвича с сыром, кислые шарики и жестянка с табаком «Красная Роза». Я сложила все это на прилавке.

Возвратившись с тарелками и бутылками колы, он замотал головой.

— Мне очень жаль, но сегодня воскресенье. Я не могу ничего продавать в магазине — только в ресторане. Твоей бабушке это должно быть известно. Кстати, как ее зовут?

— Роза, — сказала я, прочитав это имя на табачной этикетке.

— Роза Кэмпбелл?

— Да, сэр. Роза Кэмпбелл.

— Мне казалось, у нее только внуки.

— Нет, сэр. У нее еще есть я.

Он коснулся мешочка с кислыми шариками.

— Просто оставь это здесь. Я разложу по местам.

Кассовый аппарат звякнул, и из-под него выдвинулся ящик для денег. Я нашарила деньги в своей сумке и заплатила.

— Не могли бы вы открыть колу? — попросила я. Когда он пошел на кухню, я смахнула банку с табаком в сумку и закрыла ее на молнию.

Розалин били, она сто лет не ела, спала на жесткой земле, и кто знает, может, она вновь окажется в тюрьме или ее вообще убьют? Она заслужила свой табак.

Я представляла себе, как однажды, через многие годы, я пришлю магазину доллар в конверте, и еще представляла, как отныне чувство вины будет наполнять каждое мгновение моей жизни, когда вдруг поняла, что смотрю на картинку с Черной Марией. Я не имею в виду картинку с *какой-нибудь* там черной Марией. Я имею в виду, что это была совершенно такая же картинка, как картинка моей мамы. Мария глядела на меня с этикеток на дюжине банок меда. «МЕД „ЧЕРНАЯ МАДОННА“» было написано на банках.

Открылась дверь, и в магазин вошла семья, прямым из церкви — мама и дочка, одетые в одинаковые голубые костюмы с отложными воротничками. Свет устремился в дверь, дымчатый, неясный, расплывчатый, в желтых брызгах. Девочка чихнула, а ее мама сказала: «Подойди ко мне, я вытру тебе нос».

Я снова посмотрела на банки с медом, на янтарный свет, плавающий в них, и приказала себе дышать ровнее.

Впервые в жизни я кое-что поняла: наш мир наполнен тайной — она прячется за тканью наших бедных, забитых жизнью, сияя ярчайшим светом, а мы об этом даже не подозреваем.

Я подумала о пчелах, которые прилетали в мою комнату по ночам, и что они были частью этой тайны. И о Голосе, который я слышала накануне: *Лили Мелисса Оуэнс, твоя банка открыта*, и что он звучал так же четко и ясно, как голос женщины в голубом, когда она разговаривает со своей дочкой.

— Вот твоя кока-кола, — сказал человек в галстук-бабочке.

Я показала на банки с медом.

— Откуда это у вас?

Он принял интонации в моем голосе за испуг.

— Понимаю, о чем вы. Многие не желают это покупать, поскольку там Дева Мария нарисована как цветная женщина, но дело в том, что женщина, которая делает этот мед, — сама цветная.

— Как ее зовут?

— Августа Боутрайт, — сказал он. — Она держит пчел по всему округу.

Дыши ровно, дыши ровно.

— Вы знаете, где она живет?

— Да, конечно, это самый жуткий дом, который тебе приходилось видеть. Покрашен в ядовитейший цвет. Твоя бабушка его точно знает — проходишь по Главной улице через весь город, пока улица не перейдет в шоссе, ведущее во Флоренцию. Там увидишь.

Я направилась к двери.

— Спасибо.

— Передавай привет бабушке, — сказал он. Храп Розалин сотрясал скамейку. Я ее растормошила.

— Просыпайся. Вот твой табак, только спрячь его в карман, потому что я за него не платила.

— Ты его украла?

— Пришлось, потому что по воскресеньям они ничего не продают.

— Твоя жизнь катится прямиком в ад, — сказала она.

Я разложила обед на скамейке, словно бы у нас был пикник, но не съела ни кусочка, пока не рассказала Розалин о Черной Марии на банках с медом и пасечнице по имени Августу Боутрайт.

— Тебе не кажется, что моя мама могла ее знать? — спросила я. — Это не может быть простым совпадением.

Она не отвечала, и тогда я повысила голос:

— Розалин? Тебе так не кажется?

— Я не знаю, что мне кажется, — сказала она. — Но я не хочу, чтобы ты сильно на это надеялась, вот и все. — Она дотронулась до моей щеки. — О, Лили, что же с нами будет?

Тибурон — это тот же Силван минус персики. Перед куполообразным зданием суда кто-то вставил в горловину пушки флаг конфедератов. Южная Каролина была, во-первых, югом, и только потом уже — Америкой. Вам бы не удалось вытравить из нас гордость за форт Самтер.

Бредя по Главной улице, мы постоянно находились в тени двухэтажных зданий, стоящих вдоль дороги. Проходя мимо аптекарского магазина, я через витринное стекло увидела хромированный прилавок, за которым продавались банановые коктейли и вишневая кола, и подумала, что скоро все это не будет уже только для белых.

Мы прошли мимо страхового агентства Уорта, офиса Электрической компании округа Тибурон и магазина, где на витрине были выставлены хула-хупы, очки для плавания и коробки бенгальских огней, а поперек стекла аэрозолем было написано: «ПРАЗДНИК ЛЕТА». На некоторых заведениях, таких, например, как «Фермерский банк», висели плакаты: «ГОЛДУОТЕРА ^[3] В ПРЕЗИДЕНТЫ», а иногда ниже была наклейка,

гласящая: «ЗА ВОЙНУ ВО ВЬЕТНАМЕ».

Возле главпочтамта я оставила Розалин на тротуаре, а сама зашла внутрь, туда, где были абонентские ящики и лежали воскресные газеты. Нигде не было объявлений о том, что нас с Розалин разыскивают. Передовица в газете «Колумбия» рассказывала о сестре Кастро, шпионящей для ЦРУ, и ни словом не упоминала белую девочку, которая помогла негритянской женщине сбежать из тюрьмы в Силване.

Я бросила в щель десятицентовик и взяла газету, думая, что про нас может быть написано где-нибудь внутри. Мы с Розалин зашли в переулок и, присев на корточки, разложили газету на земле. Мы просмотрели каждую страницу: там писали про Малкольма Икс, про Сайгон, про «Битлз», про теннис в Уимблдоне и про мотель в Джексоне, штат Миссисипи, который закрылся, но не пожелал принимать цветных постояльцев. И ни слова о нас с Розалин.

Иногда хочется упасть на колени и возблагодарить Бога за все те ужасные события, о которых пишут в новостях.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Медоносные пчелы — это общественные насекомые, живущие колониями. Каждая колония — это семья, состоящая из яйцекладущей самки, или матки, и множества ее бесплодных дочерей, которых называют рабочими. Рабочие совместно добывают пищу, строят гнездо и выводят потомство. Самцы выводятся только в то время года, когда их наличие необходимо.

«Пчелы мира»

Женщина двигалась вдоль ряда белых ящиков, выставленных по кромке леса, окружающего розовый дом. Дом был таким розовым, что выжигал отпечаток на роговице глаза — когда я отвернулась, перед глазами все еще стояло розовое пятно. Женщина была высокой, одетой во все белое, а на голове у нее был тропический шлем с сетками, ниспадавшими на лицо, на плечи и на спину. Она выглядела как африканская невеста.

Приподняв крышку ящика, она заглядывала внутрь, раскачивая дымящееся жестяное ведро взад и вперед. Тучи пчел поднимались из ящика и роились вокруг ее головы. Дважды она совсем исчезала в этой лавине, но всякий раз постепенно проявлялась, словно сон, поднимающийся со дна ночи.

Мы стояли через дорогу, я и Розалин, временно онемевшие. Я — от благоговения перед разыгрывающейся на моих глазах мистерией, а Розалин — оттого, что ее губы были запечатаны табаком «Красная Роза».

— Это та женщина, которая делает мед «Черная Мадонна», — сказала я. Я не могла отвести от нее глаз. Это была Повелительница Пчел, врата в жизнь моей мамы. *Августа.*

Розалин вяло сплюнула струйку черного сока и вытерла пот с верхней губы.

— Надеюсь, она делает мед лучше, чем выбирает краску.

— Мне нравится этот цвет, — заявила я.

Мы подождали, пока она не зашла в дом, а затем перешли дорогу и открыли калитку в ограде из частокола, который едва не падал под весом Каролинского жасмина. Добавьте сюда весь чеснок, укроп и лимонник, растущий вокруг крыльца, и запах собьет вас с ног.

Мы стояли на крыльце, и дом отсвечивал на нас розовым. Вокруг летали июльские жучки, а из дома лилась тихая музыка — как скрипка, только неизмеримо печальнее.

Мое сердце колотилось. Я спросила Розалин, слышно ли ей, как оно бьется.

— Я не слышу ничего, кроме Господа Бога, который спрашивает меня, что я тут делаю. — Она сплюнула то, что, как я надеялась, было остатками табака у нее во рту.

Я постучала в дверь, а Розалин тем временем бормотала себе под нос: *Дай мне силы... Малютка Иисус... Наши заблудшие души...*

Музыка прекратилась. Уголком глаза я уловила некое движение за окном — в жалюзи появилась щелочка и тут же исчезла.

Когда дверь открылась, за ней оказалась не та женщина в белом, а другая, в красном. Она была так коротко подстрижена, что ее прическа напоминала маленькую серую плавательную шапочку с тисненым узором, туго натянутую на голову. Она смотрела на нас, строго и подозрительно. Я заметила, что под мышкой у нее зажат смычок, словно это был кнут. Мне пришло в голову, что она может использовать свое оружие против нас. — Да?

— Вы Августа Боутрайт?

— Нет, я Июна Боутрайт, — сказала она, ощупывая глазами швы на лбу Розалин. — Августа Боутрайт — моя сестра. Вы пришли к ней?

Я кивнула, и тут появилась еще одна женщина, с босыми ногами. На ней было платье без рукавов в зелено-белую полоску, а из головы во все стороны торчали коротенькие косички.

— Я Мая Боутрайт, — сказала она. — Я тоже сестра Августы. — Она улыбнулась нам странной улыбкой, такой, от которой становится ясно, что человек перед тобой — не вполне нормален.

Хотелось, чтобы Юна со своим кнутом под мышкой тоже нам улыбнулась, но вместо этого на ее лице читалось раздражение.

— Августа вас ждет? — спросила она, обращаясь к Розалин.

Розалин, естественно, тут же начала выкладывать все начистоту:

— Нет, понимаете, у Лили есть эта картинка... Я немедленно вмешалась:

— Я видела в магазине банку с медом, и продавец сказал...

— Так вы пришли за медом. Так бы сразу и говорили. Пройдите в гостиную. Я позову Августу.

Я одарила Розалин красноречивым взглядом: Ты с ума сошла? *Не вздумай рассказывать им о картинке.* Что нам было необходимо, так это правдивая легенда.

У некоторых людей есть шестое чувство. Я считаю, что принадлежу к таким людям, поскольку, как только ступила в дом, я почувствовала дрожь по всему телу, ток, который поднялся по спине, спустился по рукам и заставил пульсировать мои пальцы. Я словно бы испускала какие-то лучи. Тело многое узнает еще задолго до того, как мы понимаем это умом. Я спрашивала себя, что же такое знает мое тело, чего не знаю я.

Повсюду был запах мебельного воска. Кто-то прошелся воском по всей гостиной — большой комнате с отделанными бахромой коврами, старым пианино, накрытым кружевной салфеткой и плетеными креслами-качалками, застеленными шерстяными пледами. Перед каждым креслом стояла бархатная скамеечка. *Бархатная.* Я подошла к одной из них и погладила.

Затем я подошла к столу с откидной доской и понюхала восковую свечку, которая пахла точно так же, как и мебельный воск. Свечка стояла в подсвечнике в форме звезды, а рядом лежала наполовину собранная картинка-пазл, но пока не было понятно, что должно получиться. На столике возле окна возвышался гладиолус, поставленный в молочную бутылку с широким горлышком. Занавески были из тонкой кисеи, но не обыкновенного белого цвета, а серебристо-серого, так что свет, проходя сквозь них, приобретал дымчатый оттенок.

Представьте себе стены, на которых нет ничего, кроме зеркал. Я насчитала пять, каждое в тяжелой медной раме.

Затем я повернулась и посмотрела в сторону двери, через которую сюда вошла. Там, в углу, стояла вырезанная из дерева фигура женщины около трех футов высотой. Это была одна из тех фигур, которые в былые времена ставились на носу корабля. Она выглядела такой древней, что могла бы плавать с Колумбом на «Санта-Марии», если я что-нибудь в этом

смыслу.

Она была совершенно черной, покоробившейся, как дерево, которое сплавляли, а потом высушили на солнце. Ее лицо — подробная карта штормов и путешествий, в которых она побывала. Правая рука поднята, словно указывая путь, если не считать того, что пальцы были сжаты в кулак. Это придавало фигуре внушительность, казалось, она в любой момент могла указать вам ваше место.

Хотя она и не была одета, как Мария, а также не была похожа на картинку с рекламой меда, я знала, что это именно она. На груди у нее было сердце, изображенное выцветшей красной краской, и желтый месяц, вытершийся и кривой, нарисованный там, где ее тело прежде переходило в корпус корабля. Свечка внутри высокого красного стакана бросала на скульптуру блики и сполохи. Она одновременно была и мощью и смирением. Я не знала, что думать, но то, что я чувствовала, было таким влекущим и столь огромным, словно луна вопша в мою грудь и наполнила ее до краев.

Единственное, с чем я могла это сравнить, было ощущение, которое возникло у меня однажды, когда я возвращалась из персиковой палатки и увидела, как солнце перед закатом освещает землю, поджигая верхушки сада, пока темнота сгущается под деревьями. Тишина повисла над моей головой, а красота разлилась в воздухе. Деревья были прозрачными, и я чувствовала, что могу увидеть внутри них какую-то изначальную чистоту. Моя грудь болела тогда так же, как и сейчас.

На губах скульптуры была красивая, повелевающая полуулыбка, вид которой заставил меня поднести обе руки к своему горлу. В этой улыбке все говорило: *Лили Оуэнс, я знаю тебя как облупленную.*

Было чувство, что она знает, каким лживым и ненавидящим человеком я была на самом деле. Как я ненавидела Т. Рэя, девочек в школе, но особенно себя, за то, что убила свою мать.

Сперва захотелось плакать, но, уже в следующую секунду, хотелось смеяться, потому что скульптура дала почувствовать, что меня одобряют, словно бы во мне была и добродетель, и красота. Словно бы у меня действительно был весь тот потенциал, о котором говорила миссис Генри.

Я стояла там, любя себя и себя ненавидя. Вот что сделала со мной Черная Мария — заставила меня понять свое торжество и свой позор, одновременно.

Я подошла еще ближе и ощутила едва уловимый запах меда, исходящий от дерева. Мая подошла и встала возле меня, и теперь я улавливала только запах лака от ее волос, лука от ее рук и ванили от ее

дыхания. У нее были розовые ладони, такие же, как нижняя часть ступней. Локти были темнее, чем все остальное, и их вид почему-то наполнил меня нежностью.

Вошла Августа Боутрайт, в очках без оправы и со светло-зеленым шарфом из шифона, привязанным к поясу.

— Кто к нам пришел? — спросила она, и звук ее голоса тут же вернул меня к обычному восприятию.

Из-за солнца и пота она вся была словно намазанная миндальным маслом. Ее лицо было прорезано тысячами морщинок, а волосы словно присыпаны мукой, но в остальном она выглядела на десятки лет моложе.

— Я Лили, а это Розалин, — сказала я, запнувшись при виде Июны, вошедшей в дверь вслед за Августой. Я открыла рот, не имея ни малейшего понятия, что скажу дальше. То, что я произнесла, не могло бы удивить меня больше:

— Мы убежали из дома, и нам некуда пойти, — сказала я.

В любой другой день я могла бы одной левой выиграть любое соревнование по вранью, и вот, *вот* что я тут выдаю: душераздирающую правду. Я наблюдала за их лицами, особенно за лицом Августы. Она сняла очки и потерла вмятинки по бокам от переносицы. Было так тихо, что я слышала, как в соседней комнате тикают часы.

Августа вновь надела очки, подошла к Розалин и осмотрела швы у нее на лбу, ранку под глазом и синяки на лице и на руках.

— Похоже, что вас били.

— Она упала со ступенек крыльца, когда мы уходили, — сказала я, уступая своей естественной привычке к вранью.

Августа и Июна переглянулись, а Розалин прищурила глаза, давая мне понять, что я опять проявляю пренебрежение: говорю за нее, как будто ее самой здесь вовсе нет.

— Ну ладно. Вы можете оставаться здесь, пока не придумаете, как поступить. Мы не можем позволить вам жить на улице, — сказала Августа.

Июна сделала такой вдох, что чуть было не высосала весь воздух из комнаты:

— Но, Августа...

— Они останутся здесь, — повторила Августа таким тоном, что сразу стало ясно, кто здесь старшая сестра, а кто младшая. — Все будет в порядке. У нас в медовом домике есть кровати.

Июна метнулась прочь из комнаты, сверкнув красным платьем.

— Спасибо, — сказала я Августе.

— Пожалуйста. Присаживайтесь. Я принесу оранжада.

Мы уселись в плетеные кресла-качалки, а Мая осталась стоять, как часовой, улыбаясь своей безумной улыбкой. Я заметила, что у нее очень мускулистые руки.

— Как это у всех вас такие календарные имена? — спросила Розалин.

— Наша мама любила весну и лето, — сказала Мая. — У нас еще была Апрелья, но... она умерла, когда была маленькой. — Ее улыбка исчезла, и она внезапно запела: «О, Сюзанна!». Она пела так, словно бы от этого зависела ее жизнь.

Мы с Розалин смотрели, как пение переходит в горькие рыдания. Она плакала так, будто Апрелья умерла только что.

Наконец вернулась Августа, неся на подносе четыре стакана, на кромки которых были очень мило насажены кружочки апельсина.

— Мая, родная, сходи к своей стене и там успокойся, — сказала она, слегка подталкивая сестру к двери.

Августа вела себя так, словно все происходящее было в порядке вещей и могло иметь место в любом доме Южной Каролины.

— Пожалуйста, оранжад.

Я принялась отхлебывать маленькими глоточками. Розалин, между тем, выпила все с такой скоростью, что ее отрыжке позавидовали бы пацаны из моей школы. Это было чудовищно.

Августа сделала вид, что ничего не слышала, а я уперлась взглядом в бархатную скамеечку, желая одного — чтобы Розалин вела себя покультурнее.

— Значит, вы — Лили и Розалин, — сказала Августа. — У вас есть фамилии?

— Розалин... Смит и Лили... Уильямс, — соврала я, и меня понесло. — Понимаете, моя мама умерла, когда я была маленькой, а в прошлом месяце мой папа тоже умер — он попал под трактор на нашей ферме в округе Спартанбург. У меня больше нет родственников в нашем городе, так что меня хотели отдать в приют.

Августа покачала головой. Розалин тоже покачала, но совсем по другой причине.

— Розалин была нашей экономкой, — продолжала я. — У нее нет никого, кроме меня, так что мы решили поехать в Виргинию, чтобы найти там мою тетю. Вот только у нас совсем нет денег, так что если у вас есть для нас какая-нибудь работа, может быть, мы бы смогли немного заработать, прежде чем ехать дальше. Мы, в общем-то, не так уж торопимся в Виргинию.

Розалин глядела на меня расширенными глазами. Целую минуту в

комнате не было слышно ничего, кроме позвякивания льдинок в наших стаканах. Я даже не подозревала, насколько душно было в комнате и на что способны мои потовые железы. Я буквально чувствовала собственный запах. Я перевела глаза на Черную Марию в углу, а затем вновь посмотрела на Августу.

Она поставила стакан. Я никогда не видела глаза такого цвета, цвета чистого имбиря.

— Я сама из Виргинии, — сказала она, и это почему-то вновь возбудило те самые токи, которые потекли во мне, когда я только зашла в комнату. — Ладно. Розалин сможет помогать Мае по дому, а ты можешь помогать мне и Заку с пчелами. Зак — мой главный помощник, так что я не смогу тебе платить, но у вас, по крайней мере, будет крыша над головой и пища, пока мы не позвоним твоей тете, и, может, она пришлет вам денег на автобус.

— Вообще-то, я не знаю ее полного имени, — сказала я. — Мой папа просто называл ее тетя Верни; я ее никогда не видела.

— Так что же ты, малышка, собиралась делать — ходить по всей Виргинии от дома к дому?

— Нет, мэм, только в Ричмонде.

— Понятно, — сказала Августа. И это было так. Ей было действительно все понятно.

* * *

В тот вечер в небе над Тибуроном скопилось слишком много жары; и жара наконец разразилась грозой. Мы с Августой и Розалин стояли у затянутого сеткой окна на примыкающей к кухне веранде и смотрели, как лиловые тучи поливают верхушки деревьев, а ветер рвет им ветви. Мы ждали затишья, чтобы Августа могла показать наше новое жилье в медовом домике — перестроенном гараже в заднем углу двора, выкрашенном в тот же цвет знойного фламинго, что и большой дом.

До нас то и дело долетали брызги, затуманивая мой взгляд. Всякий раз я отказывалась вытирать лицо. Это делало мой мир таким живым. Я не могла не завидовать тому, что хорошая гроза привлекает к себе столько внимания.

Августа сходила на кухню и вернулась с тремя алюминиевыми сковородками. Каждая взяла по одной.

— Давайте пробежимся. Волосы, по крайней мере, останутся сухими.

Мы с Августой бросились под ливень, держа сковородки над головами. Оглянувшись, я увидела, что Розалин крутит сковороду в руках, не понимая, что от нее требуется.

Когда мы с Августой добежали до медового домика, нам пришлось ждать ее у двери. Розалин шествовала, собирая дождь в сковороду и выливая его на землю, как ребенок. Она шла по лужам, как по персидским коврам, а когда раздался раскат грома, она посмотрела вверх на затопленное небо, открыла рот и впустила в себя струи дождя. С тех пор, как ее побили, с ее лица не сходило усталое выражение, а глаза были такими тусклыми, словно из них вышибли весь свет. Но сейчас она выглядела неуязвимой Царицей Погоды, и я видела, что к ней наконец-то возвращается жизнь.

Если бы только не ее манеры...

Внутри медового домика оказалась большая комната, наполненная непонятными приспособлениями для производства меда — огромные баки, газовые горелки, ванночки, рычаги, белые ящики и стеллажи, на которых штабелями лежали восковые соты. Мои ноздри наслаждались сладким запахом.

Вдоль боковой стенки тянулись полки с банками для меда. На гвоздях возле входной двери висели тропические шлемы с сетками, инструменты и мешочки с восковыми свечами. На всем лежал тончайший налет меда. При ходьбе мои ноги чуть-чуть липли к полу.

Пока Августа искала полотенца, вокруг Розалин образовалась лужа.

Августа провела нас в крошечную угловую комнату в задней части домика. Там была раковина, зеркало в полный рост, окно без занавесок и две кровати, заправленные чистым белым бельем. Я поставила сумку на ближайшую кровать.

— Мы с Маей иногда спим здесь, когда приходит время собирать мед круглыми сутками, — сказала Августа. — Тут бывает очень жарко, так что вам придется включать вентилятор.

Розалин дотянулась до полки, на которой стоял вентилятор, и щелкнула выключателем, отчего с лопастей полетали паутинки и закружились по комнате, а несколько паутинок село ей на лицо.

— Вам нужна сухая одежда, — сказала ей Августа.

— Так высохну, — сказала Розалин, растягиваясь на кровати и кладя ноги на спинку.

— Вам придется пользоваться туалетом в доме, — сказала Августа. — Мы не запираем дверей, так что просто входите.

Глаза Розалин были закрыты. Она уже была в другом мире и тихонько посапывала. Августа понизила голос:

— Так, значит, она упала со ступенек?

— Да, мэм, полетела кувырком. Зацепилась за коврик на верхней ступеньке — тот, что положила еще моя мама.

Секрет успешного вранья в том, чтобы не слишком углубляться в объяснения, а вместо этого подбросить одну убедительную деталь.

— Хорошо, мисс Уильямс, завтра вы сможете начать работать, — сказала она. Я стояла, не понимая, с кем это она разговаривает, пока до меня не дошло, что это я теперь Лили Уильямс. Вот еще один секрет вранья: нельзя забывать, что именно ты уже наврала.

— Зака не будет целую неделю, — сказала она. — Они всей семьей отправились на остров Поли, чтобы навестить сестру его матери.

— Если можно, расскажите, что именно я буду делать?

— Ты будешь делать мед со мной и с Заком — делать все, что понадобится. Пойдем, я устрою тебе экскурсию.

Мы вернулись в большую комнату, где находились все эти приспособления. Мы подошли к колонне из белых ящиков, сложенных друг на друга.

— Их называют суперами, — сказал она, поставив один из них передо мной на пол и сняв крышку.

Снаружи он выглядел как обычный ящик, выдвинутый из комода, но внутри ровными рядами висели рамки с сотами, наполненными медом и залепленными воском.

Она показала пальцем:

— Там раскупориватель, где мы снимаем с сот воск. Затем воск пропускается через ту плавильную печь.

Я проследовала за ней, наступая на кусочки и крошки сот, которые были повсюду, вроде катышков пыли в обычных помещениях. Она остановилась возле большого металлического бака в центре комнаты.

— Это центрифуга, — сказала она, похлопывая по стенке, словно это была хорошая собачка. — Можешь забраться и посмотреть.

Я поднялась по лесенке с двумя ступеньками и заглянула через край, а Августа тем временем щелкнула выключателем, и на полу, ворча, заработал старый мотор. Центрифуга завращалась — сперва медленно, но постепенно набирая скорость, как аппарат для сладкой ваты на ярмарке. Вокруг распространился райский запах.

— Центрифуга отделяет мед, — сказала она, — Выкидывает все плохое и оставляет только хорошее. Я думаю, было бы неплохо сделать

подобную штуку и для людей. Чтобы просто кидать их внутрь, и предоставить центрифуге заботу об остальном.

Я взглянула на нее: она смотрела прямо на меня своими глазами цвета имбирного печенья. Когда она говорила про людей, то имела в виду меня, или же у меня паранойя?

Она выключила мотор, и, после нескольких щелчков, ворчание прекратилось.

Наклонившись над коричневой трубкой, торчащей из центрифуги, она сказала:

— Отсюда мед попадает в экранный бак, затем в нагревательную емкость, и, наконец, в бак-отстойник. А здесь медовый терминал, где мы наполняем ведра. Ты быстро во всем разберешься.

Вот в этом я сильно сомневалась. В жизни не попадала в столь сложное положение.

— Ладно. Полагаю, ты тоже хочешь отдохнуть, как Розалин. Ужин в шесть. Ты любишь печенье из сладкого картофеля? Это фирменное блюдо Май.

Когда она ушла, я легла на свободную кровать и стала слушать, как дождь выбивает дробь по жестяной крыше. У меня было ощущение, что я путешествовала долгие недели, сражаясь со львами и тиграми, продираясь через джунгли, пытаюсь добраться до Затерянного Города Брильянтов в Конго, что как раз было сюжетом последнего фильма, который я смотрела на утреннем сеансе в Силване. Я чувствовала, что чем-то связана с этим местом, но с тем же успехом я могла бы попасть и в Конго, настолько мне было здесь все незнакомо. Жить в цветном доме с цветными женщинами, есть с их тарелок, спать на их белье — я не была против, но для меня все это было абсолютно ново, и моя кожа никогда еще не казалась мне такой белой.

Т. Рэй считал, что черные женщины не могут быть умными. Поскольку я намерена сказать здесь всю правду (а это значит — ее худшие части), я считала, что они могут быть умными, но все же не такими умными, как я — белый человек. Однако, лежа на кровати в медовом домике, я могла думать только одно: *Августа — такая умная такая культурная*, и это меня удивляло. Так я поняла, что глубоко во мне тоже жила предвзятость.

Когда Розалин очнулась ото сна, еще прежде, чем она подняла голову от подушки, я спросила:

— Тебе здесь нравится?

— Думаю, да, — сказала она, силясь принять сидячее положение. — Пока что.

— И мне нравится, — сказала я. — Так что я не хочу, чтобы ты сказала что-нибудь, что может нам все испортить, ладно?

Она нахмурилась и скрестила руки на животе.

— Например?

— Не говори ничего про картинку Черной Марии, что лежит в моей сумке, ладно? И не упоминай мою маму.

Она принялась заплетать распустившиеся косички.

— Чего это вдруг ты решила делать из этого секрет?

У меня не было времени, чтобы раскладывать по полочкам свои причины. Мне хотелось сказать: *Потому что я просто хочу побыть нормальной — не беженкой, ищущей свою мать, а обыкновенной девочкой, приехавшей летом погостить в Тибурон, Южная Каролина. Мне нужно время, чтобы завоевать доверие Августы, чтобы она не отослала меня обратно, как только узнает что я натворила.* И все это было правдой, но в то же время я понимала, что это не может полностью объяснить, почему мне так не хочется говорить с Августой о своей матери.

Я подошла и стала помогать Розалин заплетать косички, заметив, что мои руки слегка дрожат.

— Просто пообещай мне, что ты ничего не скажешь.

— Это твой секрет, — сказала она. — Делай с ним что хочешь.

* * *

На следующее утро я рано проснулась и вышла наружу. Дождь прекратился, и солнце проглядывало сквозь разрывы в облаках.

За медовым домиком во все стороны тянулся сосновый лес. Я насчитала четырнадцать ульев, стоящих вдалеке под деревьями. Они сверкали белизной и казались размером с почтовую марку.

Накануне вечером во время ужина Августа сказала, что у нее двадцать восемь акров земли, которые оставил ей дедушка. Любой человек может затеряться в таком городке в двадцать восемь акров, тем более девочка, вроде меня.

Свет полился в щель между облаками с красной окантовкой, и я пошла за ним по тропинке, ведущей от медового домика к лесу. Я прошла мимо детской коляски, полной садовых инструментов. Она стояла рядом с грядками, на которых росли помидоры, привязанные к деревянным столбикам обрывками нейлоновых чулок. Вперемежку с помидорами росли

оранжевые циннии и бледно-лиловые гладиолусы, склонившиеся к земле.

Сестры любили птиц, это было видно. Там была бетонная купальня для птиц и масса кормушек — выдолбленные тыквы и ряды сосновых шишек, намазанных арахисовым маслом.

Там, где трава уступала лесу, я обнаружила каменную стену, грубо скрепленную цементом. Высотой по колено, но чуть ли не пятидесяти ярдов в длину, она тянулась вдоль участка и внезапно заканчивалась. Было непохоже, что от нее могла быть какая-то польза. Тут я заметила крошечные кусочки сложенной бумаги, засунутые в щели между камнями. Я прошла вдоль всей стенки, и везде было то же самое — сотни кусочков бумаги.

Я вытащила один и развернула, но написанное так расплылось от дождя, что нельзя было ничего разобрать. Я вынула другой. *Бирмингем, 15 сентября четыре маленьких ангела мертвы.*

Я сложила листок и засунула обратно, чувствуя себя, сделавшей что-то плохое.

Перешагнув через стенку, я пошла по лесу, пробираясь между невысокими папоротниками сине-зеленого цвета, стараясь не повредить узоры, над которыми все утро усердно трудились пауки. Было ощущение, словно мы с Розалин действительно обнаружили Затерянный Город Брильянтов.

Вскоре послышался шум бегущей воды. Услышав этот звук, невозможно не отправиться на поиски его источника. Я углубилась дальше в лес. Растительность стала гуще, цепкий кустарник хватал меня за ноги, но я все же нашла ее — маленькую речку, ненамного больше той, где мы купались с Розалин. Я смотрела на ее течение, на ленивую рябь, время от времени возникающую на поверхности.

Сняв ботинки, я вошла в воду. Илистое дно просачивалось сквозь пальцы ног. Прямо передо мной с камня в воду шлепнулась черепаха, напугав меня до полусмерти. Лучше было не думать, с какими еще существами я могла здесь повстречаться — змеи, лягушки, рыбы, целый речной мир кусачих насекомых. И я не думала.

Когда я надела ботинки и пошла назад, солнце уже светило вовсю, и мне захотелось, чтобы все так навсегда и осталось — ни Т. Рэя, ни мистера Гастона, ни той троицы, которая избила Розалин до потери чувств. Лишь лес, промытый дождем, да восход солнца.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Давайте на секунду представим, что мы достаточно малы, чтобы последовать за пчелой в улей. Как правило, первое, к чему нам придется привыкать, — это темнота...

*«Исследуя мир
общественных
насекомых»*

Первая неделя в доме Августы была истинным отдыхом и утешением. Мир время от времени преподносит такие подарки — краткие передышки среди постоянного кошмара. Удар гонга — и боксер идет в свой угол, где некто льет бальзам на его израненную жизнь.

За всю эту неделю никто ни разу не заговорил о моем отце, который, предположительно, погиб под трактором, или о моей неведомой и загадочной тетушке из Виргинии. Календарные сестры нас просто приютили.

Первое, что они сделали, — позаботились об одежде для Розалин. Августа села в свой грузовичок и отправилась напрямик в магазин, где купила для Розалин четыре пары трусов, бледно-голубую ночную сорочку, три балахонистых платья в гавайском стиле и бюстгальтер, в котором можно было таскать булыжники.

— Это не благотворительность, — сказала Розалин, когда Августа выложила все это на кухонный стол. — Я за все расплачусь.

— Вы сможете это отработать, — сказала Августа. Вошла Мая с йодом и ватными тампончиками и начала обрабатывать швы на лбу Розалин.

— Кто-то вас порядком отчебучил, — сказала Мая, а через мгновение она уже пела «О, Сюзанна!» так же неистово, как и накануне.

Июна резко подняла голову, оторвавшись от разглядывания покупок на столе.

— Ты снова поешь эту песню, — сказала она Мае. — Почему бы тебе

не извиниться?

Мая уронила свой тампон на стол и вышла из кухни.

Я посмотрела на Розалин, и та пожалала плечами. Июне пришлось самой промывать Розалин швы; такое занятие ей не нравилось — я видела это по ее сжатым губам.

Выскользнув из кухни, я пошла искать Маю. Я собиралась ей сказать: *Я спою «О, Сюзанна!» вместе с тобой от начала до конца*, но ее нигде не было видно.

* * *

Именно Мая научила меня медовой песенке:

Положи мне на могилку
Улей с пчелками живыми,
Пусть их мед в мой сон сочтется
Капельками золотыми,
Пусть во сне том беспробудном
Вечный рай мне будет сниться.
Чтоб с горшочком меда чудным
Не могла я разлучиться.^[4]

Мне страшно нравилась наивность этой песенки. Пение позволяло мне вновь почувствовать себя нормальным человеком. Мая пела песенку на кухне, раскатывая тесто или нарезая помидоры, а Августа напевала ее, когда клеила этикетки на банки с медом. Песенка полностью соответствовала жизни в этом доме.

Мы жили медом. Мы проглатывали ложку меда утром, чтобы проснуться, и еще одну вечером, чтобы заснуть. Мы съедали по ложке за каждым приемом пищи, чтобы успокоить свой ум, упрочить запас жизненных сил и избежать смертельных болезней. Мы мазались медом, дезинфицируя порезы и смягчая потрескавшиеся губы. Мы добавляли его в ванну, в крем для кожи, в чай с малиной и в печенье. Ничто не могло избежать меда. За неделю мои тощие руки и ноги округлились, а кудряшки на голове преобразились в шелковистые волны. Августа говорила, что мед — это амброзия богов и шампунь для богинь.

Я проводила время с Августой в медовом домике, пока Розалин помогала Мае по хозяйству. Я научилась вести нагретый паром нож вдоль супера, срезая слой воска с сот, и заряжать соты в центрифугу. Я регулировала пламя в парогенераторе и меняла нейлоновые чулки, через которые Августа фильтровала мед в баке-отстойнике. Я схватывала все так быстро, что как-то раз Августу даже назвала меня чудом. Она прямо так и сказала: *Лили, ты — чудо.*

Больше всего мне нравилось заливать воск в формы для свечей. На каждую свечку уходило по фунту воска, и Августа вдавливала туда крошечные фиалки, которые я собирала в лесу. Она рассылала заказы в магазины, которые находились в Мэйне и Вермонте или даже еще дальше. Люди покупали у Августы так много меда и свечей, что она не успевала их изготавливать. Еще у нас были жестянки с многоцелевым воском «Черная Мадонна» для особых клиентов. Августа говорила, что от этого воска будет плавать рыболовная леска, станет прочнее нитка, мебель будет блестеть, окно перестанет заклинивать, а воспаленная кожа засияет, как попка младенца. Пчелиный воск был чудодейственным средством.

Мая и Розалин сразу поладили. Мая была бесхитростной. Я не имею в виду — умственно отсталой, поскольку в некотором смысле она была вовсе не глупой и постоянно читала поваренные книги. Я имею в виду, что она была наивной и непритязательной — взрослая женщина и ребенок в одном флаконе, плюс чуточку безумия. Розалин говорила, что Мая — несомненный кандидат в психушку, но при этом та все равно ей очень нравилась. Я заходила на кухню, а они могли стоять там плечом к плечу возле раковины, очищая кукурузные початки, и болтать. Или они могли мазать сосновые шишки арахисовым маслом для птиц.

Именно Розалин раскрыла тайну «О, Сюзанны!». Она сказала, что пока все хорошо, Мая ведет себя как нормальный человек, но стоит ей вспомнить или узнать о чем-нибудь неприятном — вроде швов на голове Розалин или гниющих помидоров, — и Мая начинает петь «О, Сюзанна!». Это было ее личным способом борьбы с неприятностями. Но это срабатывало только в случаях с помидорами, но не более того.

Пару раз она рыдала так сильно, крича и выдирая себе волосы, что Розалин приходилось вызывать Августу из медового домика. Августу без липших слов отправляла Маю к каменной стенке. Это было единственным, что могло привести ее в чувство.

Мая не позволяла ставить в доме мышеловки, поскольку не могла вынести мысли о страдающей мышке. Но что действительно бесило Розалин, так это то, что Мая ловила пауков и выносила их из дома в совке

для мусора. А мне как раз это в ней нравилось, поскольку напоминало о моей матери — любительнице насекомых. Я помогала Мае ловить сороконожек, и не только потому, что раздавленный паук мог повергнуть ее в плач, но и потому, что мне казалось, я исполняю волю моей мамы.

Каждое утро Мая обязательно съедала один банан, и на этом банане не должно было быть ни единого пятнышка. Однажды я видела, как она очистила подряд семь бананов, пока не нашла тот единственный, без изъяна. Она держала бананы на кухне — залежи бананов. Они хранились в огромных керамических чашах. Не считая меда, в доме больше всего было бананов. Мая могла очистить за утро пять или больше бананов в поисках идеального, безукоризненного банана — такого, который не пострадал от жестокой несправедливости мира.

Розалин готовила банановые пудинги, пироги с бананами, банановое желе и ломтики банана на листьях салата, пока Августа не сказала ей, что все в порядке — отбракованные экземпляры можно просто выкидывать.

Но кого мне было действительно трудно понять, так это Июну. Она преподавала историю и английский язык в средней школе для цветных, но по-настоящему она любила только музыку. Если я заканчивала работу в медовом домике пораньше, то шла на кухню и смотрела, как Розалин и Мая готовят еду. Но на самом деле я приходила туда слушать, как Июна играет на виолончели.

Она играла музыку умирающим — ходила к ним домой или даже в больницу, чтобы своей серенадой проводить их в следующую жизнь. Я никогда раньше не слышала ни о чем подобном и, сидя за столом с чашкой сладкого чая со льдом, думала о том, что, возможно, именно из-за этого Июна так редко улыбается. Может быть, она слишком часто встречается со смертью.

Я знала, что она все еще сердится на то, что мы с Розалин здесь поселились — и это было единственным, что омрачало мою жизнь в доме Августы.

Однажды вечером, направляясь в уборную в розовом доме и проходя через двор, я подслушала, как они разговаривали с Августой на задней веранде. Услышав их голоса, я замерла возле куста гортензии.

— Ты ведь знаешь, что она врет, — сказала Июна.

— Знаю, — ответила Августа, — но они попали в беду, и им негде жить. Кто еще приютит их, если не мы, — белую девочку и негритянку? Никто.

На секунду обе замолкли. Было слышно, как мотыльки бьются о лампу на крыльце. Июна сказала:

— Но мы не можем держать здесь сбежавшую девочку, никуда о ней не сообщив.

Августа выглянула наружу, заставив меня отступить глубже в тень и прижаться спиной к дому.

— А куда сообщать? — сказала она. — В полицию? Они ее просто куда-нибудь заберут. Возможно, у нее действительно умер отец. Если так, то где ей может быть лучше, чем у нас?

— А как насчет той тетушки, о которой она говорила?

— Нет никакой тетушки, и ты это знаешь, — сказала Августа.

В голосе Июны послышался гнев.

— А что, если ее отец вовсе не умирал и не попадал ни под какой трактор? Разве он не будет ее разыскивать?

Последовало молчание. Я подкралась ближе к крыльцу.

— Я просто интуитивно чувствую, что так нужно, Июна. Что-то подсказывает мне не отсылать ее назад, туда, где ей не хочется оставаться. По крайней мере, пока. У нее были причины, чтобы убежать. Может быть, он плохо с ней обращался. Я вижу, что в наших силах ей помочь.

— Почему бы тебе не спросить напрямик, что с ней стряслось?

— Всему свое время, — сказала Августа. — Меньше всего мне хочется пугать ее назойливыми вопросами. Она сама расскажет, когда будет готова. Наберемся терпения.

— Но, Августа, она ведь белая.

Это было откровением — не то, что я белая, а то, что Июна, похоже, была против моего пребывания здесь из-за цвета моей кожи! Я и не предполагала, что такое возможно — отвергать человека за то, что он белый. Меня бросило в жар. «Праведный гнев» — так называл это брат Джералд. Иисус испытывал праведный гнев, когда переворачивал столы в храме и изгонял оттуда жуликов-менял. Мне хотелось войти к ним, перевернуть парочку столов и сказать: *Прошу прощения, Июна Боутрайт, но вы меня даже не знаете!*

— Давай посмотрим, чем мы сможем ей помочь, — сказала Августа, когда Июна исчезла из поля моего зрения. — Мы должны это сделать.

— Я не считаю, что мы хоть что-нибудь ей должны, — сказала Июна. Хлопнула дверь. Августа выключила свет, и я услышала, как глубокий вздох поплыл в темноту.

Я пошла назад в медовый домик, чувствуя стыд оттого, что Августа раскусила мою ложь. Но я также чувствовала облегчение, потому что теперь знала, что она не собирается звонить в полицию или отсылать меня назад — пока. *Пока* — так она сказала.

Но сильнее всего было чувство обиды из-за отношения Июны. Подойдя к кромке леса, я присела на корточки и почувствовала тепло мочи у себя между ног. Я смотрела, как она пузырится на земле, а ее запах исчезает во тьме. Не было никакой разницы между моей мочой и мочой Июны. Вот о чем я думала, глядя на темный кружок на земле. Моча — это просто моча.

* * *

Каждый вечер после ужина мы сидели в крошечной каморке возле телевизора, на котором стояла глиняная кадка с филодендромом. Экран был еле виден за стеблями, свисающими по бокам.

Мне нравилось, как выглядит Уолтер Кронкайт, в своих темных очках, знающий все, что только вообще стоит знать. Этот человек не был противником книг, это уж точно. Возьмите все то, чем не был Т. Рэй, и вы получите Уолтера Кронкайта.

Он поведал нам о процессии в честь расовой интеграции, на которую напала толпа белых, о «комитете бдительности», созданном белыми, о брандспойтах и слезоточивом газе. От него мы узнавали о самом главном. Убиты трое защитников гражданских прав. Взорвалось две бомбы. Трех негров-студентов избили бейсбольными битами.

После того, как мистер Джонсон подписал этот закон, жизнь Америки начала расползаться по швам. Мы смотрели, как один за другим на экране появляются губернаторы и призывают к «разуму и спокойствию». Августа сказала, что это, похоже, лишь вопрос времени — скоро подобное начнет происходить и у нас в Тибуроне.

Сидя там, я чувствовала свою белизну и неловкость, особенно когда в комнате находилась Июна. Неловкость и стыд.

Обычно Мая не смотрела с нами телевизор, но как-то раз она тоже пришла и в разгар новостей принялась петь «О, Сюзанна!». Она расстроилась из-за негра по имени мистер Рейнс, которого в Джорджии застрелили из дробовика. Показали фотографию его вдовы с детьми на руках, и тут Мая разрыдалась. Все, естественно, вскочили, как если она была неразорвавшейся гранатой, и попытались ее успокоить, но было уже слишком поздно.

Мая раскачивалась взад-вперед, ногтями раздирая себе лицо. Она рванула ворот блузки, так что во все стороны, словно попкорн, полетели

бледно-желтые пуговицы. Я никогда прежде не видела ее такой, и меня это напутало.

Августа с Июной взяли Маю под руки и вывели за дверь, ведя ее так плавно, что было ясно, что им приходилось делать это и раньше. Спустя несколько секунд я услышала, как вода наполняет ванну на ножках, где я сама дважды купалась в медовой воде. Кто-то из сестер надел пару красных носков на две ножки из четырех — я так и не поняла зачем.

Мы с Розалин подкрались к двери. Щель была достаточно большой, чтобы мы могли увидеть Маю, которая, обняв колени, сидела в ванне в облаке пара. Июна зачерпывала ладонями воду и медленно выливала Маю на спину. Та уже немного успокоилась и только хлюпала носом.

Мы услышали голос Августы:

— Все в порядке, Мая. Пускай все несчастья стекут с тебя, как эта вода. Просто отпусти их.

* * *

Каждый вечер после новостей мы все становились на колени перед Черной Марией и читали ей молитвы, а вернее сказать — мы с тремя сестрами стояли на коленях, а Розалин сидела на стуле. Августу, Июну и Мая называли скульптуру «Наша Леди в Оковах», по неясной для меня причине.

Радуйся, Мария, благодати полная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами...

Стоя на коленях, сестры перебирали в руках деревянные четки. Поначалу Розалин отказывалась к нам присоединиться, но вскоре она уже молилась вместе с нами. Уже после первого вечера я запомнила все слова наизусть. Это потому, что мы повторяли их вновь и вновь, так что они еще долго крутились в моей голове после того, как я переставала их произносить.

Это было похоже на молитвы католиков, но когда я спросила Августу, не были ли они католиками, она сказала:

— И да, и нет. Моя мать была настоящей католичкой — она дважды в неделю посещала мессу в церкви Святой Марии в Ричмонде, но отец был ортодоксальным эклектиком.

Я не имела ни малейшего представления, что это за секта — ортодоксальные эклектики, но я кивнула, словно у нас в Силване тоже

были их последователи.

Она сказала:

— Мы с Июной и Маей взяли католичество нашей матери и добавили туда кое-что от себя. Не знаю, как это называется, но нам оно подходит.

После того как мы прочитывали «Радуйся, Мария» около трехсот раз, мы беззвучно произносили собственные молитвы, что не занимало много времени, поскольку к тому времени наши колени болели уже нестерпимо. Впрочем, мне не на что жаловаться, поскольку это было ерундой, по сравнению с «Мартой Уайтс». Потом сестры осеняли себя крестом ото лба к пупку, и все заканчивалось.

Как-то вечером, после того как мы перекрестились и все, кроме меня и Августы, вышли из комнаты, она сказала:

— Лили, если ты попросишь помощи у Марии, то сможешь ее получить.

Я не знала, что на это ответить, так что только пожала плечами.

Она жестом предложила мне сесть в кресло-качалку.

— Я хочу рассказать тебе историю, — сказала она. — Эту историю рассказывала нам мама, когда мы уставали от своих обязанностей или же просто были не в духе.

— Я не устала от своих обязанностей, — сказала я.

— Я знаю, но все равно это хорошая история. Просто послушай.

Я уселась в кресло и стала тихонько раскачиваться, слушая поскрипывание, которым славятся такие качалки.

— Давным-давно, на другом конце света, в Германии, жила молодая монашка по имени Беатрис, которая любила Марию. Однажды ей до смерти надоело быть монашкой, выполнять все эти обязанности и соблюдать все эти правила. И вот, когда ей уже стало совсем невозможно, как-то ночью она сняла свой монашеский наряд, свернула его и положила на кровать. Затем она вылезла через монастырское окно и убежала.

Кажется, я уже понимала, к чему она клонит.

— Она думала, что у нее начнется прекрасная жизнь, — продолжала Августа, — но жизнь беглой монашки оказалась совсем не такой, как она себе представляла. Она скиталась, чувствуя себя страшно одинокой, и побиравалась на улицах. Через некоторое время ей уже захотелось вернуться в монастырь, но она знала, что ее ни за что не пустят обратно.

Мы говорили не о монашке Беатрис — это было ясно как день. Мы говорили обо мне.

— И что же с ней стало? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

— И вот однажды, после долгих лет мучений и странствий, она изменила внешность и пришла в свой монастырь, чтобы посмотреть на него в последний раз. Она зашла в молельню и спросила одну из своих прежних сестер: «Вы помните монахиню Беатрис, которая убежала?» «Что это значит? — спросила сестра. — Беатрис вовсе не убежала. С чего это вы взяли? Да вон же она, подметает пол возле алтаря». Ты можешь себе представить, как удивилась настоящая Беатрис? Она подошла к подметающей женщине, чтобы посмотреть на нее, и обнаружила, что это была не кто иная, как Мария. Мария улыбнулась, а затем повела Беатрис в ее старую келью и вернула ее монашескую одежду. Понимаешь, Лили, все это время Мария жила в монастыре, притворяясь Беатрис.

Я перестала раскачиваться, и мое кресло затихло. Так что же пыталась сказать Августа? Что Мария будет притворяться мной у меня дома в Силване и Т. Рэй ничего не заметит? Это было слишком нелепо даже для католиков. Я думаю, она хотела сказать: *Я знаю, что ты убежала, — у каждого однажды возникает такое желание, — но рано или поздно ты захочешь вернуться домой. Просто попроси Марию о помощи.*

Я ушла, извинившись, не в силах больше находиться под прицелом ее взгляда. Но после этого я начала просить Марию о помощи — вовсе не о том, чтобы она позволила мне вернуться домой, как бедной монашке Беатрис. Отнюдь — я просила ее позаботиться о том, чтобы я никогда туда больше не возвращалась. Я просила ее сделать завесу вокруг розового дома, чтобы никто никогда не смог нас найти. Я просила об этом каждый день, и у меня было полное впечатление, что просьбы исполняются. Никто не стучал в нашу дверь и не тащил нас в тюрьму. Мария окружила нас своей защитой.

* * *

В наш первый пятничный вечер, после того как закончилась молитва, а в небе еще оставались розовые блики заката, мы с Августой отправились на пчелиный двор.

До сих пор я ни разу не бывала возле ульев, поэтому для начала Августа преподавала мне урок того, что она назвала «этикетом пчелиного двора». Она напомнила мне, что весь наш мир — это большой пчелиный двор, и все эти правила действуют одинаково хорошо как здесь, так и там: «Не бойся, поскольку ни одна пчела, любящая жизнь, не станет тебя

жалить. И все же, не нужно быть душой — носи длинные рукава и длинные брюки. Не пытайся прихлопнуть пчелу. Даже не помышляй об этом. Если чувствуешь злость — свисти. Злоба возбуждает, а свист наоборот — умиротворяет пчел. Веди себя, словно ты знаешь, что делаешь, даже если на самом деле — не знаешь. Но главное — посылай пчелам любовь. Даже самые маленькие существа хотят быть любимыми».

Августу жалили столько раз, что у нее выработался иммунитет. Пчелы едва ли могли ей навредить. Она даже сказала, что укусы помогают ей от артрита, но, поскольку у меня нет артрита, то мне лучше побережусь. Она дала мне одну из своих белых рубашек с длинными рукавами, а затем надела мне на голову один из белых шлемов и расправила сетку.

Все теперь выглядело мягче, нежнее. Идя за Августой в этой пчелиной вуали, я чувствовала себя луной, проплывающей за ночным облаком.

У Августы было 48 ульев, раскиданных по лесу вокруг розового дома, и еще 280 было расставлено в различных фермах — возле рек и на плоскогорьях. Фермерам нравились ее пчелы — благодаря пчелиному опылению их арбузы становились краснее, а огурцы — крупнее. Они были рады принять пчел бесплатно, но Августа платила каждому из них по пять галлонов меда.

Она без конца проверяла ульи, разъезжая на своем старом грузовичке с плоским кузовом из конца в конец округа. «Медовый возок» — так она его называла. «Медовый патруль» — то, что она делала с его помощью.

Я смотрела, как она нагружает красную тележку — ту, что я видела на заднем дворе, — дощатыми рамками, которые вставляют в ульи, чтобы пчелы могли откладывать туда мед.

— Необходимо убедиться, что у матки достаточно места, чтобы отложить яйца, иначе мы получим рой, — сказала она.

— Что это значит — рой?

— Ну, если у нас есть матка с группой свободолюбивых пчел, которые откалываются от остальных и начинают искать новое место, чтобы уйти, это называется рой. Обычно они обосновываются на какой-нибудь ветке.

Было очевидно, что рой ей не нравится.

— Итак, — сказала она, переходя к делу, — нам нужно извлечь из ульев рамки, наполненные медом, и вставить туда пустые.

Августа толкала тележку, а я шла за ней, неся дымарь, набитый сосновыми иглами и листьями табака. Зак оставил по кирпичу на крышке каждого улья, чтобы Августа знала, что делать. Если кирпич лежал спереди, это означало, что колония почти наполнила соты и нужен был новый супер. Если кирпич был сзади, это значило, что здесь были

проблемы, вроде восковой моли или больных маток. Положенный на бок кирпич возвещал о благополучном пчелином семействе.

Августа чиркнула спичкой и подожгла дымарь. Я видела, как ее лицо озарилось, а затем снова погрузилось во мрак. Она раскачивала ведерком, окуривая улей. «Дым, — сказала она, — действует лучше любого успокоительного».

И все же, когда Августа сняла крышку, пчелы потекли наружу толстыми черными веревками, которые разделялись на прядки, — ливень крошечных крылышек, суесящихся вокруг наших лиц. Кругом уже не было ничего, кроме пчел, и я посылала им любовь, как учила меня Августа.

Она извлекла рамку — полотно в черных и серых тонах, с серебристыми вкраплениями.

— Вон она, Лили, видишь? — сказала Августа. — Это матка — та, что больше других.

Я сделала реверанс, какой положено делать перед королевой Англии. Августа засмеялась.

Я хотела, чтобы она меня полюбила и навсегда оставила здесь. Если она меня полюбит, то, может быть, она забудет, что монашке Беатрис нужно возвращаться домой.

* * *

Когда мы шли обратно к дому, темнота уже окончательно сгустилась и вокруг нас летали светлячки. В окно я видела Розалин и Маю, заканчивающих мыть посуду.

Мы с Августой уселись на складные садовые стулья возле каучукового мирта, разбрасывающего по земле свои цветки. Из дома лилась мелодия виолончели, она поднималась выше и выше и, отрываясь от Земли, направлялась к Венере.

Я понимала, как подобная музыка может изгонять духов из умирающих, провожая их в другую жизнь. Я жалела, что Июна не могла проводить в мир иной мою маму.

Я смотрела на каменную стену, окаймляющую задний двор.

— В той стенке засунуты какие-то листочки, — сказала я, как будто Августа сама этого не знала.

— Да, я знаю. Это стена Майи. Она сама ее строила.

— Сама? — я пыталась представить ее — как она мешает цемент и

носит камни в своем переднике.

— Она принесла много камней с реки, которая течет там, в лесу. Она делала это лет десять, если не больше.

Вот откуда у нее такие мускулы — из-за камней.

— А что это за бумажки между камнями?

— О, это длинная история, — сказала Августа. — Думаю, ты заметила — Мая не совсем обычная.

— Ее, несомненно, легко огорчить, — сказала я.

— Это оттого, что Мая воспринимает все иначе, чем остальные. — Августа положила свою ладонь мне на руку. — Понимаешь, Лили, когда мы узнаём о каком-нибудь несчастье, которое случилось не с нами, оно может нас ненадолго расстроить, но это не разрушает полностью наш мир. Словно бы вокруг наших сердец есть защита, которая не дает боли нас сокрушить. Но у Майи этого нет. Все входит в нее — все страдание мира, — и она чувствует так, словно это происходит с ней. Ей все равно, чья это боль.

Значит ли это, что если я расскажу Мае о кучках крупы Т. Рэя, о его бесконечных мелких жестокостях, о том, как я убила свою маму, — значит ли это, что Мая почувствует все то, что чувствую я? Мне хотелось узнать, что происходит, когда это чувствуют двое.

Из кухонного окна донесся голос Розалин, а затем послышался смех Майи. В тот момент Мая казалась такой нормальной и счастливой, что трудно было поверить, что она такая, какая есть: сейчас смеется, а через мгновение ее уже затопляет слезами всеобщее горе. Меньше всего мне бы хотелось быть такой, но мне не хотелось и быть как Т. Рэй — невосприимчивой ко всему, кроме собственной эгоистичной жизни. И я не знала, что хуже.

— Она такой родилась? — спросила я.

— Нет, в детстве она была счастливым ребенком.

— И что же случилось?

Августа сфокусировала взгляд на каменной стенке.

— У Майи был близнец. Наша сестра Апрелья. Они были как одна душа, живущая в двух телах. Я никогда ничего подобного не видела. Если у Апрельи болели зубы, десны Майи распухали и краснели, точно так же как и у Апрельи. Наш отец лишь однажды выпорол Апрелью ремнем, и я клянусь, что рубцы появились и на ногах у Майи. Эти двое никогда не разлучались.

— В тот день, когда мы приехали. Мая сообщила, что Апрелья умерла. Именно тогда у Майи это и началось, — сказала Августа, взглянув на меня,

словно пытаюсь понять, стоит ли продолжать. — Это не слишком веселая история.

— Моя история тоже не слишком веселая, — ответила я, и Августа улыбнулась.

— Тогда ладно. Когда Апрелии и Мае было одиннадцать лет, они взяли по пятицентовику и пошли в магазин купить мороженого. Они увидели там белых детей, которые ели эскимо и рассматривали комиксы. Хозяин магазина дал им мороженое, но сказал, что они могут есть его только на улице. Апрелия заупрямилась и сказала, что хочет посмотреть комиксы. Она стояла на своем, споря с этим мужчиной, как со своим отцом, и наконец тому пришлось схватить ее за руку и выволочь за дверь, а мороженое упало на пол. Она пришла домой, крича, что это несправедливо. Наш отец был единственным цветным дантистом в Ричмонде, так что на своем веку он повидал достаточно несправедливости. Он сказал Апрелии: «В этом мире нет справедливости. И чем скорее ты это поймешь, тем будет лучше для тебя».

Я подумала о том, что сама поняла это задолго до одиннадцати лет. Я выпятила нижнюю губу и подула на свое лицо. Затем я задрала голову и стала разглядывать Большую Медведицу. Музыка Июны звучала как серенада.

— Думаю, большинство детей со временем забыли бы о случившемся, но Апрелия не смогла, — продолжала Августа. — Она потеряла интерес к жизни. У нее открылись глаза на то, чего она раньше не замечала. У нее начались периоды, когда она не хотела идти в школу и вообще что-нибудь делать. К тринадцати годам у нее развились страшные депрессии, и, конечно, всегда, что бы она ни чувствовала, Мая чувствовала то же самое. А когда Апрелии было пятнадцать, она достала отцовский дробовик и застрелилась.

Этого я не ожидала. Я громко втянула воздух и почувствовала, как моя рука поднимается, чтобы зажать рот.

— Я знаю, — сказала Августа. — Ужасно слышать такое. — Она помолчала. — Когда умерла Апрелия, в Мае тоже что-то умерло. После этого она уже не была нормальной. Похоже, что весь мир стал для Маи сестрой-близнецом.

Лицо Августы было едва различимым в тени дерева. Я выпрямилась на своем стуле, чтобы лучше ее видеть.

— Наша мама говорила, что Мая была, как Мария, — с сердцем снаружи груди. Мама умела о ней заботиться, но, когда она умерла, этим стали заниматься мы с Июной. Много лет мы пытались чем-то помочь Мае.

Мы показывали ее врачам, но те понятия не имели, что с ней делать, кроме как отправить в психушку. И тогда мы с Июной придумали эту стену плача.

— Какую стену?

— Стену плача, — повторила она. — Как в Иерусалиме. Евреи идут туда, чтобы излить свою скорбь. Так они справляются со своей болью. Они пишут свои молитвы на клочках бумаги и засовывают их в стену.

— И Мая делает то же самое? Августа кивнула.

— Все бумажки, которые ты там видела между камней, — все было написано Маей. Это груз, который она носит в себе. Похоже, что только это ей и помогает.

Я посмотрела в сторону стены, невидимой в темноте. *Бирмингем, 15 сентября, четыре маленьких ангела мертвы.*

— Бедная Мая, — сказала я.

— Да, — сказала Августа. — Бедная Мая.

Так мы и сидели, погружившись в печальные мысли, пока комары, собравшись вокруг, не погнались по домам.

* * *

Розалин лежала в медовом домике на своей кровати, выключив свет. Вентилятор работал на полную мощность. Я разделась до трусов и майки, но все равно было слишком жарко, чтобы двигаться.

Мою грудь жгло от переполнявших ее чувств. Я подумала, не мерит ли шагами Т. Рэй свою комнату в эту самую секунду, чувствуя себя так плохо, как я надеялась. Может быть, он корит себя за то, каким он был скверным отцом, потому что ужасно со мной обращался, но я в этом сильно сомневалась. Изобретение способов, как меня уничтожить, казалось более вероятным.

Я вновь и вновь переворачивала подушку, надеясь получить хоть капельку прохлады. Я думала о Мае и ее стенке. Меня бросало в дрожь от мысли, что же может быть спрятано между этими камнями. Эта стенка напоминала мне кровавые куски мяса, которые готовила Розалин, разрезы, которые она в них проделывала, запихивая туда кусочки дикого жгучего чеснока.

Но хуже всего было лежать и хотеть к маме. Так было всегда: тоска по ней почти каждый раз настигала меня глубокой ночью, когда моя защита ослабевала. Я ерзала на постели, желая залезть к ней в кровать и вдохнуть

запах ее кожи. Я спрашивала себя: «Надевала ли она в постель нейлоновые сорочки? Закалывала ли она волосы?» Я буквально видела, как она там лежит. Я представляла, как ложусь с ней рядом и кладу голову ей на грудь. Я бы положила голову прямо на ее бьющееся сердце и стала бы его слушать. *Мама*, сказала бы я. И она бы посмотрела на меня и сказала: *Дочка*, я здесь.

Я услышала, как Розалин заворочалась на своей кровати.

— Ты не спишь? — спросила я.

— Кто может заснуть в такой парилке? — сказала она.

Я хотела сказать: *Ты можешь*, поскольку видела, как она заснула тогда возле универсального магазина и ресторана Фрогмора Стю, а там не было прохладней. У нее на лбу был свежий лейкопластырь. Недавно Августа прокипятила свой пинцет и ножницы для ногтей и сняла швы с раны Розалин.

— Как твоя голова?

— Моя голова в порядке. — В интонации Розалин я услышала вызов.

— Ты сердисься, или что?

— С чего бы мне сердиться? То, что ты проводишь все свое время с Августой, вовсе не повод, чтобы сердиться. Ты сама выбираешь, с кем тебе разговаривать, это совершенно не мое дело.

Я не могла поверить: Розалин ревновала!

— Я не провожу с ней *все* свое время.

— Немалую его часть, — сказала она.

— Ну, а чего бы ты хотела? Я работаю с ней в медовом домике. Мне приходится проводить с ней время.

— А как насчет сегодняшнего вечера? Вы делали мед, сидя на лужайке?

— Мы просто разговаривали.

— Ага, я знаю, — сказала она, отворачиваясь к стене, выставляя мне свою спину молчаливым упреком.

— Розалин, не веди себя так. Августа может что-то знать о моей маме.

Она приподнялась на локте и посмотрела на меня.

— Лили, твоей мамы больше нет, — сказала она мягко. — И ее уже не вернуть.

Я села в кровати.

— Откуда ты знаешь, что она не живет сейчас прямо в этом самом городе? Т. Рэй мог наврать о том, что она умерла, так же как он наврал, что она меня бросила.

— О, Лили, девочка моя. Тебе пора бы уже успокоиться.

— Я чувствую ее здесь, — сказала я. — Она была здесь, я знаю.

— Может, и была, откуда мне знать. Я знаю только, что некоторые вещи лучше оставлять как есть.

— Что ты хочешь сказать? Что мне не нужно пытаться узнать то, что я могу узнать о собственной маме?

— Но что, если... — она осеклась и почесала затылок. — Что, если ты узнаешь что-то, чего не хочешь знать?

То, что я услышала в ее словах, было: *Твоя мама тебя бросила, Лили. Забудь про это.* Мне захотелось наорать на нее, сказать ей, какая она дура, но слова застряли у меня в горле. Вместо этого я принялась икать.

— Ты считаешь, что Т. Рэй сказал правду о том, что она меня бросила, так?

— Я не имею об этом ни малейшего понятия, — сказала Розалин. — Я просто не хочу, чтобы ты причиняла себе боль.

Я вновь легла на кровать. В тишине моя икота рикошетила по всей комнате.

— Задержи дыхание, похлопай по голове и почесы живот, — сказала Розалин.

Я не обращала на нее внимания. Наконец я услышала, что ее дыхание стало глубже.

Я натянула шорты и сандалии и на цыпочках прошла к столу, где Августа заполняла заказы на мед. Я вырвала из блокнота листок и написала на нем имя моей мамы. Дебора Оуэнс.

Выглянув наружу, я поняла, что мне придется прокладывать путь по звездам. Не прекращая икать, я прошла по траве к кромке леса, где была стена Май. Я положила руки на камни. Все, чего мне хотелось, — облегчить свою боль.

Мне нужно было защититься-от собственных чувств, поднять мост через ров. Я вдавила бумажку с именем в щель, вверяя маму стене плача. Я обратила внимание, что икота прекратилась.

Я сидела на земле, прислонившись к стене спиной и запрокинув голову, так что мне были видны звезды вместе со всеми спутниками-шпионами, летающими в небе. Может, в эту самую секунду один из них меня фотографировал. Они могли найти меня даже в темноте. Я нигде не была в безопасности. Нужно всегда об этом помнить.

Я подумала, что, может быть, стоит узнать все, что можно, о моей маме, пока за нами не приехал Т. Рэй или полиция. Но с чего начать? Я не могла просто вытащить картинку с Черной Марией и показать ее Августе, зная, что правда выплывет наружу. И тогда Августа решит — может

решить, — что должна позвонить Т. Рэю, чтобы он меня забрал. А если она узнает, что Розалин сбежала из тюрьмы, не будет ли она *обязана* вызвать полицию?

Ночь была похожа на чернильную кляксу, в которой нужно найти знакомые очертания. Я сидела и вглядывалась в темноту, силясь узреть в ней хотя бы проблеск света.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Пчелиная матка должна производить некое вещество, которое будет привлекать рабочих и которое можно получить от нее только при непосредственном контакте. Это вещество, очевидно, стимулирует нормальное поведение рабочих особей в улье. Такой химический носитель информации был назван «маточной субстанцией». Эксперименты показали, что пчелы получают его непосредственно с тела матки.

«Люди и насекомые»

На следующее утро я проснулась в медовом домике от грохота во дворе. Когда я вылезла из кровати и вышла на улицу, то обнаружила там самого здоровенного негра, какого мне доводилось видеть. Он ремонтировал грузовик, склонившись над мотором. Вокруг его ног были разбросаны инструменты. Июна подавала ключи и отвертки, всякий раз широко ему улыбаясь.

На кухне Мая и Розалин готовили тесто для блинов. Я не слишком любила блины, но никому об этом не говорила. Я была рада уже тому, что это не крупа.

Мусорное ведро было полно банановых шкурок, а электрический кофейник булькал в свой крошечный стеклянный носик. *Буль, буль.* Я

обожала этот звук, этот запах.

— Кто этот человек на улице? — спросила я.

— Это Нейл, — сказала Мая. — Он влюблен в Июну.

— Похоже, что Июна тоже в него влюблена.

— Да, но она никому об этом не скажет, — сказала Мая. — Она уже годами водит за нос этого несчастного Нейла. Не выходит за него замуж и не отпускает.

Мая налила на сковородку тесто в форме большой буквы «Л».

— Это твой, — сказала она. — «Л» для Лили.

Розалин накрыла на стол и подогрела мед в миске с горячей водой. Я разлила апельсиновый сок по стаканам.

— А почему Июна не хочет за него выходить? — спросила я.

— Она собиралась выйти замуж за другого мужчину много лет назад, — сказала Мая. — Но он не пришел на свадьбу.

Я посмотрела на Розалин, опасаясь, что воспоминания о том, как обманули ее сестру, могут повергнуть Маю в очередную истерику. Но Мая была всецело поглощена моим блином. Впервые мне пришло в голову, насколько странно то, что ни одна из них не замужем. Три незамужние сестры, живущие вместе.

Я услышала, как Розалин выдохнула воздух через сжатые губы. Я знала, что она думает о своем никчемном муже, жалея, что он *пришел* на их свадьбу.

— Июна зареклась встречаться с мужчинами и сказала, что никогда не выйдет замуж. Но потом она встретила Нейла, который стал новым директором в ее школе. Не знаю, что случилось с его женой, но он уже не был женат, когда сюда переехал. Он перепробовал все, пытаясь уговорить ее за него выйти, но она не хотела. Мы с Августой тоже не смогли ее убедить.

Из груди Маи вырвался хрип, а за ним последовало: «О, Сюзанна!». *Началось.*

— Боже, не надо, — сказала Розалин.

— Простите, — сказала Мая. — Я ничего не могу поделать.

— Наверное, вам лучше сходить к своей стенке, — сказала я, забирая у нее из рук деревянную лопаточку. — Мы здесь справимся.

— Ага, — сказала ей Розалин. — Делай что тебе нужно.

Через дверь мы видели, как Мая проскочила мимо Июны и Нейла.

Через несколько минут вошла Июна, а за ней Нейл. Я боялась, что его голова не пройдет в дверь.

— Из-за чего теперь? — хотела знать Июна. Она проследила глазами

за тараканом, юркнувшим под холодильник. — Вы ведь не раздавили таракана у нее на глазах?

— Нет, — сказала я. — Мы даже не видели таракана.

Она открыла дверцу под раковиной, порылась там и вынула баночку с тараканьим ядом. Я подумала, не рассказать ли ей об остроумном способе борьбы с тараканами, изобретенном моей мамой, — хлебные крошки и пастила, — но затем я подумала: *Это Июна, так что не стоит.*

— И что же ее расстроило? — спросила Июна. Меньше всего мне хотелось рассказывать ей правду, да еще когда Нейл стоял рядом, но у Розалин, похоже, проблем с этим не было:

— Она расстроена тем, что ты не выходишь замуж за Нейла.

До тех пор я и не предполагала, что негры могут краснеть, хотя, возможно, это был гнев — и он окрасил лицо и уши Июны в темно-вишневый цвет.

Нейл рассмеялся.

— Ты видишь? Тебе нужно выйти за меня замуж и не огорчать больше свою сестру.

— А ну выйди отсюда, — сказала она, подталкивая его к двери.

— Ты обещала мне блинов, и без них я не уйду, — сказал он. На нем были синие джинсы, майка, перепачканная машинным маслом, и очки в роговой оправе. Он выглядел как очень прилежный механик.

Он улыбнулся мне, а затем Розалин.

— Так ты нас представишь или будешь держать в неведении?

Я заметила, что если первые пять секунд внимательно смотреть в глаза человеку, который смотрит на тебя, его истинные чувства на мгновение раскрываются перед тобой, прежде чем ускользнуть вновь. Глаза Июны, когда она посмотрела на меня, потускнели и ожесточились.

— Это Лили и Розалин, — сказала она. — Они у нас гостят.

— Откуда ты? — спросил он меня. Этот вопрос жители Южной Каролины задают друг другу чаще всего. Мы хотим удостовериться, что ты один из нас, что твой кузен знает нашего кузена, что твоя младшая сестра ходила в школу с нашим старшим братом, что ты посещаешь ту же баптистскую церковь, что и наш прежний начальник.

Мы ищем, где наши пути могли пересечься. Однако же было редкостью, чтобы негр спрашивал белого, откуда он, поскольку пользы от этого было немного. Их пути едва ли могли пересечься.

— Округ Спартанбург, — сказала я, едва вспомнив, о чем рассказывала раньше.

— А вы? — спросил он Розалин.

Она глядела на медные формочки для желе, висящие по обеим сторонам окна над раковиной.

— Оттуда же, откуда и Лили.

— Что это горит? — спросила Июна.

От сковородки шел дым. Блин в форме буквы «Л» превратился в уголек. Июна выхватила лопаточку у меня из руки, соскребла со сковородки то, что на ней осталось, и выбросила в ведро.

— И сколько вы собираетесь здесь пробыть? — спросил Нейл.

Июна смотрела на меня, плотно сжав губы. Она ждала.

— Еще некоторое время, — ответила я, глядя в мусорное ведро. «Л» для Лили.

Я чувствовала, что вопросы еще не кончились. Но мне нечего было на них ответить.

— Я не голодна, — сказала я и вышла через заднюю дверь.

Спускаясь с крыльца, я услышала, как Розалин спросила:

— Вы зарегистрировались для выборов?

* * *

Я думала, что в воскресенье они пойдут в церковь, но нет — в розовом доме служили особую службу, и люди сами туда приходили. Это была группа под названием «Дочери Марии», которую организовала Августа.

Дочери Марии начали собираться в гостиной еще до десяти утра. Первой пришла пожилая женщина по имени Куини со своей взрослой дочерью Виолеттой. Они были одеты в похожие ярко-желтые юбки и белые блузки, но на них были разные шляпки. Затем пришли Люнель, Мабель и Кресси, на которых были самые причудливые шляпы, какие мне доводилось видеть.

Выяснилось, что Люнель была шляпных дел мастером и не страдала от чрезмерной скромности. Она носила пурпурную фетровую шляпу, размером с сомбреро, с искусственными фруктами на затылке.

На голове у Мабель красовалось сооружение из тигрового меха в золотом обрамлении, но победу одержала Кресси, продемонстрировав малиновую дымовую трубу с черной вуалью и страусовыми перьями.

Словно всего этого было недостаточно, у них в ушах болтались клипсы с разноцветными фальшивыми брильянтами, а на коричневых щеках были румянами нарисованы круги. Эти дамы казались мне страшно

красивыми.

В дополнение ко всем этим Дочерям, выяснилось, что у Марии помимо Иисуса был и еще один сын, человек по имени Отис Хилл, с крепкими зубами, в мешковатом голубом костюме. Так что, строго говоря, эту группу следовало бы назвать «Дочери и Сын Марии». Он пришел с женой, которую все называли Сахарок. На ней было белое платье, бирюзовые нитяные перчатки и изумрудный тюрбан.

Августа и Июна, без шляп, перчаток и клипсов, выглядели рядом с ними бедными родственницами, но Мая, старая добрая Мая, вышла в ярко-голубой шляпе с полями, загнутыми вниз с одной стороны и наверх — с другой.

Августа принесла стулья и расставила их полукругом перед деревянной скульптурой Марии. Когда все уселись, она зажгла свечку, и Июна заиграла на виолончели. Мы вместе произнесли «Радуйся, Мария». Куини и Виолетта перебирали деревянные четки.

Августа поднялась и сказала, что рада тому, что мы с Розалин с ними вместе; затем она открыла Библию и стала читать: «И сказала Мария... Ибо отныне будут ублажать меня все роды... Что сотворил Мне величие Сильный... Рассеял надменных... Низложил сильных с престолов и вознес смиренных. Алчущих исполнил благ, а богатящихся отпустил ни с чем».

Положив Библию на стол, она сказала:

— Уже довольно давно мы не рассказывали историю о Нашей Леди в Оковах, а поскольку у нас здесь гости, которые никогда не слышали историю этой статуи, я подумала, что будет неплохо рассказать ее снова.

Я начинала понимать, что Августа обожает рассказывать истории.

— Правда, всем нам пойдет на пользу, если мы послушаем историю еще раз, — сказала она. — Истории должны рассказываться, а иначе они умирают. И когда они умирают, мы не можем вспомнить, кто мы такие и зачем мы здесь.

Кресси кивнула, отчего страусовые перья на ее шляпе взметнулись в воздух, создав впечатление, что в комнату залетела настоящая птица.

— Правильно. Расскажи нам, — сказала она. Августа пододвинула свой стул поближе к статуе Черной Марии и села к нам лицом. Когда она заговорила, было совсем не похоже, что говорит Августа. Было похоже, что кто-то говорит через нее, кто-то — из другого места и из другого времени. Она неотрывно смотрела в окно, словно бы видела, как на небе разыгрывается эта драма.

— Итак, — сказала она, — давным-давно, во времена рабства, когда наши люди были собственностью белых, они ежедневно и еженощно

молились о своем освобождении... На островах близ Чарлстона они приходили в храм, пели там и молились, и всякий раз кто-нибудь из них просил Господа ниспослать им спасение. Ниспослать утешение. Ниспослать им свободу.

Было видно, что она повторяла эти вводные строчки тысячи раз за свою жизнь, что она произносила их точно так, как слышала из уст некой старой женщины, которая слышала их из уст еще более старой женщины, — как песню, ритм которой раскачивал нас, пока мы не покидали свои тела и сами не оказывались на Чарлстонских островах, ища спасения.

— Однажды, — сказала Августа, — раб по имени Обадия грузил кирпичи на корабль, который плавал по реке Эшли, и вдруг заметил нечто, прибитое к берегу. Подойдя ближе, он увидел, что это деревянная фигура женщины. Ее тело словно бы выросло из деревянной колоды — черная женщина с поднятой рукой, сжатой в кулак.

На этом месте Августа поднялась и встала в такую же позу. Она постояла так несколько секунд, а мы сидели, завороженные этим зрелищем.

— Обадия вытащил женщину из воды, — продолжала она, — и с большим трудом поставил ее вертикально. Затем он вспомнил, как они просили Господа ниспослать им спасение. Ниспослать утешение. Ниспослать им свободу. Обадия понял, что Господь послал им эту фигуру, но он не знал, кто она такая. Он опустился на колени прямо в илистую грязь подле нее и услышал голос, говорящий в его сердце ясно как день. Голос сказал: «Все в порядке. Я здесь. Теперь я позабочусь о вас».

Эта история была в десять раз лучше, чем про монашку Беатрис. Августа плавно шагала по комнате, продолжая свой рассказ:

— Обадия пытался поднять отяжелевшую от воды женщину, которую Бог послал, чтобы она позаботилась о них, но та была слишком тяжела, и тогда он сходил за еще двумя рабами, и втроем они перенесли ее в храм и поставили на пьедестал.

— К наступлению воскресенья уже каждый знал о фигуре, принесенной рекой, и о том, что она говорила Обадии. Храм был полон людьми, а те, кому не хватило места, толпились у дверей и сидели на карнизах. Обадия сказал им, что знает — это Господь Бог послал ее, но не знает, кто она.

— Он не знает, кто она! — воскликнула Сахарок. И тут все Дочери Марии принялись в один голос повторять, снова и снова: «И никто из них не знал».

Я посмотрела на Розалин, которую я просто не узнавала, — как она

сидела, подавшись вперед на стуле, повторяя вместе со всеми: «И никто из них не знал».

Когда вновь воцарилось молчание. Августа продолжила:

— Старейшей среди рабов была женщина по имени Перл. Она ходила с палкой, а когда говорила, то все ее слушали. Она поднялась на ноги и сказала: «Та, что перед вами — мать Иисуса».

— Каждый знал, что мать Иисуса зовут Мария и что она повидала в своей жизни немало горя. Что она сильная и преданная и у нее материнское сердце. И вот она перед ними, присланная им по тем же водам, по каким их везли сюда в оковах. Они поняли, что она знает обо всех их страданиях.

Я смотрела на статую и чувствовала, как что-то раскалывается в моем сердце.

— И вот, — сказала Августа, — люди принялись плакать, танцевать и хлопать в ладоши. Они подходили по одному и дотрагивались до ее груди, желая получить утешение прямо из ее сердца.

— Они проделывали это в храме каждое воскресенье, танцуя и касаясь ее груди, и наконец они нарисовали на ней красное сердце, чтобы у людей было сердце, к которому можно прикоснуться.

— Наша Леди наполняла их сердца бесстрашием и нашептывала планы бегства. Самые отважные из них убегали, держа путь на север, а оставшиеся жили с поднятым кулаком в своем сердце. И если оно ослабевало, человеку было достаточно вновь прикоснуться к сердцу Марии.

— Она стала такой знаменитой, что о ней узнал хозяин. Однажды он погрузил ее на повозку, увез и приковал в амбаре. И тогда, без какой-либо помощи со стороны людей, она ночью исчезла оттуда и вернулась обратно в храм. Хозяин заковывал ее в амбаре пятьдесят раз, и пятьдесят раз она освобождалась из оков и возвращалась домой. Наконец он сдался и позволил ей остаться в храме.

Августа с минуту помолчала, чтобы каждый мог прочувствовать сказанное. Когда она вновь заговорила, то вытянула руки перед собой.

— Люди называли ее Наша Леди в Оковах. Они называли ее так не потому, что на ней были оковы...

— *Не потому, что на ней были оковы,* — хором пропели Дочери.

— Ее называли Наша Леди в Оковах, потому что *она их сломала.*

Июна зажала виолончель между ног и заиграла «Бескрайнюю Благодать», а Дочери Марии поднялись на ноги и принялись раскачиваться, словно разноцветные водоросли на дне океана.

Я уже подумала, что это будет торжественным завершением, но нет —

Июна пересела за пианино и что есть мочи заиграла джазовую версию «Пойди на Гору и расскажи». И тогда Августа начала танец конга. Она подтанцевала к Люнель, которая схватила ее за талию. Кресси прицепилась к Люнель, за ней пристроилась Мабель, и они гуськом пошли вокруг комнаты, отчего Кресси пришлось схватиться за свою малиновую шляпу. На обратном пути к ним присоединились Куини и Виолетта, а затем и Сахарок. Мне тоже хотелось быть среди них, но я лишь смотрела, равно как Розалин и Отис.

Июна, похоже, играла все быстрее и быстрее. Я обмахивала лицо и чувствовала духоту и головокружение.

Когда танец окончился, Дочери, тяжело дыша, встали полукругом перед Нашей Леди в Оковах, и от того, что за этим последовало, у меня перехватило дыхание. Они стали по одной подходить и дотрагиваться до вытертого красного сердца фигуры.

Куини подошла вместе со своей дочкой, и они потерлись ладонями о дерево. Люнель прижала пальцы к сердцу Марии, а затем поцеловала каждый из них, медленно и методично, отчего у меня на глазах навернулись слезы.

Отис прижался лбом к ее сердцу и стоял там дольше всех, головой к сердцу, словно бы заправлял пустой бензобак.

Они подходили, а Июна продолжала играть, пока не остались только мы с Розалин. Мая кивнула Июне, чтобы та не прерывала игру, и, взяв Розалин за руку, подвела к Нашей Леди в Оковах, чтобы Розалин тоже могла коснуться сердца Марии.

Мне тоже хотелось дотронуться до ее сердца — может быть, больше всего на свете. Когда я поднялась со стула, моя голова все еще немного плыла. Я приближалась к Черной Марии, поднимая руку. Но вдруг, когда я уже почти коснулась ее сердца, Июна прекратила играть. Она прервалась прямо посреди песни, и я осталась с протянутой рукой в полной тишине.

Опустив руку, я огляделась, и было похоже, что я смотрю через толстое вагонное стекло. Перед глазами все словно бы расплывалось, и я видела набегающие разноцветные волны. Я не *одна из вас*, подумала я.

Мои члены онемели. Я подумала, как было бы здорово все уменьшаться и уменьшаться, пока от меня не останется лишь крохотная точка.

Я услышала резкий окрик Августы: «Июна, ты что?» — но ее голос был так далеко.

Я воззвала к Леди в Оковах, но, возможно, я вовсе не произносила ее имени вслух, а слышала лишь свой внутренний голос. Это последнее, что я

помню: ее имя, эхом отдающееся в пустом пространстве.

Очнувшись, я обнаружила себя лежащей на кровати Августы, на лбу у меня была ледяная тряпка, а Августа и Розалин смотрели на меня сверху вниз. Розалин обмахивала меня своей юбкой, демонстрируя большую часть своих ног.

— С каких это пор ты падаешь в обморок? — спросила она, присаживаясь на край кровати, отчего я тут же покатила в ее сторону. Она обняла меня. По неясной причине это наполнило мою грудь такой грустью, которую я не могла терпеть, и я высвободилась, заявив, что мне нужно попить.

— Возможно, это из-за жары, — сказала Августа. — Нужно было включить вентиляторы. Там, наверное, было градусов девяносто по Фаренгейту.

— Все в порядке, — сказала я, но, по правде сказать, я была совершенно сбита с толку.

Я чувствовала, что наткнулась на невероятную тайну — можно было закрыть глаза и покинуть мир, и при этом вовсе не умирать. Нужно просто упасть в обморок. Только вот я не знала, как сделать так, чтобы это произошло, как вынуть предохранитель, чтобы можно было отключаться, когда это необходимо.

Мой обморок разрушил настрой Дочерей Марии и заставил Маю отправиться к стене плача. Июна поднялась в свою комнату и там заперлась, а остальные Дочери собрались на кухне.

Мы отнесли это на счет жары. *Жара*, сказали мы. Жара заставляет людей проделывать странные вещи.

* * *

Нужно было видеть, как Августа и Розалин нянчились со мной остаток этого вечера. Хочешь кваску. Лили? А как насчет пуховой подушки? Вот, скушай ложечку меда.

Мы сидели в телевизионной камере, и я ела ужин с подноса, что само по себе было привилегией. Июна все еще находилась в своей комнате, не отвечая на призывы Августы, а Мая, которой не позволяли смотреть телевизор из-за того, что она сегодня уже провела достаточно времени у стены, вырезала на кухне рецепты из журнала.

По телевизору показывали мистера Кронкайта, который сказал, что

скоро на Луну отправят космический корабль. «Двадцать восьмого июля Соединенные Штаты Америки запустят „Рейнджер-7“ с мыса Кеннеди, Флорида», — сказал он. Корабль должен будет пролететь 253 665 миль, прежде чем разбиться о Луну. Задача заключалась в том, чтобы сфотографировать ее поверхность и отослать картинки на Землю.

— Малютка Иисус, — сказала Розалин. — Ракета на Луну.

Августа покачала головой.

— Скоро они начнут там разгуливать как у себя дома.

Мы все думали, что у президента Кеннеди едет крыша, когда он заявил, что мы отправим на Луну человека. Силванская газета назвала это «предвидением лунатика». Я принесла статью в школу, чтобы повесить ее на доску, информирующую о текущих событиях. Все сказали: «Человек на Луне. Однако».

Но нельзя недооценивать силу беспощадного соперничества. Мы хотели побить русских, и это заставляло мир вращаться. Теперь было похоже, что у нас все получится.

Августа выключила телевизор.

— Нужно выйти на воздух.

Мы пошли вместе: Розалин и Августа поддерживали меня под локти, на случай, если я опять надумаю свалиться.

Природа находилась в пограничном состоянии, когда день уже ушел, а ночь еще не спустилась. Я никогда не любила это время дня, из-за печали, повисающей вокруг в эти тягучие минуты. Августа смотрела на небо, в котором восходила луна, огромная и призрачно-серебристая.

— Вглядишься в нее хорошенько, Лили, — сказала она, — потому что сейчас мы видим то, что уже подходит к концу.

— Да?

— Да, потому что с тех пор, как на Земле живут люди. Луна была для нас тайной. Подумай об этом. Она так сильна, что может двигать океаны, а когда она умирает, то всякий раз возвращается. Моя мама всегда говорила, что Наша Леди живет на Луне и что я должна танцевать, когда лицо Луны источает свет, и выждать, когда ее лицо затемнено.

Августа бросила на небо прощальный взгляд и, повернувшись к дому, сказала:

— Теперь так уже никогда не будет — никогда, после того как они там высадутся и будут по ней ходить. Теперь она станет просто еще одним научным проектом.

Я вспомнила свой сон, который я видела в ту ночь, когда мы с Розалин спали возле реки, — как луна раскололась на куски.

Августа исчезла в доме, а Розалин направилась к медовому домику, чтобы лечь спать, но я осталась, продолжая смотреть в небо и представляя себе «Рейнджер-7», несущийся к Луне.

Я знала, что однажды пройду в гостиную, когда там никого не будет, и прикоснусь к сердцу Леди. И тогда я покажу Августе картинку моей матери и увижу, сорвется ли луна с неба и разобьется ли на мелкие кусочки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Каким образом у пчел происходит секс? Они не ведут разгульной половой жизни. Улей подразумевает скорее монастырь, нежели бордель.

«Королева должна умереть, и другие проблемы пчел и людей»

Я вздрагивала всякий раз, когда слышала сирену. Была ли это скорая помощь или полицейская погоня по телевизору — неважно. Какая-то часть меня постоянно была в напряжении, ожидая Т. Рэя или мистера Туфлю Гастона, которые могли приехать и положить конец моей зачарованной жизни. Мы жили у Августы уже восемь полных дней. Я не знала, как долго Черная Мария сможет держать завесу задернутой.

В понедельник утром, тринадцатого июля, я возвращалась после завтрака в медовый домик, когда заметила странный черный «форд», стоящий на подъездной дорожке. На секунду у меня перехватило дыхание, но тут я вспомнила, что сегодня должен приехать Зак, чтобы вернуться к работе.

Раньше мы работали вдвоем с Августой, а теперь еще этот Зак. Это смешно, но я была возмущена подобным вторжением.

Я застала его в домике. Он держал в руке опрыскиватель, как микрофон, и пел: «Я нашел свой страх на голубичных холмах». Я стояла в дверях не шевелясь, и он меня не замечал, но когда он запел «Вива, Лас-Вегас» и принялся, как Элвис, вилять бедрами, я не смогла удержаться от смеха.

Он резко обернулся, опрокинув поддон с рамками и рассыпав их по всему полу.

— Я просто пел, — сказал он таким тоном, словно это должно было стать для меня новостью. — Ты кто?

— Лили, — сказала я. — Я временно живу у Августы и остальных.

— А я Захария Тейлор, — сказал он.

— Захария Тейлор был президентом, — сказала ему я.

— Ага, я в курсе. — Он выудил медальон, висящий на цепочке у него под рубашкой, и сунул мне под нос. — На, читай: Захария Линкольн Тейлор.

Затем он улыбнулся, и я заметила, что у него ямочка на щеке с одной стороны. Эта черта никогда не оставляла меня равнодушной.

Он принес тряпку и вытер пол.

— Августа сказала мне, что ты здесь живешь и будешь нам помогать, но она ни слова не сказала о том, что ты... белая.

— Ага, я белая, ничего не поделать, — сказала я. — Белая, как... не знаю что.

В самом же Захарии Линкольне Тейлоре не было ничего белого. Даже белки его глаз не были вполне белыми. У него были широкие плечи, узкие бедра и короткая стрижка, как у большинства черных парней, но именно от его лица я не могла оторвать взгляд. Если его шокировала моя белизна, то меня шокировало то, что он был таким красивым.

В школе все подшучивали над губами и носами цветных. Я тоже смеялась над этими шутками, надеясь завоевать расположение одноклассников. Но теперь мне хотелось послать письмо в свою школу, чтобы его прочли на общем собрании, — письмо о том, как они все ошибались. Видели бы они Захарию Тейлора!

Было непонятно, как Августа могла забыть сказать ему столь важную вещь — что я была белой. Мне она рассказывала о нем очень много. Я знала, что она его крестная мать. Что отец оставил его, когда он был маленький, и что его мама работала в столовой той самой школы, где преподавала Юна. Он должен был перейти в последний класс школы для черных, где он был отличником и играл в полузащите в футбольной команде. Она говорила, что Зак бегаёт как ветер, и это может стать его билетом в колледж где-нибудь на Севере. Слышать об этом было невыносимо, поскольку я сама едва ли могла теперь претендовать на что-нибудь большее, чем школа красоты.

Я сказала:

— Августа поехала в Саттерфилд проверять свои улы. Она велела помогать тебе здесь. Что мне делать?

— Вытаскивать рамки из тех ящичков и помогать мне заряжать раскупориватель.

— Кто тебе больше нравится, Фэтс Домино или Элвис? — спросила я,

вставляя первую рамку.

— Майлз Дэвис, — сказал он.

— Я такого не знаю.

— Конечно, не знаешь. Но он лучший трубач в мире. Я отдал бы все, чтобы играть, как он.

— Отдал бы даже футбол?

— Откуда ты знаешь, что я играю в футбол?

— Я многое знаю, — сказала я и улыбнулась.

— Это видно. — Он попытался спрятать улыбку. Я подумала: Мы станем друзьями.

Он щелкнул выключателем, и экстрактор завращался, набирая обороты.

— Так как ты здесь оказалась?

— Мы с Розалин держим путь в Виргинию к моей тетушке. Мой папа погиб, попав под трактор, а матери у меня нет с детства, так что я хочу добраться до своих родственников, пока меня не упекли в сиротский приют или куда-нибудь еще.

— Но как ты здесь оказалась?

— В смысле — у Августы? Мы ехали на попутках, и нас высадили в Тибуроне. Мы постучались в дверь, и Августа нас приютила. Вот и все.

Он кивнул, словно бы в этой истории действительно был какой-то смысл.

— А ты давно здесь работаешь? — спросила я, торопясь сменить тему.

— С тех пор, как пошел в среднюю школу. Я прихожу сюда после школы, если у нас нет футбола, каждую субботу и все лето. Я купил машину на деньги, что заработал здесь в прошлом году.

— Тот «форд», что там стоит?

— Ага, «Форд Фэрлайн», модели 59-го года. Он снова щелкнул выключателем, и экстрактор остановился.

— Пойдем, я тебе покажу.

На поверхности машины можно было видеть собственное отражение. Я подумала, что он, наверное, ночами не спит, полируя ее своей майкой.

— Научить меня водить? — спросила я.

— Только не на этой машине.

— Почему?

— Потому что ты выглядишь девчонкой, которая непременно во что-нибудь врежется.

Я повернулась к нему, готовая возмутиться, но увидела, что он улыбается. И я снова заметила у него ямочку на одной щеке.

— Непременно, — повторил он. — Непременно во что-нибудь врежется.

* * *

Каждый день мы с Заком работали в медовом домике. Августа и Зак уже извлекли большую часть меда с ее пчелиных дворов, но несколько стопок суперов все еще оставались на паллетах.

Мы включали нагреватель и сливали воск в жестяную ванночку, затем заряжали рамки в экстрактор и фильтровали мед через новый нейлоновый чулок. Августа любила оставлять в своем меде немного пыльцы, считая это полезным, так что мы следили и за этим. Иногда мы отламывали кусочки сот и засовывали их в банки, прежде чем наполнить их медом.

В остальное время мы заливали воск в формы для свечей и мыли банки в детергенте, пока мои руки не становились жесткими, как кукурузные листья.

Единственным, что меня постоянно напрягало, был ужин, когда приходилось находиться рядом с Июной. Я не могла понять, за что она меня так не любит.

— Как идут твои дела, Лили? — говорила она каждый вечер за столом. Как будто декламировала перед зеркалом.

И я говорила:

— Дела идут отлично. А как они идут у вас, Июна? Она кидала взгляд на Августу, следящую за всем этим с неподдельным интересом.

— Отлично, — говорила Июна.

Покончив с этим, мы разворачивали свои салфетки и изо всех сил старались не замечать друг друга. Я знала, что Августа старается смягчить грубость Июны по отношению ко мне, но мне хотелось ей сказать: *«Не думаете ли вы что нам с Июной Боутрайт есть хоть какое-то дело до того, как идут друг у друга дела? Не стоит беспокоиться»*.

Однажды вечером, после «Радуйся, Мария», Августа сказала:

— Лили, если ты хочешь прикоснуться к сердцу Нашей Леди, мы все будем рады, правда, Июна?

Я взглянула на Июну, которая одарила меня деланной улыбкой.

— Может быть, в другой раз, — сказала я.

Хочу вам сказать, что если бы я умирала в своей постели в медовом домике и единственным, что могло меня спасти, было снисхождение Июны,

я не стала бы просить ее об этом и приняла бы свою смерть молча, отправившись напрямиком на небеса. А может, и в ад...

Моим любимым времяпровождением был обед, который мы с Заком съедали, сидя в тени сосен. Мая почти каждый день готовила нам сэндвичи с болонской колбасой. На десерт она делала салат-подсвечник, что означало половинку банана, воткнутую в кружок ананаса. «Позвольте зажечь вашу свечку», — говорила она, чиркая воображаемой спичкой. Затем на кончик банана она прищипливала зубочисткой вишенку из банки. Словно бы мы с Заком были в детском саду. Но мы ей подыгрывали, страшно радуясь тому, как она поджигает банан. Заканчивали мы кубиками лимонной шипучки, которую Мая замораживала в формочках для льда.

Однажды мы сидели после обеда на траве, слушая, как ветер хлопает простынями, которые Августа повесила сушиться.

— Какой предмет в школе нравится тебе больше всех? — спросил Зак.

— Английский.

— Готов поспорить, ты любишь писать сочинения.

— В общем, да. Я раньше собиралась стать писателем и, в свободное время, учителем английского.

— *Раньше?* — сказал он.

— Не думаю, что меня теперь ждет большое будущее, раз я сирота. — На самом деле я имела в виду, что я — преступник. Учитывая положение вещей, я не была уверена, что мне когда-нибудь доведется вернуться в школу.

Он рассматривал свои пальцы. Я чувствовала острый запах его пота. У него на рубашке были пятна меда, которые привлекали полчища мух, так что ему приходилось постоянно от них отмахиваться.

Через какое-то время он произнес:

— Меня тоже.

— Тебя тоже *что?*

— Меня тоже навряд ли ждет большое будущее.

— Почему? Ты же не сирота.

— Нет, — сказал он. — Я негр.

Я почувствовала неловкость.

— Ну, ты мог бы играть в футбол за команду колледжа и затем стать профессиональным игроком.

— Почему спорт — единственное, к чему, с точки зрения белых, мы можем быть пригодны? Я не хочу играть в футбол, — сказал он. — Я хочу быть юристом.

— Ну и пожалуйста, — сказала я, начиная сердиться. — Просто я

никогда не слышала о негра-юристе, вот и все. Нужно хотя бы услышать о подобном, прежде чем сможешь это себе представить.

— Чушь. Можно представить и то, чего никогда не бывало.

Я закрыла глаза.

— Ладно. Я вижу негра-юриста. Ты — черный Перри Мейсон. Люди приезжают к тебе со всего штата, люди, которых несправедливо обвинили, и, в самый последний момент, ты заставляешь истину торжествовать, выведя настоящего преступника на чистую воду прямо в зале суда.

— Ага, — сказал он. — Я набью их задницы правдой. — Когда он смеялся, я видела, что его язык весь зеленый от лимонной шипучки.

Я стала называть его Заком-юристом-набивателем-задниц. Я говорила: «Глядите-ка, кто у нас здесь — Зак-юрист-набиватель-задниц».

* * *

С некоторых пор Розалин начала доносить меня вопросами, понимаю ли я, что делаю, или я собираюсь, чтобы календарные сестры меня удочерили? Она говорила, что я живу в мире снов. «Мир снов» стал ее любимым выражением.

Я живу в мире снов, если могу притворяться, что это обычная жизнь, в то время как повсюду идет охота на человека; если я думаю, что мы сможем вечно тут оставаться; если считаю, что смогу разузнать что-нибудь о своей маме.

Всякий раз я огрызалась: «Что плохого в том, чтобы жить в мире снов?» И она отвечала: «Тебе придется проснуться».

Как-то вечером, когда я была одна в медовом домике, вошла Июна, которая искала Августу. Так она, по крайней мере, сказала. Она встала, сложив руки на груди.

— Ну, — сказала она, — вы здесь уже — сколько? Две недели?

Насколько ты будешь откровенна?

— Послушайте, если вы хотите, чтобы мы уехали, мы с Розалин уедем, — сказала я. — Я напишу своей тете, и она вышлет нам деньги на автобус.

Она подняла брови.

— Я думала, ты не помнишь фамилии своей тети, а теперь ты знаешь и фамилию, и адрес.

— Вообще-то я все время их знала, — сказала я. — Просто я

надеялась, что мы сможем немного здесь пожить, прежде чем уедем.

Сказав это, мне почудилось, что ее лицо капельку смягчилось, но я могла принимать желаемое за действительное.

— Силы небесные, о чем это вы тут говорите? — сказала Августа, стоя в дверях. Никто из нас не заметил, как она вошла. Августа кинула на Июну суровый взгляд. — Никто не хочет, чтобы ты уезжала, Лили, пока ты сама не будешь готова.

Я стояла возле стола и теребила какие-то бумажки. Июна прочистила горло.

— Ладно, мне нужно идти репетировать, — сказала она и вышла.

Августа подошла к столу и села на стул.

— Лили, ты всегда можешь поговорить со мной. Ты ведь это знаешь?

Когда я не ответила, она поймала мою руку и притянула к себе, усадив меня прямо на свои колени. Они не были похожи на матрас, как колени Розалин, а были худые и острые.

Мне хотелось лишь одного — выложить ей все начистоту. Вытащить свою сумку из-под кровати и достать вещи моей мамы. Я хотела показать ей картинку с Черной Марией и сказать: «Это принадлежало моей маме, и точно такие же картинки вы наклеиваете на банки с медом. А здесь, на обороте, написано: „Тибурон, Южная Каролина“, так что я знаю, что она здесь была». Я хотела дать ей фотографию мамы и спросить: «Вы ее когда-нибудь видели? Не спешите, подумайте хорошенько».

Но я все еще не прикоснулась к сердцу Черной Марии и не решалась говорить с Августой о своей маме, прежде чем сделаю хотя бы это. Я прижалась к ее груди, загнав поглубже свое тайное желание, поскольку слишком боялась, что она скажет: «Нет, я никогда ее не видела». И это будет конец. Лучше было вообще ничего не знать.

Я высвободилась и встала на ноги.

— Думаю, мне нужно пойти помочь на кухне. — Я пересекла двор, ни разу не оглянувшись.

Этой ночью, когда тьма опустилась на землю вместе с пением сверчков и им вторил храп Розалин, я позволила себе от души поплакать. Не знаю даже из-за чего. Наверное, из-за всего вместе. Потому что было невыносимо лгать Августе, когда она ко мне так добра. Потому что Розалин, возможно, была права, говоря о мире снов. Потому что я была совершенно уверена, что Дева Мария не живет сейчас на персиковой ферме, притворяясь мной так же, как она притворялась Беатрис.

* * *

Нейл приезжал почти каждый вечер и сидел с Июной в гостиной, пока остальные смотрели по телевизору сериал «Беглец». Августа говорила, что лучше бы беглец уже нашел поскорее однорукого человека и все это закончилось.

Во время рекламы я, сделав вид, что иду попить, подкрадывалась поближе к гостиной, чтобы подслушать, о чем говорят Июна с Нейлом.

— Но все-таки скажи, почему нет, — услышала я однажды.

И Июна ответила:

— Потому что я не могу.

— Это не причина.

— Другой причины у меня нет.

— Смотри, я ведь не буду ждать вечно, — сказал Нейл.

Я ждала, что ответит на это Июна, когда Нейл внезапно вышел из двери и застал меня, прижавшейся к стенке и подслушивающей их самые сокровенные разговоры. Какую-то секунду мне казалось, что он сейчас выдаст меня Июне, но он вышел, хлопнув входной дверью.

Я рванулась назад в телевизионную комнатку, успев услышать первые всхлипы, донесшиеся до меня из гостиной.

* * *

Как-то утром Августа послала нас с Заком съездить в одно место за шесть миль от дома, чтобы привести последние суперы с медом и воском. Боже, как было жарко! Вдобавок, в каждом кубическом дюйме воздуха было не меньше десятка летучих насекомых.

Зак вел «медовый возок» так быстро, насколько тот мог ехать — около тридцати миль в час. Ветер трепал мне волосы и наполнял грузовик запахом свежескошенного сена.

Обочина дороги была сплошь покрыта хлопком, слетевшим с грузовиков, которые везли его на хлопкоочистительные заводы в Тибуроне. Зак сказал, что из-за хлопковых долгоносиков^[5] фермеры в этом году посадили и собрали хлопок раньше срока. Рассышанный вдоль всей дороги, он выглядел в точности как снег, отчего мне захотелось, чтобы начался снежный буран и хотя бы немножко нас охладил.

Я погрузилась в видения. В них Зак останавливал грузовик на обочине, потому что ничего не видел из-за снега, и мы вылезали и принимались играть в снежки. Я представила, что мы строим снежную пещеру и ложимся в ней спать. Мы лежим там, прижавшись друг к другу, чтобы было теплей, переплетя руки и ноги, словно черно-белые косы. Эта последняя мысль так потрясла весь мой организм, что меня залихорадило. Я сунула руки под мышку, и пот оказался холодным как лед.

— Ты в порядке? — спросил Зак.

— Да, а что?

— Ты дрожишь.

— Все нормально. Со мной это бывает.

Я отвернулась и стала смотреть в окно, за которым не было ничего, кроме полей и, время от времени, какого-нибудь полуразвалившегося деревянного сарая или старого, заброшенного дома цветных.

— Сколько еще ехать? — спросила я тоном, подразумевающим, что наша поездка слишком затянулась.

— Ты чем-то расстроена?

Вместо ответа я неотрывно глядела в грязное ветровое стекло.

Когда мы свернули с шоссе на разбитую грунтовку, Зак сказал, что мы въехали во владения мистера Клейтона Форреста, который держит мед «Черная Мадонна» и восковые свечи в приемной своей адвокатской конторы, чтобы его клиенты могли все это покупать. Работой Зака, в числе прочего, было доставлять мед и свечи в места их продажи.

— Мистер Форрест позволяет мне находиться в его конторе, — сказал он.

— Угу.

— Он рассказывал мне о делах, которые он выиграл.

Грузовик въехал в рытвину, и мы так сильно подпрыгнули на своих сиденьях, что стукнулись головами о потолок машины. Встряска перевернула мое настроение. Я принялась хохотать, словно бы кто-то защекотал меня. Чем сильнее грузовик подпрыгивал на ухабах, тем больше я смеялась, пока окончательно не забилась в припадке нездорового веселья. Я смеялась так, как Мая плакала.

Сперва Зак специально въезжал в рытвины, чтобы меня посмешить, но вскоре занервничал, поскольку я, похоже, не могла остановиться. Он замедлил движение настолько, чтобы нас перестало трясти.

Моя истерика прекратилась. Я вспомнила удовольствие, с каким упала в обморок в тот раз, во время встречи Дочерей Марии, и подумала, как было бы здорово вновь лишиться чувств прямо сейчас, в грузовике. Я

завидовала черепахам и их панцирю, тому, как они умели прятаться в нем.

Я слышала дыхание Зака, краем глаза видела рубашку, натянувшуюся на его груди, и руку, небрежно лежащую на руле. Зак волновал меня.

Глупо думать, что какие-то вещи совершенно невероятны — разве можно влюбиться в негра? Я честно считала, что подобное не может случиться, как вода не может течь в гору или соль не может быть сладкой. Закон природы. Может, меня просто тянуло к тому, чем я не могла обладать? А может, желание возникает, когда ему вздумается, не считаясь с правилами, по которым мы живем и умираем? *«Можно представить и то, чего никогда не бывало»* — это слова Зака.

Он остановил «медовый возок» возле пары десятков ульев, запрятанных в гуще деревьев, где пчелы могли найти тень летом и укрыться от ветра зимой.

Пчелы были еще более хрупкими, чем я себе представляла. Если их не убивали клещи, то это могли сделать пестициды или просто плохая погода.

Зак вылез из кабины и вытащил из кузова снаряжение — шлемы, запасные суперы, пустые рамки и дымарь, который он дал мне зажечь. Я двигалась через заросли камфары и дикой азалии, наступая на муравейники и размахивая дымарем, пока он открывал крышки ульев и заглядывал внутрь, ища запечатанные рамки.

Он двигался, как человек, по-настоящему любящий пчел. Я не могла поверить тому, насколько он может быть нежным и добросердечным. В одной из рамок, которые он вынул, был мед цвета сливы.

— Он фиолетовый! — воскликнула я.

— Когда становится жарко и цветы высыхают, пчелы начинают высасывать ягоды бузины. От этого мед становится фиолетовым. Люди платят по два доллара за банку фиолетового меда.

Он погрузил палец в соты и, приподняв сетку на моем лице, поднес к моим губам. Я открыла рот, позволив пальцу скользнуть внутрь, и дочиста его облизала.

Счастливейшая улыбка озарила его лицо, и меня бросило в жар. Он нагнулся ко мне. Я хотела, чтобы он вновь поднял вуаль и поцеловал меня, и по тому, как он смотрел мне в глаза, я поняла, что он тоже этого хочет. Мы стояли так, а пчелы кружились над нашими головами со звуком шипящего на сковороде бекона, со звуком, который уже не воспринимался как опасность. К опасности, поняла я, можно привыкнуть.

Но вместо того, чтобы меня поцеловать, он повернулся к следующему улью и вновь принялся за работу. Дымарь потух. Я шла за Заком, и мы оба молчали. Мы погрузили полные суперы на грузовик, и ни один из нас не

проронил ни слова, пока мы не проехали знак начала города:

ТИБУРОН, НАСЕЛЕНИЕ 6502

Родина Уиллифред Марчант

— Кто такая Уиллифред Марчант? — спросила я, не в силах больше молчать и желая восстановить нормальную атмосферу.

— Ты хочешь сказать, что никогда не слышала о Уиллифред Марчант? — сказал он. — Ну, она всего лишь всемирно-известная писательница, трижды получившая премию Пулицера за три своих книги о лиственных деревьях Южной Каролины.

Я захихикала.

— Такие книги не получают премий Пулицера.

— Лучше замолчи, поскольку книги Уиллифред Марчант — это библия для жителей Тибурона. Каждый год у нас проводится официальный День Уиллифред Марчант, когда в школах устраивают церемонии посадки деревьев. Она всегда появляется в огромной соломенной шляпе и с корзиной розовых лепестков, чтобы осыпать ими детей.

— Не может быть, — сказала я.

— Еще как может. Мисс Уилли очень необычная.

— Лиственные деревья — интересная тема, но я бы скорее стала писать о людях.

— А, ну да, я и забыл, — сказал он. — Ты собираешься быть писателем. Ты — и мисс Уилли.

— Ты говоришь так, словно не веришь, что у меня получится.

— Я этого не говорил.

— Ты хотел это сказать.

— О чем ты? Вовсе нет.

Я отвернулась и стала разглядывать вывески, мимо которых мы проезжали. «Масонская ложа», «Распродажа подержанных автомобилей», «Шины Файрстон».

Зак остановился на красный свет возле кафе «Дикси», которое находилось практически во дворе Межокружной компании рогатого скота, и это меня почему-то взбесило. Я желала знать, как люди могут завтракать, обедать и ужинать в этом коровьем — и хуже того — запахе. Мне хотелось высунуться в окно и заорать: «Ешьте свою дурацкую овсянку где-нибудь в другом месте! Здесь вместо воздуха — коровье дерьмо!»

Зак миновал перекресток. Я чувствовала, как его взгляд сверлит мне затылок.

— Ты на меня сердишься? — спросил он.

Я хотела сказать: «Да, сержусь, потому что ты думаешь, что я в жизни ничего не смогу достичь». На деле же я, неожиданно для себя, сказала нечто совершенно другое, и это было обескураживающе глупо.

— Я никогда не стану осыпать людей розовыми лепестками! — И тут меня прорвало: я заплакала, задыхаясь и хватая ртом воздух, как утопающий.

Зак остановился на обочине, сказав:

— Вот те на! В чем дело-то?

Одной рукой он обнял меня за плечи и притянул к себе.

Я бы решила, что это все из-за моего разрушенного будущего, того, в которое заставила меня поверить миссис Генри, потчужа книгами и списками литературы на лето, а также болтовней насчет стипендии в колумбийском колледже. Но сидя там, рядом с Заком, я знала, что плачу из-за его ямочки на одной щеке, из-за того, что всякий раз, как я глядела на него, у меня появлялось это жаркое, даже горячее ощущение, которое растекалось от поясницы к коленкам, и из-за того, что я только что была совершенно нормальной девчонкой, и вот я уже перешла какую-то грань и нахожусь в отчаянии. Я поняла, что плачу о Заке.

Я положила голову ему на плечо, гадая, что он может обо мне думать. За одно короткое утро я продемонстрировала безумный смех, скрытую похоть, неадекватное поведение, жалость к себе и истерический плач. Даже если бы я нарочно старалась показать себя с худшей стороны, я бы не смогла сделать большего.

Он сжал мне плечо и проговорил в мои волосы:

— Все будет хорошо. Однажды ты станешь великолепным писателем.

Я увидела, что он посмотрел назад, а затем через дорогу.

— Теперь возвращайся к себе и вытри лицо, — сказал он, протягивая мне какую-то тряпку, пахнущую бензином.

* * *

Когда я вошла в медовый домик, там не было никого, кроме Розалин, собирающей свои вещи, чтобы переехать в комнату к Мае. Я отсутствовала едва ли пару часов, и за это время весь наш жизненный уклад полетел вверх тормашками.

— С чего это ты решила туда переехать? — спросила я.

— Потому что Мая боится спать одна. Отныне Розалин собиралась спать в пустующей двухъярусной кровати, хранить свои вещи в нижнем ящике Манного комода и пользоваться ванной, когда ей вздумается.

— Неужели ты бросишь меня здесь одну?! — закричала я.

Зак схватил тачку, чуть ли не бегом выскочил с ней наружу и принялся разгружать суперы с «медового возка». Пожалуй, на сегодня ему уже хватило женских истерик.

— Я тебя не бросаю. Просто теперь у меня будет нормальный матрас, — сказала она, засовывая в карман зубную щетку и табак «Красная Роза».

Я сложила руки на груди, где блузка была еще влажной от слез.

— Ладно, давай. Мне все равно.

— Лили, от этой кровати у меня болит спина. И, если ты не заметила, ее ножки уже подгибаются от моей тяжести. Еще неделя, и она рухнет на пол. Ты вполне справишься без меня.

Я потеряла дар речи. *Справлюсь без нее.* Она что, спятила?

— Я не хочу возвращаться из мира снов, — сказала я хриплым голосом, который, казалось, перестал меня слушаться.

Она села на кровать — кровать, которую я теперь люто ненавидела, потому что из-за нее Розалин переезжает в комнату к Мае. Розалин притянула меня к себе и усадила рядом.

— Я знаю, что не хочешь, — сказала она, — но я буду рядом, когда придет время. Я буду спать в комнате с Маей, но я остаюсь с тобой.

Она похлопала меня по коленке, как в прежние времена. Она похлопала, и никто из нас не произнес ни слова.

Я шла за Розалин, несущей свои немногочисленные пожитки в розовый дом, и намеревалась взглянуть на ее новую комнату. Мы поднялись по ступенькам. Августа сидела на качелях, подвешенных на цепях к потолку веранды. Она раскачивалась взад и вперед, отдыхая со стаканом оранжада и новой книгой, взятой в библиобусе.^[6] Я вытянула шею и прочла название: «Джейн Эйр».

Мая находилась с другой стороны веранды, прокручивая белье через отжимные резиновые ролики стиральной машины — новенькой розовой «Леди Кенмор», которую они поставили на веранде, поскольку на кухне

для нее уже не было места. В телевизионной рекламе женщина, выжимающая белье с помощью «Леди Кенмор» была одета в вечернее платье, и возникало впечатление, что она работает в свое удовольствие. Но Мая выглядела вспотевшей и усталой. Она улыбнулась, когда Розалин прошла мимо нее со своими вещами.

— Ничего, что Розалин переезжает? — спросила меня Августа, кладя книгу себе на живот. Она сделала глоток оранжада, затем стерла рукой влагу со стакана и прижала ладонь к горлу.

— Думаю, ничего.

— Мая будет лучше спать, когда рядом Розалин, — сказала она. — Так ведь, Мая?

Я посмотрела в сторону Майи, но, похоже, за гулом машины та не услышала вопроса.

Внезапно мне совершенно расхотелось идти за Розалин и смотреть, как она раскладывает свои вещи в комод Майи. Я взглянула на книгу.

— Что вы читаете? — спросила я, рассчитывая на непринужденную беседу.

— Эта книга о девочке, чья мама умерла, когда та была маленькой, — сказала Августа. Затем она посмотрела на меня так, что мой желудок поднялся к горлу, так же как он поднялся, когда она рассказывала мне о Беатрис.

— И что стало с девочкой? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

— Я только начала читать, — сказала она. — Но пока она лишь чувствует себя покинутой и несчастной.

Я отвернулась и посмотрела в сторону сада, где Юна с Нейлом собирали помидоры. Я глядела на них, слыша скрип валиков отжимной машины и звук белья, падающего в тазик. *Она знает, подумала я. Она знает, кто я такая.*

Августа продолжала смотреть на меня, словно чего-то ждала.

— Пожалуй, схожу взглянуть на новую кровать Розалин, — сказала я.

Августа снова взялась за книгу. Момент был упущен, а с ним прошло и ощущение того, что она обо всем догадывается. Мне было ясно, что это невозможно — откуда Августе Боутрайт хоть что-то обо мне знать?

Примерно в тот же момент между Юной и Нейлом началась классическая ссора. Юна что-то крикнула, и он крикнул ей в ответ.

— О-хо-хо, — сказала Августа. Она отложила книгу и встала.

— Почему ты не можешь просто оставить все как есть? — кричала Юна. — Почему ты всегда возвращаешься к одному и тому же? Уясни себе

наконец: я не намерена выходить замуж. Ни сегодня, ни завтра, ни в будущем году!

— Но чего ты боишься? — спросил Нейл.

— Да будет тебе известно — я не боюсь ничего.

— В таком случае ты самая эгоистичная сука, которую я знаю, — сказал он и направился к своей машине.

— О боже, — пробормотала Августа себе под нос.

— Как ты смеешь так меня называть! — закричала Июна. — А ну подойди сюда. Не смей уходить, когда я с тобой разговариваю!

Нейл шел не оглядываясь. Я заметила, что Зак прекратил нагружать суперы на свою тачку и глядел на все это, мотая головой, словно бы не в силах поверить, что снова стал свидетелем сцены, где люди показывают себя с их худших сторон.

— Если сейчас уедешь, даже не пытайся возвращаться! — прокричала она.

Нейл забрался в машину, и вдруг Июна побежала к нему, держа в каждой руке по помидору. *Шлеп!* — первый помидор попал в лобовое стекло. *Шмяк!* — второй размазался по дверной ручке.

— Можешь не возвращаться! — крикнула она вслед машине Нейла, оставляющей за собой след из томатного сока.

Мая, рыдая, сидела на полу. Она выглядела такой несчастной, что я почти видела, как под ребрами пульсирует ее большое сердце. Мы с Августой проводили Маю к стенке, где она в который раз написала на бумажке: «*Июна и Нейл*» — и засунула ее между камней.

* * *

Остаток дня мы провели, работая с суперками, которые привезли утром. Сложенные друг на друга по шесть штук, они образовали внутри медового домика миниатюрный городской пейзаж. Августа сказала, что похоже, что у нас тут Город Пчел.

Мы пропустили через всю систему двенадцать зарядов экстрактора — полный цикл, от ножа для раскупорки до разлива по банкам. Августа не любила, чтобы мед слишком долго ждал обработки, потому что от этого терялась часть его аромата. «У нас два дня, чтобы все закончить», — сказала она. Точка. Благо, что нам не нужно было хранить мед в специальной горячей комнате, чтобы избежать кристаллизации, поскольку

любая из наших комнат была горячей. Иногда каролинская жара может быть и полезной.

Когда я уже решила, что на сегодня все и можно идти ужинать и творить вечернюю молитву с четками, выяснилось, что это еще только начало. Августа поручила нам зарядить пустые суперы и отнести их в лес, чтобы пчелы могли прилететь и устроить большую чистку. Она не хотела складировать свои суперы на зиму, пока пчелы не высосут из сот весь мед до последней капли. Она сказала, что остатки меда привлекают тараканов. Но я уверена, что на самом деле она хотела устроить пчелам прощальную вечеринку и посмотреть, как они будут пикировать на суперы, как на вновь обретенный медовый рай.

И все время, что мы работали, я поражалась, насколько безумен становится человек, когда дело касается любви. Возьмите, хотя бы, меня. Было похоже, что теперь я думаю о Заке по сорок минут из каждого часа — о Заке, который был *невозможность*. Вот слово, которое я повторила про себя пятьсот раз: невозможность. И вот что я вам скажу: это слово — огромное бревно, брошенное в костер любви.

* * *

В ту ночь было очень странно лежать одной в медовом домике. Я скучала по храпу Розалин так, как вы бы скучали по океанским волнам, после того как привыкли спать под их шум. Раньше я даже не представляла себе, насколько это меня успокаивало. У тишины есть странный, вязкий звук, от которого могут полопаться барабанные перепонки.

Не знаю, от пустоты ли, от духоты, или от того, что было всего лишь девять часов вечера, но мне, несмотря на всю усталость, никак не удавалось заснуть. Я стащила с себя майку и трусики и лежала на влажной простыне. Мне нравилось ощущение наготы. Это было гладкое, масляное ощущение простыни — освобождающее ощущение.

Затем я представила, что слышу, как на подъездную дорожку сворачивает машина. Я представила, что это Зак, и мысль о том, что он сейчас рядом с медовым домиком, заставила мое дыхание участиться.

Я поднялась и, пройдя через темное пространство, встала у зеркала. Перламутровый свет втекал через открытое окно и принимал форму моего тела, создавая вокруг меня сияющий нимб. Я была последним человеком, заслуживающим нимб, но я изучала эффект, приподняв груди руками и

рассматривая свои розовато-коричневые соски, тонкую линию талии, каждый изгиб своего тела, лучащегося мягким светом. Впервые в жизни я почувствовала себя чем-то большим, чем просто дурнушкой.

Я прикрыла глаза, и шар, наполненный вождением наконец лопнул в моей груди, и когда это произошло — что бы вы думали! — только что я мечтала о Заке, и вот я уже нестерпимо хочу видеть свою маму, представляю, как она меня зовет, говоря: *Лили, девочка моя. Ты мой цветок.*

Когда я обернулась к окну, за ним никого не было. Не то, чтобы я ожидала там кого-нибудь увидеть.

* * *

Два дня спустя после того, как мы полностью измотали себя приготовлением меда, Зак появился с симпатичным блокнотом — зеленым, с бутонами роз на обложке. Он встретил меня, когда я выходила из розового дома.

— Это тебе, — сказал он. — Так что можешь начинать писать прямо сейчас.

Вот тогда я поняла, что у меня никогда не будет друга лучше Захарии Тейлора. Я обвила его руками и прижалась к его груди. Он издал звук, вроде «вау», но через несколько секунд его руки обняли меня, и мы так и стояли, по-настоящему обнявшись. Он водил руками по моей спине, вверх и вниз, пока у меня не начала кружиться голова. Наконец он расцепил мои руки и сказал:

— Лили, ты нравишься мне больше, чем любая из девчонок, что я когда-либо знал, но ты должна понять, что есть люди, которые убьют парня вроде меня за то, что он хотя бы посмотрит на девчонку вроде тебя.

Я не смогла удержаться от того, чтобы коснуться его лица, того места, где в его коже скрывалась ямочка.

— Прости, — сказала я.

— Ага. И ты тоже, — сказал он.

После этого я стала везде ходить с этим блокнотом. Я все время писала. Я сочинила рассказ о Розалин, которая сбросила восемьдесят пять фунтов и теперь выглядела так, что ее бы никто не узнал. Другой рассказ был об Августе, разъезжающей на медобусе, который был похож на библиобус, только вместо книг она раздавала мед. Моим любимым, однако

же, был рассказ о Заке, ставшем юристом-набивателем-задниц и организовавшем собственное телевизионное шоу, вроде «Перри Мейсона». Как-то я прочла ему это во время обеда, и он слушал внимательнее, чем ребенок перед сном слушает сказку.

— Уиллифред Марчант, подвиньтесь, — вот все, что он сказал.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Медоносные пчелы зависят не только от физического контакта со своей колонией, но им также требуется дружеское общение и поддержка. Изолируйте пчелу от своих сестер, и она вскоре умрет.

«Королева должна умереть, и другие проблемы пчел и людей»

Августа оторвала июльский листок в настенном календаре, что висел над ее столом в медовом домике. Я хотела ей напомнить, что формально июль закончится лишь через пять дней, но потом мне стало понятно, что она и так знает. Дело было в том, что она хотела, чтобы июль поскорей закончился и чтобы уже мог настать август — ее личный месяц. Так же как июнь был месяцем Июны, а май принадлежал Мае.

Августа рассказывала мне — когда они были детьми и наступал их личный месяц, мама освобождала их от работы по дому и позволяла есть любимые вкусности, даже если это вредило зубам, и ложиться спать на час позже других, делая все, что захочется. Августе хотелось читать книги, так что целый месяц она валялась на диване в тишине гостиной и читала, после того как ее сестры отправлялись спать. Послушать Августу, так это было главным удовольствием ее молодости.

После ее рассказа я долго размышляла о том, в честь какого месяца мне хотелось бы называться. Я выбрала октябрь, поскольку это золотой месяц и в октябре не самая плохая погода, а мои инициалы были бы «О. О.», что означало Октябрина Оуэнс, из чего можно сделать интересную монограмму. Я рисовала в своем воображении, как весь месяц ем на завтрак трехслойный шоколадный торт и ложусь на час позже, посвящая это время написанию стихов и эпохальных романов.

Я посмотрела на Августу, стоящую возле стола и держащую в руке

листок календаря за июль. На ней было белое платье со светло-зеленым шарфом из шифона, привязанным к поясу, так же как в первый день моего приезда. Шарф, свисающий с пояса, не мог иметь иного назначения, кроме штриха к ее стилю. Она напевала ту же песенку, которой научила меня Мая: «Положи мне на могилку улей с пчелками живыми...» Я думала о том, какая, должно быть, у нее была хорошая, замечательная мама.

— Давай, Лили, — сказала она. — Нам нужно наклеить на все эти банки этикетки, а нас с тобой только двое.

Весь тот день Зак разъезжал по городу, доставляя мед в места, где он продавался, и забирая деньги за продажи в прошлом месяце. «Деньги-меденги» — так называл их Зак. Хотя основной приток меда уже закончился, пчелы все еще продолжали пить нектар, занимаясь своим делом. (Невозможно заставить пчел прекратить работать, даже если сильно стараться.) Зак говорил, что мед приносит Августе по пятьдесят центов за фунт.

По моим расчетам, она должна была купаться в «меденгах». Я не понимала, почему она не живет в каком-нибудь ярко-розовом дворце.

Ожидая, пока Августа вскрыет коробку с новой партией этикеток «Черная Мадонна», я рассматривала кусок сот. Люди не представляют, насколько умны пчелы — умнее даже, чем дельфины. Пчелы знают толк в геометрии и могут ряд за рядом выкладывать идеальные шестигранники, с такими точными углами, как если бы они пользовались специальными инструментами. Пчелы берут обыкновенный цветочный сок и превращают его в нечто, куда каждый человек в мире будет рад обмакнуть свое печенье. И я лично была свидетелем того, как за пятнадцать минут пятьдесят тысяч пчел нашли те пустые суперы, которые Августа оставила им на очистку, передавая друг другу сведения о находке на своем пчелином языке. Но главное, они работают так много, что могут буквально себя этим убить. Иногда хочется им сказать: *Расслабьтесь, отдохните немного. Вы это заслужили.*

Пока Августа доставала из коробки этикетки, я прочла обратный адрес: магазин подарков монастыря Святой Девы, почтовый ящик 45, Сент-Пол, Миннесота. Затем она вынула из ящика стола толстый конверт и высыпала оттуда несколько десятков других наклеек, поменьше, с отпечатанным текстом: «МЕД „ЧЕРНАЯ МАДОННА“ — Тибурон, Южная Каролина».

Я должна была смачивать оборотную сторону обеих этикеток влажной губкой и передавать Августе, чтобы она наклеивала их на банки, но я на минутку задержалась, чтобы взглянуть в изображение Черной Мадонны,

которое так часто рассматривала наклеенным на маленькую дощечку моей мамы. Я восхищалась причудливым золотистым шарфом, повязанным ей на голову, и тем, как он был украшен красными звездами. Ее глаза были загадочны и добры, а кожа отливала темно-коричневым. Она была темнее тоста и будто чуть-чуть намазана маслом. Всякий раз мое сердце словно бы совершало прыжок при мысли о том, что мама когда-то смотрела на эту картинку.

Страшно представить, что бы со мной стало, если бы я в тот день не увидела картинку Черной Мадонны в Универсальном магазине и ресторане Фрогмора Стю. Возможно, я спала бы сейчас возле речек по всей Южной Каролине. Пила воду из луж вместе с коровами. Писала за сиреневыми кустами, мечтая о туалетной бумаге как о величайшем счастье.

— Надеюсь, вы поймете меня правильно, — сказала я. — Но, до того, как увидела картинку, я никогда не думала, что Дева Мария может быть цветной.

— Темноликая Мария не так уж необычна, как ты думаешь, — сказала Августа. — Их сотни в Европе, в таких странах, как Франция и Испания. Та, что мы клеим на мед, — древняя, как горы. Это Черная Мадонна Богемских Брежничар.

— Откуда вы обо всем этом узнали? — спросила я.

Она сложила руки на коленях и улыбнулась — мой вопрос всколыхнул в ней светлые, давно забытые воспоминания.

— Думаю, все началось с молитвенных открыток моей мамы. Она их собирала, как в те времена делали многие хорошие католики, — знаешь, такие открытки с изображениями святых. Она менялась ими, как мальчики меняются бейсбольными открытками. — Августа от души рассмеялась. — Готова поспорить, что у нее было не меньше дюжины открыток с Черной Мадонной. Я обожала играть с ее открытками, особенно с Черными Мадоннами. Потом, когда я пошла в школу, то прочла о них все, что смогла найти. Вот так я и узнала о Черной Мадонне Богемских Брежничар.

Я попыталась произнести слово «Брежничар», но выходило как-то не так.

— Ладно, хоть я и не могу правильно сказать ее имя, но я просто люблю эту картинку. — Я смочила этикетку и наблюдала, как Августа прилаживает ее к банке, а затем приклеивает под ней другую этикетку, как делала это уже десятки тысяч раз.

— А что ты еще любишь, Лили?

Никто и никогда не спрашивал меня об этом. Что я люблю? Мне хотелось сказать ей, что я люблю фотографию моей мамы — как она там

стоит, облокотившись на машину, а ее волосы выглядят в точности как мои, и еще ее перчатки и ее картинку Черной Марии с непроизносимым именем. Но мне пришлось спрятать все это подальше.

Я сказала:

— Ну, я люблю Розалин, и я люблю писать рассказы и стихи — о чем угодно, мне все равно. — Тут мне пришлось задуматься.

Я сказала:

— Может, это и глупо, но после школы я люблю пить кока-колу с насыпанным в бутылку соленым арахисом. А выпив, я люблю перевернуть бутылку, чтобы узнать, откуда она. — Однажды мне попалась бутылка из Массачусетса, и я сохранила ее, как пример того, как далеко может завести тебя жизнь.

И я люблю голубой цвет — настоящий ярко-голубой цвет, как у шляпы, которую Мая надевала на собрание Дочерей Марии. А с тех пор, как я здесь, я стала любить пчел и мед. — Я хотела добавить: *и вас, я люблю вас*, но мне было неловко.

— Ты знаешь, что в одном из эскимосских языков есть тридцать два обозначения понятия «любить»? — сказала Августа. — А у нас только одно это слово. Наши возможности столь ограничены — тебе приходится применять одно и то же слово для любви к Розалин и для любви к кока-коле с арахисом. Правда ведь, жаль, что у нас нет других способов это сказать?

Я кивнула, поражаясь, сколь обширны ее знания. Возможно, одной из книг, что она читала вечерами в августе, была книга об эскимосах.

— Думаю, нам рано или поздно придется придумать новые способы сказать это. — Августа улыбнулась. — Ты знаешь, что я тоже люблю арахис в кока-коле, а мой любимый цвет — голубой?

Слышали выражение — «одного поля ягоды»? Именно это я чувствовала в тот момент.

Мы клеили этикетки на банки обыкновенного меда, который я собрала с Заком на землях Клейтона Форреста, и фиолетового меда, который пчелы делали из сока бузины. Цвет кожи Богемской Мадонны красиво оттенялся золотистым цветом меда. Чего не скажешь о фиолетовом меде.

— Но почему вы решили наклеивать Черную Мадонну на свой мед? — спросила я. Мне хотелось это знать с самого первого дня. Обыкновенно люди привычно наклеивают на мед медвежат.

Августа замерла, держа банку в руке и глядя куда-то вдаль, словно бы ища ответ, за который назначена премия.

— Жаль, что ты не видела Дочерей Марии, когда они впервые увидели эту картинку. Знаешь почему? Потому что в этот момент они впервые в

жизни поняли, что божественное может иметь темную кожу. Видишь ли, каждому человеку нужен бог, который похож на него самого.

Мне и вправду стало жаль, что меня не было с ними, когда Дочери Марии совершили это великое открытие. Я представила, как они веселились в своих великолепных шляпах — только перья летели.

Порой я ловила себя на том, что трясу ногой так, что она вот-вот сорвется с кости и куда-нибудь отлетит, — «трясоножество», так называла это Розалин, — и сейчас, взглянув вниз, я обнаружила, что моя нога набирает темп. Последнее время это часто случалось по вечерам, когда мы произносили молитвы перед Нашей Леди в Оковах. Слово мои ноги хотели вскочить и пройтись по комнате в танце конга.

— А как скульптура Черной Марии попала к вам? — спросила я.

— Точно не знаю. Знаю только, что в какой-то момент она появилась в нашей семье. Ты помнишь историю о том, как Обадия принес статую в храм и как рабы верили, что это Мария, которая пришла, чтобы остаться среди них?

Я кивнула. Я помнила все, до мельчайших подробностей. Я прокручивала эту историю в своей голове сотни раз с тех пор, как Августа ее рассказала. Обадия на коленях в грязи, возле скульптуры. Скульптура, гордо возвышающаяся в храме. Поднятый кулак Нашей Леди и люди, подходящие по одному, чтобы прикоснуться к ее сердцу, в надежде обрести силу для продолжения жизни.

— Так вот, — сказала Августа, не прекращая наклеивать этикетки, — понимаешь, это ведь на самом деле просто носовая фигура со старого корабля, но людям нужны были спасение и утешение, так что когда они смотрели на нее, то видели Марию, и тогда дух Марии вселился в эту фигуру. На самом деле, Лили, ее дух повсюду. Внутри камней и деревьев, и даже людей, но иногда он сосредоточивается в определенных местах и сияет людям особенно ярко.

Я была просто ошарашена тем, что до сих пор не имела никакого понятия, в каком мире живу. Возможно, учителя в школе тоже об этом не знали, потому как говорили, что все вокруг — это лишь углерод, кислород и минералы — наискучнейшие элементы, какие только можно вообразить. Я попыталась увидеть иной мир, дивный мир, наполненный Мариями, скрывающимися вокруг, мир, полный сердец, к которым люди могли бы прикасаться, если бы умели их узнавать.

Августа уложила банки с этикетками в картонную коробку и поставила коробку на пол. Затем она достала новые банки.

— Я просто пытаюсь объяснить, почему люди так бережно относятся к

Нашей Леди в Оковах, передавая ее из поколения в поколение. Могу предположить лишь, что после Гражданской войны она каким-то образом попала в семью моей бабушки.

— Когда я была еще моложе, чем ты, мы с Июной и Маей — и с Априлией, поскольку тогда она еще была жива, — на все лето приезжали к бабушке. Мы часто сидели на коврике в гостиной, и Большая Мама — так мы ее называли — рассказывала нам эту историю. Всякий раз, когда она заканчивала. Мая говорила: «Большая Мама, расскажи еще», и бабушка принималась рассказывать сначала. Уверена, что если приложить к моей груди стетоскоп, можно услышать эту историю, которую без конца рассказывает бабушкин голос.

Я была так захвачена рассказом Августы, что перестала смачивать наклейки. Мне хотелось, чтобы и во мне звучала такая история, и звучала так громко, чтобы ее можно было слушать через стетоскоп — вместо той истории, что была у меня: о том, как я прикончила свою маму и, одновременно с этим, фактически прикончила и себя.

— Ты можешь смачивать наклейки и слушать, — сказала Августа и улыбнулась. — Так вот, когда умерла Большая Мама, Наша Леди в Оковах перешла к моей матери. Она поставила ее в спальне. Мой отец был очень недоволен. Он хотел избавиться от статуи, но мама сказала: «Не будет статуи, не будет и меня». Думаю, что мама стала католичкой именно из-за статуи — так она могла стоять перед ней на коленях и не чувствовать, что делает что-то странное. Бывало, мы заставляли ее болтающей со статуей, как с соседкой за чашкой чая. Мама могла поддразнить Нашу Леди, сказав что-нибудь вроде: «Знаешь что? Лучше бы у тебя была дочь».

Августа поставила банку на стол, и на лице ее появилось странное выражение. Я подумала: *Она скучает по своей маме.*

Я прекратила смачивать этикетки, поскольку не хотела ее опережать. Когда она вновь взяла банку, я сказала:

— Вы выросли в этом доме? — Я хотела знать о ней все.

Августа помотала головой.

— Нет, но моя мама выросла здесь. Именно здесь я проводила лето. Этот дом принадлежал моим бабушке с дедушкой, также как и земля вокруг. Большая Мама тоже держала пчел, на том же самом месте, где они и сейчас. До нее в этих местах никто отродясь не видел женщину-пасечницу. Она любила всем рассказывать, что женщины — лучшие пчеловоды, потому что у них есть особый дар любить существа, которые жалят. «Это выработалось годами любви к детям и мужьям», говорила она. — Августа рассмеялась, и я рассмеялась с ней вместе.

— И именно Большая Мама научила вас управляться с пчелами?

Августа сняла свои очки и протерла их шарфом, свисающим у нее с пояса.

— Она научила меня гораздо большему, нежели просто управляться с пчелами. Она рассказывала мне одну небылицу за другой — все про пчел.

Я наострила уши.

— Расскажите что-нибудь.

Августа постучала пальцем по лбу, словно бы хотела выколотить одну из небылиц, спрятанную в дальнем ящичке своей головы. Затем ее глаза загорелись, и она сказала:

— Вот. Однажды Большая Мама сказала, что ходила вечером в Рождество к ульям и слышала, как пчелы поют рождественскую историю, прямо из Евангелия от Луки. — Августа принялась напевать: «И родила Мария сына своего первенца, и спеленала его, и положила его в ясли».

Я захихикала.

— Вы думаете, это было на самом деле?

— И да, и нет, — сказала она. — Некоторые вещи происходят в буквальном смысле, Лили. А другие вещи, как, например, эта, происходят не в буквальном смысле, но они все же происходят. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я не имела ни малейшего понятия.

— Вообще-то, нет, — сказала я.

— Я хочу сказать, что *на самом деле* пчелы не пели слов из Луки, но все же, если ты обладаешь особым слухом, ты можешь прислушаться к улью и услышать рождественскую историю где-то в глубине себя. Ты можешь услышать беззвучные вещи, вещи, которые кроме тебя не слышит больше никто. Большая Мама обладала подобным слухом. А моя мама — у нее, по большому счету, не было этого дара. Думаю, это передалось через поколение.

Мне не терпелось узнать больше о ее маме.

— Ваша мама наверняка тоже держала пчел?

Было похоже, что мой вопрос ее развеселил.

— О боже, нет, ей это было вовсе не интересно. Она уехала отсюда сразу же, как только смогла, и поселилась в Ричмонде, у своей кухни. Нашла работу в прачечной при гостинице. Помнишь, в твой первый день здесь я сказала, что выросла в Ричмонде? Оттуда мой отец. Он был первым цветным дантистом в Ричмонде. Они познакомились с моей мамой, когда она пришла к нему на прием с зубной болью.

С минуту я сидела и размышляла о неисповедимости жизненного

пути. Если бы не зубная боль. Августа здесь бы не оказалась. И не было бы ни Июны, ни Маи, ни меда «Черная Мадонна», и я бы здесь не сидела и с ней не разговаривала.

— Я любила Ричмонд, но мое сердце всегда было здесь, — сказала она. — В детстве я не могла дождаться лета, так мне хотелось сюда приехать, а когда умерла Большая Мама, она оставила все это хозяйство мне, Июне и Мае. Я развожу здесь пчел уже около восемнадцати лет.

Солнце то заглядывало в окно медового домика, то исчезало за набегающей тучкой. Некоторое время мы молча работали в желтеющей тишине. Я боялась утомить ее своими расспросами. Но я уже не смогла сдерживаться. Я сказала:

— И что вы делали в Виргинии, пока не приехали сюда?

Она бросила на меня хитроватый взгляд, как бы говорящий: *Боже мой, ты действительно хочешь много знать*, и тут же начала рассказывать, ни на секунду не прекращая наклеивать этикетки.

— Я училась в колледже для преподавателей-негров в Мэриленде. Июна тоже там училась, но было нелегко найти работу, поскольку в Ричмонде не так много мест, где учатся негры. Так что я девять лет проработала экономкой. В конце концов я получила место учителя истории. Это продолжалось шесть лет, а потом мы переехали сюда.

— А как насчет Июны? Она засмеялась.

— Июну не заставишь вести хозяйство в доме у белых. Она пошла работать в дом гражданской панихиды для цветных, одевала и причесывала покойников.

Это казалось самой подходящей для нее работой. Она должна была хорошо ладить с мертвыми.

— Мая сказала, что Июна однажды почти вышла замуж.

— Это верно. Около десяти лет назад.

— Интересно... — я осеклась, не зная как спросить.

— Тебе интересно, было ли когда-нибудь, чтобы я почти вышла замуж?

— Да, — сказала я. — Наверное, да.

— Я решила не выходить замуж. Моя жизнь была достаточно трудна и без человека, который бы ждал, что я буду прислуживать ему день и ночь. Только не подумай, что я против брака, Лили. Я просто против того, чем это может обернуться.

Я подумала: *Не только брак может так обернуться*. А как насчет меня, прислуживающей Т. Рэю день и ночь, а ведь мы были всего лишь отцом и дочерью? *Налей еще чаю, Лили. Почисть мне ботинки, Лили.*

Пойди принеси ключи от грузовика, Лили. Я искренне надеялась, что подобное не всегда происходит между мужем и женой.

— Вы бывали влюблены? — спросила я.

— Быть влюбленной и выйти замуж — две совершенно разные вещи. Я была однажды влюблена — конечно, была. Никто не должен прожить жизнь, ни разу не влюбившись.

— Но вы недостаточно его любили, чтобы выйти замуж?

Она улыбнулась.

— Я достаточно его любила, — сказала она. — Просто еще больше я любила свободу.

Мы клеили этикетки, пока не закончились банки. Тогда, для смеха, я смочила еще одну этикетку и прилепила себе на футболку, в ложбинку между грудей.

Августа посмотрела на часы и сказала, что мы так быстро все сделали, что у нас еще остался час до обеда.

— Пойдем, — сказала она. — Проведем «пчелиный патруль».

* * *

Хотя я и проводила «пчелиный патруль» с Заком, но с Августой не была у ульев с того самого первого раза. Я натянула длинные хлопковые штаны, которые были когда-то белой рубашкой Июны и Августы, рукава которой приходилось подворачивать на десять заворотов. Затем водрузила на голову тропический шлем, позволив сетке упасть мне на лицо.

Мы шли к лесу, находящемуся за розовым домом, и рассказы Августы все еще окутывали наши плечи. Я чувствовала их прикосновение, словно бы это была настоящая шаль.

— Одного я не могу понять, — сказала я.

— Чего же?

— Почему, если ваш любимый цвет — голубой, вы покрасили дом таким розовым?

Она засмеялась.

— Это все проделки Майи. Она отправилась тогда со мной в магазин выбирать краску. Я собиралась купить что-нибудь желто-коричневое, но Мая увидела образец, окрашенный краской с названием «карибский розовый». Она сказала, что от этого цвета ей кажется, что она танцует испанское фламенко. Я подумала: «Это самый вульгарный цвет, что я когда-

либо видела, и половина города будет теперь о нас злословить, но если это может радовать сердце Маи, то ей, наверное, стоит жить окруженной этим цветом».

— А я все это время считала, что вы любите розовый цвет, — сказала я.

Она снова засмеялась.

— Понимаешь, некоторые вещи не столь уж важны — как, например, цвет дома. Сколько места это может занимать в твоей жизни? Но радовать чье-либо сердце — вот это важно. Вся проблема людей в том...

— ...что они не знают, что важно, а что нет, — закончила я ее фразу, почувствовав гордость за свою сообразительность.

— Я собиралась сказать: «Проблема в том, что они *знают*, что важно, но не *выбирают* это». Ты знаешь, как это трудно, Лили? Я люблю Маю, и все же мне было так трудно выбрать карибский розовый. Труднее всего на свете — выбрать то, что важно.

Нигде не было видно ни единой пчелы. Ульи выглядели, как покинутый городской квартал. Воздух дрожал от жары. Создавалось впечатление, что у пчел сиеста. Может они наконец выбились из сил и отдыхают от своих непомерных трудов?

— Где они? — спросила я.

Августа поднесла палец к губам, чтобы я не шумела. Она сняла шлем и прислонилась ухом к крышке улья.

— Послушай, — прошептала она.

Я сняла шлем и сунула его под мышку. Затем я расположила свое лицо рядом с ее лицом, так, что мы едва ни соприкасались носами.

— Ты слышишь? — спросила она.

На меня нахлынули звуки. Безупречный гул, живой и объемный, словно бы кто-то поставил на плиту чайник и он вот-вот закипит.

— Они охлаждают улей, — сказала она, и ее дыхание разбилось о мое лицо запахом перечной мяты. — Это звук ста тысяч крылышек, вентилирующих воздух.

Она закрыла глаза и погрузилась в этот звук, как, наверное, люди на симфоническом концерте внимают серьезной музыке. Надеюсь, еще не поздно сказать, что я чувствовала себя так, словно никогда не слышала, чтобы мой домашний хай-фай выдавал звук такого качества. Нужно услышать этот звук самому, чтобы понять, сколь совершенным может быть тон и сколь безупречна бывает гармония. Мы прижимались ушами к гигантской музыкальной шкатулке.

Вскоре мое лицо завибрировало, словно бы музыка начала проникать в

поры. Я видела, что кожа Августы едва заметно пульсирует. Когда мы выпрямились, мою щеку покалывало.

— Ты слушала пчелиное кондиционирование воздуха, — сказала Августа. — Большинство людей не имеют ни малейшего представления о той сложной жизни, которой живет улей. У пчел есть тайная жизнь, о которой мы ничего не знаем.

Мне нравилась мысль о том, что пчелы ведут тайную жизнь — так же как и я.

— Какие еще тайны у них есть? — спросила я.

— Ну, например, то, что у каждой пчелы есть своя роль.

Она принялась объяснять. Строители были группой, которая лепит соты. Я сказала, что, судя по их шестигранникам, они должны уметь делать математические вычисления, а она улыбнулась и сказала, что да, у строителей действительно есть математические способности.

Полевые пчелы были особями с навигационными навыками и неутомимым сердцем — они собирают пыльцу и нектар. Была группа, называемая могильщиками, чьей скорбной работой было выгребать мертвых пчел из улья и следить за чистотой. Пчелы-кормилицы, как сказала Августа, обладали даром выкармливания — они кормили молодых пчелок. Они, вероятно, были самой самоотверженной группой, подобно женщинам в благотворительной столовой при церкви, которые говорили: «Нет, возьмите куриную грудку. Мне вполне хватит шейки и гузки». Единственными самцами были трутни, которые сидели вокруг и ждали, когда можно будет спариться с маткой.

— И конечно же, — сказала Августа, — там есть матка со своими приближенными.

— У нее есть приближенные?

— А как же — что-то вроде фрейлин. Они кормят ее, купают, согревают или охлаждают — все, что ей нужно. Ты можешь увидеть, как они все время крутятся вокруг нее, опекают. Однажды я даже видела, как они ее ласкают.

Августа надела свой шлем.

— Мне бы тоже, наверное, захотелось комфорта, если бы я постоянно клала яйца, целыми днями, неделя за неделей.

— И это все, что она делает, — кладет яйца?

— Откладывать яйца — самое главное. Лили. Она — мать каждой пчелы в улье, и от нее зависят их жизни. И не важно, какая у пчелы роль, но каждая из них знает, что матка — это ее мать. Она мать тысяч детей.

Мать *тысяч детей*.

Я надела свой шлем, поскольку Августа как раз сняла с улья крышку. То, как пчелы полились наружу, нахлынув внезапной спиралью хаоса и шума, заставило меня подпрыгнуть.

— Не дергайся, — сказала Августа. — Помни, что я тебе говорила. И не бойся.

Пчела, нацелившись прямо мне в лоб, смяла сетку и ударилась о мою кожу.

— Она делает тебе небольшое предупреждение, — сказала Августа. — Когда она бьет тебя в лоб, она говорит: *Я слежу за тобой, так что будь осторожна*. Посылай им любовь, и все будет в порядке.

Я люблю вас, я люблю вас, повторяла я про себя. Я ЛЮБЛЮ ВАС. Я пыталась сказать это тридцатью двумя различными способами.

Августа вынимала из ульев рамки, даже не надевая перчаток. Пока она работала, пчелы вились вокруг нас, их становилось все больше и больше, пока наши лица не обдувал уже постоянный бриз. Это напоминало мне, как пчелы вылетали из стен моей комнаты и я оказывалась в эпицентре пчелиного вихря.

Я наблюдала за тенями на земле. Воронка из пчел. Я — неподвижная, как столб. Августа — нагнувшаяся над ульем и проверяющая рамки в поисках восковых образований на сотах. Подпрыгивающий полумесяц ее шлема.

Пчелы принялись усаживаться мне на плечи, как птицы на провода. Они уже сидели на моих руках и так залепили сетку, что я с трудом могла сквозь нее видеть. *Я люблю вас, я люблю вас*. Они уже покрыли мои ноги — все мое тело.

Дыхание участилось, что-то обвилось вокруг моей груди и сжимало все туже и туже, пока вдруг — словно бы кто-то нажал выключатель — паника не исчезла. На меня накатило неестественное спокойствие, казалось, что какая-то часть меня вылетела из тела и сидела теперь на ветке одного из деревьев, наблюдая за всем с безопасного расстояния. А другая часть танцевала с пчелами. Я совершенно не двигалась, но было ощущение, что я кружусь с ними в воздухе. Мы танцевали пчелиную конгу.

С закрытыми глазами, я медленно подняла руки, вплетая их в поток пчел, и вот я уже стояла, раскинув руки, в каком-то сказочном месте — там, где прежде никогда не бывала. Моя голова запрокинулась, а рот раскрылся. Я плавала где-то очень далеко, там, где не было и следа реальной жизни. Словно бы я пожевала коры волшебного дерева и сошла с ума.

Затерянная среди пчел, я чувствовала себя в заколдованном клеверном поле, которое защищало меня от всего на свете — словно бы Августа

окурила меня дымарем, так что теперь я могла лишь стоять с поднятыми руками и раскачиваться взад и вперед.

Затем, без всякого предупреждения, защита исчезла, и я почувствовала боль где-то между пупком и грудиной — это было Мамино Место, им я всегда ощущала тоску по маме. Я увидела мою маму в чулане, застрявшее окно, чемодан на полу. Я услышала крик, а затем — взрыв. Я практически сложилась напополам. Я опустила руки, но не открыла глаза. Как же мне теперь жить со знанием всего этого? Могу ли я хоть что-нибудь сделать, чтобы избавиться от своего груза? Ну почему невозможно вернуться назад и исправить то, что мы натворили?

Позже, я вспоминала наказания, которые Бог насылал в начале своего пути, — особенно те, что предназначались фараону, чтобы тот изменил решение и позволил Моисею вывести свой народ из Египта. *Отпусти народ мой*, сказал Моисей. Я видела фильм, и там саранча нападала на Египет — небо наполнилось тучами насекомых, похожих на самолеты камикадзе. В своей комнате на персиковой ферме, в ту ночь, когда впервые появились пчелы, я представляла себе, что они посланы Т. Рэю в качестве особой кары. Будто бы Бог говорил: *Отпусти дочь мою*, и, возможно, именно этим они и были — наказанием.

Но сейчас, со всех сторон окруженная смертоносными пчелами и с болью в Маминем Месте, я знала, что *эти пчелы* — вовсе не пытка. Было похоже, что приближенные королевы-матки прилетели ко мне со своей неистовой любовью и ласкают меня в тысяче мест. *Посмотрите, кто здесь — это Лили. Она так потеряна и несчастна. Давайте же, пчелки-сестрички.* Я была тычинкой посреди кружащегося цветка. Центром их заботы.

— Лили... Лили. — Мое имя доносилось откуда-то из голубых далей. — *Лили!*

Я открыла глаза. Августа смотрела на меня сквозь очки. Пчелы уже стряхнули пыльцу со своих ножек, и начинали прятаться обратно в улей. Я видела крошечные частички, парящие в воздухе.

— Ты в порядке? — спросила Августа.

Я кивнула. В порядке ли я? Трудно сказать.

— Ты ведь знаешь, что нам с тобой необходимо хорошенько поговорить, верно? И, на этот раз, не обо мне. О тебе.

Я пожалела, что не могу сделать, как пчела, — стукнуться в ее лоб, или хотя бы постучать по нему пальцем, предупреждая: *Я слежу за тобой. Будь осторожна. Не приближайся.*

— Наверное, — сказала я.

— Как насчет прямо сейчас?

— Не прямо сейчас.

— Но, Лили...

— Умираю от голода, — сказала я. — Думаю, надо сходить посмотреть, готов ли обед.

Я не стала ждать, что она ответит. Идя к розовому дому, я почти физически ощущала приближение конца света. Я дотронулась до того места, где чуть раньше приклеила Черную Марию. Она уже начинала отклеиваться.

* * *

Весь дом пропах жареной бамией.^[7] Розалин накрывала на стол, а Мая погружала сердцевинки бамии в кипящее масло, вынимая те, что уже зажарились до золотисто-коричневой корочки. Я не понимала, с чего это они вдруг готовят бамию, поскольку обычно мы ели сэндвичи с болонской колбасой, закусывая их сэндвичами же с болонской колбасой.

У Майи не было истерик с тех пор, как Июна исполнила свой номер со швырянием помидоров, и мы жили теперь, затаив дыхание. После стольких дней затишья я опасалась, что даже такая мелочь, как подгоревшая бамия, может вывести Маю из равновесия.

Я сказала, что голодна, а Розалин предложила попридержать лошадей. Ее нижняя губа была оттянута вниз табаком «Красная Роза». Запах следовал за ней по всей кухне, как собачка на поводке, — сочетание ямайского перца, свежей земли и преющих листьев. Розалин прошла по веранде, высунулась из двери и сплюнула реактивной струйкой слюны в сторону гортензий.

Никто не умел плевать так, как Розалин. Бывало, в моих фантазиях она выигрывала чемпионат по плевкам и на сто призовых долларов мы с ней снимали номер в дорогом мотеле в Атланте. Пожить в мотеле всегда было моим заветным желанием, но сейчас, если бы мне сказали, что я могу выбирать между розовым домом и комфортабельным мотелем с подогреваемыми бассейнами и телевизором в комнате, я бы однозначно выбрала розовый дом.

Впрочем, несколько раз, по утрам, когда я только просыпалась, я видела свой старый дом и скучала по нему, но это длилось секунду или две, пока я не вспоминала, как стояла на коленях на кухонном полу, а крупа

буравила мои коленные чашечки, или как пыталась обойти стороной грозовую тучу настроения Т. Рэя и вечно попадала прямо в ее эпицентр. Я вспоминала, как он накидывался на меня с криками: *Иисус С. Христос! Иисус С. Христос!* Сильнее всего он ударил меня по лицу в тот раз, когда я, перебив его, спросила, что означает это «С»? Быстрая прогулка по аллеям памяти — и от ощущения «отчего дома» не осталось и следа. Я предпочитала розовый дом.

Зак прошмыгнул в кухню за спиной Августы.

— Так-так. Бамия и свиные отбивные. К чему бы это? — спросила Августа Маю.

Мая робко приблизилась к ней и сказала, понизив голос:

— Прошло уже пять дней с тех пор, как я была у стены.

И я увидела, как она этим гордится, как она надеется, что времена истерик уже позади, как она хочет отпраздновать это обедом с бамией.

Августа улыбнулась.

— Правда, пять дней? Ну, это стоит отметить. Мая просияла.

Зак плюхнулся на стул.

— Ты развез весь мед? — спросила его Августа.

— Весь, кроме меда для офиса мистера Клэйтона, — ответил он. Он не мог усидеть на месте и все время что-то теребил: сперва салфетку на столе, затем пуговицу на своей рубашке. Слово бы ему не терпелось что-то сказать.

Августа пристально на него посмотрела.

— У тебя что-то на уме?

— Вы не поверите, что говорят люди в городе, — сказал он. — Они говорят, что Джек Пэланс в эти выходные приезжает в Тибурон вместе со своей цветной подружкой.

Мы прекратили свои занятия и посмотрели друг на друга.

— Кто такой этот Джек Пэланс? — спросила Розалин. Хотя обед еще не начался, она уже вгрызалась в отбивную и сейчас разговаривала с набитым ртом. Я пыталась встретиться с ней взглядом, указывая на свой закрытый рот и надеясь, что мое сообщение до нее дойдет.

— Он кинозвезда, — сказал Зак. Июна фыркнула.

— Ну не чушь ли? Что кинозвезде делать в Тибуроне?

Зак пожал плечами.

— Говорят, здесь живет его сестра и он приезжает к ней в гости и собирается в пятницу пойти в кино со своей цветной подружкой. И она будет сидеть не на балконе, а внизу, в зоне для белых.

Августа повернулась к Мае.

— Сходи, пожалуйста, в сад и принеси свежих помидоров для обеда — они будут очень кстати, — сказала она и дождалась, пока Мая выйдет из дверей. Было видно, что она опасается, что Джек Пэланс, пытающийся осуществить интеграцию кинотеатра, может разрушить праздничный обед Май.

— Люди волнуются? — спросила она Зака. Августа выглядела озабоченной.

— Да, мэм, — сказал он. — В скобяной лавке Гаррета несколько белых говорили о том, чтобы выставить оцепление возле входа в кинотеатр.

— Боже, начинается, — сказала Розалин. Июна издала губами звук *пф-ф-ф-ф*, а Августа покачала головой, и тут до меня впервые дошло, какая непомерная важность придается в мире пигментации кожи, словно пигментация была солнцем, а все остальное во вселенной было планетами, которые вращались вокруг него. С тех пор, как я пошла в школу, не говоря уже об этом лете, жизнь непрерывно вращается вокруг пигментации кожи. Как же мне это надоело!

В начале лета по Силвану прокатился слух, что из Нью-Йорка едет полный автобус людей, которые собираются осуществить интеграцию городского бассейна. Ходили разговоры на грани паники. В городе чуть было не ввели чрезвычайное положение, как будто нет для южан большей беды, чем северяне, приехавшие нарушить наш образ жизни. А потом было это безобразие с белыми мужчинами и Розалин на бензоколонке Эссо. Я подумала, что лучше бы Бог вовсе отменил всякую пигментацию.

Когда Мая вошла на кухню, Августа сказала:

— Давайте обедать. — И это означало, что Джек Пэланс был темой не для обеденных разговоров.

Мая принесла три больших помидора, и пока они с Розалин их резали, Августа зашла в телевизионную комнатку и поставила на проигрыватель пластинку «Nat King Cole». Она была без ума от «Nat King Cole», поэтому включила полную громкость. Она вернулась, сдвинув брови, как делают люди, когда пробуют что-нибудь на вкус и оно оказывается таким изысканным, что это почти причиняет им боль. Лицо Июны выражало презрение. Она признавала только Бетховена и ребят из его компании. Она сходила и уменьшила громкость.

— Так невозможно думать, — сказала она. Августа сказала:

— Знаешь что? Ты слишком много думаешь. Тебе пошло бы на пользу, если бы ты хоть раз, вместо того чтобы думать, просто прислушалась к своим чувствам.

Июна сказала, что возьмет обед к себе в комнату, спасибо.

Думаю, что это было к лучшему, поскольку я смотрела на помидоры, которые нарезали Мая и Розалин, и репетировала про себя, как я скажу: *Не угодно ли помидоров, Июна? Вы любите помидоры?* Теперь, по крайней мере, можно было есть спокойно.

Мы ели, пока у нас были силы, что является характерной чертой семейных обедов в Южной Каролине. Зак отодвинулся от стола, сказав, что отправляется в офис Клейтона Форреста, чтобы отвести ему дюжину банок меда.

— Можно и мне? — спросила я.

Августа опрокинула свою чашку с чаем, что было так на нее не похоже. Трудно было даже представить Августу, которая что-нибудь разливает. Маю — сколько угодно, но только не Августу. Чай разлился по столу и потек на пол. Я думала, что это взорвет Маю — трагедия пролитого чая. Но она лишь встала, напевая «О, Сюзанна!», даже без особого энтузиазма, и взялась за тряпку.

— Не знаю, Лили, — сказала Августа.

— Пожалуйста. — Все, чего я хотела, это провести немного времени с Заком и расширить свой кругозор, побывав в конторе настоящего адвоката.

— Ну, ладно, — сказала она.

* * *

Контора находилась в одном квартале от Главной улицы, по которой мы с Розалин триумфально прошествовали через город в то воскресенье, уже более трех недель назад. Я совершенно иначе представляла себе адвокатскую контору. Это был довольно большой дом с черными жалюзи и опоясывающей верандой. На веранде стояли кресла-качалки, предназначенные, наверное, для того, чтобы люди, выиграв свои дела, падали на них в приятном изнеможении. Табличка перед входом гласила: **КЛЕЙТОН ФОРРЕСТ, АДВОКАТ.**

Его секретарша была белой женщиной лет восьмидесяти на вид. Она сидела в приемной за столом и красила губы огненно-красной помадой. Волосы были завиты в тугие кольца бледно-голубого оттенка.

— Здравствуйте, мисс Лэйси, — сказал Зак. — Я привез еще меда.

Она убрала помаду в тубик. Вид у нее был немного раздраженный.

— Еще меда, — сказала она, качая головой. Преувеличенно вздохнув, она выдвинула ящик стола.

— Здесь деньги за предыдущую партию. — Она бросила конверт на стол и окинула меня взглядом.

— Тебя я прежде не видела.

— Я Лили.

— Она гостит у Августы, — объяснил Зак.

— Ты живешь у нее дома? — спросила она. Мне хотелось сказать ей, что помада кроваво затекла в морщины вокруг ее губ.

— Да, мэм, я там живу.

— Ну, я пошла, — сказала она, поднимаясь и беря свою сумочку. — Мне назначено у дантиста. Поставьте банки туда, на стол.

Я представила, как она нашептывает новости людям, ожидающим в приемной своей очереди сверлить зубы. *Эта белая девочка, Лили, поселилась у цветных сестер Боутрайт. Вам не кажется это странным?*

Как только она вышла, из своего офиса появился мистер Форрест. Первое, что я заметила, — это его красные подтяжки. Я никогда не видела худого человека в подтяжках, и это неплохо смотрелось — особенно то, как они сочетались с его красным галстуком. У него были рыжеватые волосы и кустистые брови, нависающие над голубыми глазами, а также улыбчивые лучики по всему лицу, отчего я сразу решила, что передо мной хороший человек. Настолько хороший, что он, очевидно, даже не может избавиться от мисс Лэйси. Он посмотрел на меня.

— И кто же эта красивая юная леди?

— Лили э-э-э... — я не могла вспомнить свою новую фамилию. Думаю, это случилось потому, что он назвал меня красивой. Я была потрясена. — Просто Лили.

Я стояла, зацепив одной ногой другую, и чувствовала себя очень неловко.

— Я живу у Августы и скоро поеду к своей тете в Виргинию. — Раз он был адвокатом, я опасалась, что ему захочется проверить меня на детекторе лжи.

— Как славно. Августа — мой хороший друг, — сказал он. — Надеюсь, тебе там нравится?

— Да, сэр. Очень.

— Над чем вы сейчас работаете? — спросил Зак, засунув конверт с «меденьгами» в карман и ставя коробку с медом на столик возле окна. На столике стояла табличка в рамке: «МЕД НА ПРОДАЖУ».

— Рутинная работа. Договора, завещания. Кстати, у меня для тебя кое-что есть. Зайдем в офис, я тебе покажу.

— Я подожду пока здесь — расставлю мед, — сказала я, не желая

навязываться, но, главное, чувствуя себя в его присутствии на удивление неловко.

— Ты уверена? Буду рад, если и ты зайдешь.

— Уверена. Я лучше останусь здесь.

Они ушли по коридору. Я слышала, как закрылась дверь. Автомобильный гудок на улице. Рул оконного кондиционера, с которого капало в собачью миску на полу. Я поставила банки пирамидой. Семь внизу, четыре посередине и одна наверху, но это не смотрелось, так что я разобрала пирамиду и расставила банки простыми рядами.

Я стала рассматривать то, что висело на одной из стен. Сперва был диплом южнокаролинского университета, за ним другой — герцогского университета. Дальше висела фотография мистера Форреста в лодке, в темных очках, держащего рыбу, чуть ли не с меня размером. Затем — мистер Форрест, пожимающий руку Бобби Кеннеди. И наконец, мистер Форрест и маленькая белобрысая девочка, купающиеся в океане. Она прыгала через волны. За ней был веер голубых брызг — водяной павлиний хвост, а мистер Форрест поднимал ее и переносил через волну, улыбаясь ей сверху вниз. Я готова была поспорить, что он знает ее любимый цвет, знает, что она ест на полдник, знает обо всем, что она любит.

Я села на один из двух красных диванчиков, стоящих в комнате. *Уильямс*. Моя вымышленная фамилия наконец всплыла в памяти. Я сосчитала, сколько в комнате цветов. Четыре. Половицы от стола до входной двери. Пятнадцать. Закрыв глаза, я представила себе океан, белую пену на нем и много-много света. Я увидела, как прыгаю через волны, а Т. Рэй держит меня за руку, тянет вверх и помогает перепрыгнуть. Мне пришлось очень сильно сосредоточиться, чтобы это увидеть.

Тридцать два имени для любви.

Так ли уж невообразимо, что он мог бы сказать мне одно из них — хотя бы то, что предназначается для меньших вещей, вроде арахиса в кока-коле? И может, он все же знает, что мой любимый цвет — голубой? Что если он сейчас дома, скучает по мне и думает: *Почему, ну почему я не любил ее больше?*

Телефон мисс Лэйси стоял у нее на столе. Я взяла трубку и набрала ноль, соединившись с телефонисткой.

— Я хочу заказать разговор за счет вызываемого абонента, — сказала я и назвала номер. Быстрее, чем можно было поверить, я услышала, как у меня дома звонит телефон. Я глядела на закрытую дверь в глубине коридора и считала гудки. Три, четыре, пять, шесть.

— Алло. — От его голоса мой желудок подскочил к горлу. Колени

подогнулись, так что мне пришлось упасть на стул мисс Лэйси.

— Разговор за счет вызываемого абонента, — сказала телефонистка. — Вызывает Лили Оуэнс. Примете звонок?

— Конечно приму, будь я проклят, — сказал он. И, не дав мне произнести ни слова, заорал: — Лили, где тебя черти носят?!

Мне пришлось отстраниться от телефонной трубки из опасения, что лопнет барабанная перепонка.

— Т. Рэй, мне жаль, что пришлось уехать, но...

— Немедленно говори, где ты, слыггтишь меня? Ты хоть понимаешь, в какое дерьмо ты вляпалась? Или ты вообще ни хрена не соображала, когда помогала Розалин убежать из больницы? О чем ты думала?

— Я только была...

— Я скажу, кем ты была. Ты была полной дурой, которая искала себе на жопу приключений и нашла их. Из-за тебя я теперь не могу пройти по улице Силвана, чтобы люди на меня не пялились. Мне пришлось все на хрен бросить и искать тебя по всему свету, а все персики тем временем погнили к чертовой матери.

— Ладно, хватит орать. Я же сказала, что мне жаль.

— Твое «жаль» дерьма не стоит, не говоря уже о персиках, Лили. Клянусь Богом...

— Я позвонила, потому что хотела кое-что спросить.

— Ты где? Отвечай!

Я сжала подлокотник так, что у меня заболели пальцы.

— Я хотела спросить, знаешь ли ты, какой мой любимый цвет?

— Боже мой! Что ты несешь? Говори, где ты!

— Я спросила, знаешь ли ты, какой мой любимый цвет?

— Я знаю только одно — то, что я найду тебя. Лили. И когда я тебя найду, от твоей задницы останутся одни клочки...

Я опустила трубку на телефон и пересела на диван. Я сидела посреди полуденного блеска и смотрела, как свет проходит сквозь венецианские жалюзи. Я говорила себе: *Не плачь. Не смей плакать. Ну и что, что он не знает твой любимый цвет? Ну и что?*

* * *

Зак вернулся, неся в руках большую коричневую книгу, наполовину заплесневевшую от старости.

— Посмотри, что дал мне мистер Клейтон, — сказал он, и по его гордому виду вы бы решили, что у него в руках шестифунтовый младенец, которого он лично только что родил.

Он перевернул книгу, чтобы я смогла прочесть название: «Судебные решения в Южной Каролине, 1889». Зак провел рукой по обложке, и на пол посыпались ее маленькие частички.

— Это будет началом моей юридической библиотеки, — сказал Зак.

— Здорово, — сказала я.

Мистер Клейтон подошел ближе, глядя на меня столь пристально, что я подумала, не надо ли мне вытереть нос.

— Зак говорит, что ты из округа Спартанбург и что твои родители умерли?

— Да, сэр. — Чего я совершенно определенно не хотела, так это чтобы он устроил мне здесь допрос, какой он, наверное, устраивает свидетелям в суде. В этом случае уже через час мы с Розалин будем собирать вещи, чтобы ехать в тюрьму.

— Что привело тебя...

— Мне, правда, нужно возвращаться. — Я положила руку на низ живота. — У меня небольшие женские проблемы. — Я старалась выглядеть очень женственной и загадочной, лишь слегка обеспокоенной проблемами, которые мужчины не могли и не хотели себе представить. У меня уже был годичный опыт того, что произнесение слов «женские проблемы» помогало мне оказаться там, куда я хотела попасть, и избегать мест, где мне не хотелось находиться.

— О, — сказал Зак. — Тогда поехали.

— Приятно было с вами познакомиться, мистер Форрест, — сказала я. Держась за живот. Немного дрожа. Медленно идя к двери.

— Поверьте, Лили, — сказал он мне вслед, — мне было еще приятней.

Вам приходилось когда-нибудь писать письмо, зная, что никогда его не отправите, но, зная и то, что должны его написать? Вернувшись в свою комнату в медовом домике, я написала письмо Т. Рэю, сломав при этом три карандаша. Слова... слова выглядели так, словно бы их выжигали клеймом.

Дорогой Т. Рэй,

Мне до смерти надоело, что ты на меня орешь. Я не глухая. Я просто глупая, раз тебе позвонила.

Если бы тебя пытали марсиане и единственным, что могло бы тебя спасти, было сказать им мой любимый цвет, ты бы умер на месте. О чем я думала? Все, что мне нужно было сделать, — это вспомнить открытку ко Дню Отца, которую я тебе сочинила, когда мне было девять и я все еще надеялась на любовь. Ты помнишь ее? Конечно же нет. А я помню, поскольку совсем замучилась, пока ее делала. Я никогда тебе не рассказывала, как не спала полночи, выискивая в словаре слова, которые начинались бы с букв «П, А, П, А.» Вряд ли тебе будет интересно узнать, но эту идею подсказала мне миссис Пул, с которой мы делали такое в воскресной школе для слова «РАДОСТЬ»: «Иисус, Другие, Ты сам».^[8] Это правильный подход к жизни, сказала она, и если мы станем ему следовать, у нас будет лишь РАДОСТЬ, РАДОСТЬ и РАДОСТЬ. Я пыталась ему следовать, и я до сих пор жду, что Радость появится в моей жизни. Это упражнение подсказало мне идею твоей открытки. Я думала, что если раскрою тебе смысл слова «папа», то этим смогу тебе помочь. Я пыталась сказать: вот, попробуй это, я буду так тебе благодарна. Я использовала слова, вроде ПРЕКРАСНЫЙ, ПРЕИСПОЛНЕННЫЙ ДОБРОТЫ и так далее.

Я положила открытку на твой комод, а на следующий день я нашла ее на телефонном столике — ты очистил на ней персик. Кожица и косточка прилипли к бумаге. Мне всегда хотелось тебе сказать, как это было НИЗКО.

ПАПА^[9] — НИЗКИЙ, ЗЛОБНЫЙ, НИЧТОЖНЫЙ ОТЕЦ, РАЗОЧАРОВАНИЕ, ЯРМО У МЕНЯ НА ШЕЕ.

Писать такое — не соответствует жизненной философии в духе Иисус — Другие — Ты сам, но для меня РАДОСТЬ высказать наконец все это тебе в лицо.

С любовью, Лили

P. S. Я ни на полсекунды не поверила, что моя мама меня бросила.

Я перечитала письмо, а затем разорвала его на мелкие клочки. Я ощутила облегчение оттого, что выплеснула все это из себя, но я-солгала, что это принесло мне радость. Я чуть было не села писать другое письмо, которое я бы тоже не отослала и в котором бы я просила прощения.

В эту ночь, когда розовый дом уснул, я прокралась внутрь, чтобы воспользоваться туалетом. Ночью в доме было несложно ориентироваться, поскольку Августа оставляла дорожку из зажженных ночничков — из кухни в туалет.

Я пришла босиком, принеся на ногах росу. Сидя на унитазе и стараясь писать как можно тише, я видела лепестки каучукового мирта, приставшие к ногам. Сквозь потолок над моей головой просачивался храп Розалин. Всегда приятно опустошить мочевой пузырь. Лучше чем секс — так говорила Розалин. Хотя было и вправду приятно, но я искренне надеялась, что она ошибается.

Я направилась к кухне, но тут что-то заставило меня развернуться; я до сих пор не знаю, что это было. Я пошла в обратном направлении — к гостиной. Ступив внутрь, я услышала такой глубокий и чистый вздох, что какую-то секунду не понимала, что он порожден моими же легкими.

В красном стаканчике возле фигуры Марии горела свечка — она выглядела крошечным красным сердцем в темной пещере, сердцем, излучающим свет в мир. Августа поддерживала огонь день и ночь. Это напоминало мне вечный огонь, который горел на могиле Джона Ф. Кеннеди и который никогда не потухнет, что бы ни случилось.

Наша Леди в Оковах ночью выглядела совсем иначе, нежели днем: ее лицо — старше и темнее, кулак — больше, чем я помнила. Я подумала обо всех морях, по которым она плавала, о тех печальных вещах, которые ей шептали, о тех испытаниях, которым она подвергалась.

Иногда, после того как мы совершали свои молитвы с четками, я не могла вспомнить, как правильно перекреститься, что, в общем-то, можно ожидать от человека, выросшего в баптистской среде. Всякий раз, когда это случалось, я просто клала руку на сердце — так, как мы делали в школе во время клятвы верности. Я чувствовала, что одно не хуже другого, и то же произошло и теперь — моя рука автоматически поднялась к сердцу и осталась на нем лежать.

Я сказала Марии: Укрепи меня. Пожалуйста, укрепи меня. Помоги мне понять, что делать. Прости меня. Хорошо ли моей маме там, наверху, вместе с Богом? Не дай им нас найти. Если они нас найдут, не дай им забрать меня назад. Если они нас найдут, не дай им убить Розалин. Пусть Июна любит меня. Пусть Т. Рэй любит меня. Помоги мне прекратить лгать. Сделай мир лучше. Избавь сердца людей от зла.

Я подошла ближе, чтобы дотянуться до сердца на ее груди. В моей

голове звучала музыка пчел.

охлаждающих своими крылышками темный музыкальный ящик. Я видела, как мы с Августой прижимаемся к улью. Я помнила ее голос, когда она рассказывала историю Нашей Леди в Оковах. *Ниспослать им спасение. Ниспослать утешение. Ниспослать им свободу.*

Я провела пальцем по груди Черной Марии. Я стояла там, с лепестками на своих ногах, и со всей силы прижимала ладонь к ее сердцу.

Я живу в темном улье, и ты моя мать, сказала я ей. Ты — мать тысяч детей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вся общественная структура медоносных пчел зависит от коммуникации — врожденной способности посылать и получать сообщения, кодировать и декодировать информацию.

«Медоносная пчела»

Двадцать восьмое июня было днем для книги рекордов. Я вспоминаю этот день, и мне приходят на ум люди, прыгающие в бочках с Ниагарского водопада. С тех пор, как я впервые об этом услышала, я пыталась представить себе, как они, скорчившись, сидят там внутри и поначалу плывут спокойно, как резиновый утенок в ванне, когда вдруг поток становится бурным и бочка начинает метаться, а рев вдалеке все нарастает. Я знала, что там, в бочке, они в этот момент говорят: *Черт возьми, о чем только мы думали?*

К восьми утра температура поднялась до 94-х градусов, с амбициозными планами достигнуть к полудню 103-х. Я проснулась оттого, что Августа трясла меня за плечо, говоря, что грядет страшная жара, вставай, нужно ехать поить пчел.

С нечесаными волосами, я забралась в «медовый возок», а Мая протягивала мне через окно намазанный маслом тост и апельсиновый сок, тогда как Розалин совала термосы с водой — при этом обе они фактически бежали рядом с грузовиком, пока Августа выруливала на подъездную дорожку. У меня было ощущение, что мы — служба Красного Креста, сорвавшаяся по тревоге, чтобы ехать спасать пчелиное королевство.

В кузове грузовика стояли уже готовые галлоны с сахарной водой.

— Когда зашкаливает за сотню, — сказала Августа, — цветы высыхают и пчелам тогда нечего есть. Они остаются в ульях и охлаждают себя. Но иногда они просто зажариваются.

Я чувствовала, что мы и сами можем изжариться заживо. Нельзя было дотронуться до ручки двери без риска получить ожог третьей степени. Пот стекал у меня между грудей и впитывался в трусики. Августа включила радио, чтобы узнать прогноз, но мы узнали только, что «Рейнджер-7», наконец приземлился на поверхность Луны в месте под названием Море Облаков, что полиция ищет тела троих правозащитников из Миссисипи, и еще мы узнали о кошмарных событиях, произошедших в заливе Тонкина. Новости закончились рассказом о том, что происходит «ближе к дому»: как черные из Тибурона, Флоренции и Оранжбурга двигаются в сторону Колумбии маршем протеста, требуя от губернатора провести в жизнь Акт о гражданских правах.

Августа выключила радио. Хватит. Нельзя быть в ответе за весь мир.

— Я уже напоила пчел в ульях возле дома, — сказала она. — Зака занимается ульями на востоке округа. Так что нам с тобой остается западная часть.

Спасение пчел заняло у нас все утро. Заезжая в самые отдаленные места в лесу, туда, где практически не было дорог, мы обнаруживали там скопления ульев, похожие на маленькие заброшенные города. Мы поднимали крышки и наполняли кормушки сладкой водой. Ранее мы набили свои карманы сахарным песком, и теперь, в качестве бонуса, сыпали его в ульи.

Я умудрилась дать себя ужалить в запястье, когда закрывала улей крышкой. Августа вытащила у меня жало.

— Я посылала им любовь, — сказала я, чувствуя, что меня предали.

Августа сказала:

— От жары пчелы звереют, и неважно, сколько любви ты им посылаешь. — Она вытащила из кармана маленький пузырек с оливковым маслом, смешанным с пчелиной пылью, и помазала мне кожу — ее патентованное средство. До сих пор я надеялась, что мне не придется испытывать его на себе.

— Считай, что ты прошла инициацию, — сказала она. — Кого не кусали, тот не сможет стать настоящим пчеловодом.

Настоящим пчеловодом. От этих слов у меня перехватило дыхание, и в тот же миг земля на опушке леса неподалеку взорвалась стаяй черных птиц, поднявшихся в воздух и заполонивших собой все небо. Я сказала себе: *Чудеса не прекращаются.* Я добавлю это к списку моих профессий. Писатель, учительница английского и пчеловод.

— Думаете, я когда-нибудь смогу стать пчеловодом? — спросила я.

Августа сказала:

— Не ты ли говорила мне на прошлой неделе, что одной из твоих любимых вещей стали пчелы и мед? А если это так, то ты будешь замечательным пчеловодом. По большому счету, ты можешь делать что-либо и не слишком хорошо, но если ты это любишь, то этого будет достаточно.

Боль от укуса распространилась до самого локтя, заставив меня подивиться, сколь суровое наказание может навлечь такое мелкое существо. И я с гордостью должна сказать, что не жаловалась. Я просто вновь углубилась в процесс спасения пчел.

Залив воду во все ульи Тибурона и насыпав в них столько сахара, что человеку бы хватило, чтобы поправиться фунтов на пятьдесят, мы отправились домой — разгоряченные, голодные и утопающие в собственном поту.

* * *

Подъехав к дому, мы обнаружили Маю и Розалин попивающих сладкий чай на задней веранде. Мая сказала, что оставила нам обед в холодильнике: сэндвичи со свиными отбивными и салат из шинкованной капусты. Пока мы ели, Июна в своей комнате наверху играла на виолончели — так печально, словно бы кто-то умер.

Мы съели все до крошки, не произнеся ни слова, и отодвинулись от стола. Мы размышляли, как заставить свои измученные тела подняться на ноги, когда слышали визг и смех, вроде того, какой можно услышать на школьной перемене. Мы с Августой переползли на веранду, чтобы посмотреть что происходит. И мы увидели Маю и Розалин, резвящихся со шлангом от дождевальной установки, босых и при полном наряде. Они попросту безумствовали.

Платье Розалин промокло насквозь и прилипло к телу, а Мая наполняла водой свой подол и подкидывала его, обдавая себе лицо. Солнечные лучи, путаясь в волосах, поджигали ее косички.

— Жизнь бьет ключом, — сказала Августа. Когда мы вышли наружу, Розалин схватила шланг и направила на нас.

— Только подойдите — будете мокрыми насквозь, — сказала она и — *уф-ф-ф!* — в грудь нам ударила ледяная струя.

Розалин повернула шланг и наполнила подол Маи.

— Только подойдите — будете мокрыми насквозь, — сказала Мая,

передразнивая Розалин, и погналась за нами, окатив наши спины водой из юбки.

И должна вам сказать, что мы не слишком-то протестовали. Кончилось тем, что мы просто встали, позволив двум обезумевшим черным женщинам лить на нас воду.

Все четверо превратились в русалок, танцующих вокруг живительного фонтана, как, наверное, индейцы танцевали вокруг пылающего костра. Белки и каролинские крапивницы подходили так близко, насколько им хватало смелости, и пили из лужиц, а стебельки желтой травы распрямлялись и становились зелеными.

Тут хлопнула дверь веранды, и мы увидели Июну во всей своей злой красе. Должно быть, я была опьянена всей этой водой, воздухом и танцем, поскольку подняла шланг и сказала:

— Только подойдите — будете мокрыми насквозь.

И я окатила ее.

— Тысяча адских чертей! — заорала она. Я уже поняла, что зарвалась, но не могла остановиться. Я видела себя пожарником, а Июна была геенной огненной.

Она вырвала шланг из моих рук и направила на меня. Вода попала мне в нос и обожгла изнутри. Я схватилась за шланг, и каждая из нас принялась тянуть его на себя, а струя металась между нами. Мы упали на колени, не прекращая борьбу. Между нами бил гейзер, а глаза Июны глядели на меня совсем рядом, поблескивая бисеринками влаги на ресницах. Было слышно, как Мая принялась напевать «О, Сюзанна!». Я засмеялась, давая ей знать, что все в порядке, но не отпустила шланг. Я не собиралась уступить Июне Боутрайт.

Розалин сказала:

— Я слышала, что, если направить на двух сцепившихся собак струю воды, они расцепятся, но, похоже, это не всегда срабатывает.

Августа засмеялась, и я увидела, как смягчились глаза Июны, как она пытается не рассмеяться. Казалось, я читала ее мысли: *Я борюсь за садовый шланг с четырнадцатилетней девчонкой. С ума сойти можно!*

Она отпустила шланг и повалилась на траву, подергиваясь от смеха. Я, тоже смеясь, упала рядом с ней. Мы были не в силах остановиться. Я не могла бы сказать наверняка, из-за чего именно смеется каждая из нас, — я просто была рада, что мы делаем это вместе.

Когда мы поднялись, Июна сказала: — Боже, у меня кружится голова — я чувствую себя так, словно кто-то вынул пробки из моих ног и во мне ничего не осталось.

Розалин, Мая и Августа вернулись к своим русалочьим забавам. Я посмотрела, на то место, где мы только что лежали рядом, на мокрую примятую траву, сохранившую контур наших тел. Я ступила туда, осторожно, как только могла, и Июна, увидев это, ступила туда вслед за мной. И тут, к моему изумлению, она меня обняла. Июна Боутрайт меня обнимала.

* * *

В Южной Каролине, если температура зашкаливает за 104 градуса, вы должны лежать в постели. Это, практически, закон. Некоторым может показаться, что это просто от лени, но на самом деле, когда мы лежим, прячась от жары, то даем своему уму возможность побродить в поисках новых идей, спросить себя об истинных жизненных целях, и, в общем, позволить тому, что нужно, в нас проникнуть. В нашем классе был мальчик, у которого в голову была вживлена металлическая пластина. Он всегда жаловался, что ответы на вопросы не могут попасть в его мозг. А учитель на это говорил: «Найди там щелочку».

В определенном смысле мальчик был прав. У каждого человека в голове есть железная пластина, но если время от времени ложиться и лежать спокойно, насколько только возможно, пластина отодвинется, как дверь лифта, открывая проход, впуская внутрь все тайные мысли, которые терпеливо стояли рядом и ждали своего часа. Настоящие беды происходят в этом мире тогда, когда эти потайные двери остаются закрытыми слишком долго. Но это лишь мое мнение.

Августа, Июна и Розалин, выключив свет, лежали под вентиляторами в своих комнатах в розовом доме. Я распласталась на кровати в медовом домике, сказав себе, что могу думать о чем угодно, кроме моей мамы, — то есть мой лифт, как это часто бывало, не хотел впускать никого, кроме нее.

Я видела, как мир распускается вокруг меня, — по ниточке, словно вязаный шарф. Я видела обтрепанные края мира снов. Дерни за нужную нитку — и окажешься заваленной его обрывками. С тех пор, как я поговорила с Т. Рэем, мне так хотелось рассказать об этом Розалин. Сказать ей: *Если ты думала о том, не заставил ли Т. Рэя мой побег заглянуть в свое сердце или измениться, — не трать больше времени.* Но я не могла ей признаться, что мне это настолько небезразлично, что я даже решила ему позвонить.

Я лежала на кровати без сил и глядела в слепящий квадрат окна. Как трудно держать мысли под контролем! *Впусти меня*, говорила мне мама. *Впусти меня в лифт*.

Ну, ладно. Я вытащила свою сумку и принялась рассматривать мамину фотографию. Я думала о том, каково мне было у нее внутри — мясная закорючка, плавающая в темноте, безмолвие, которым обменивались мы с мамой.

Я все еще хотела ее, но это чувство уже не было столь лютым и неистовым. Натянув ее перчатки, я вдруг заметила, как плотно они сидят. К шестнадцати годам они уже будут для меня вроде детских. Я стану Алисой в Стране Чудес, после того как она съела пирожок и выросла вдвое. Мои ладони разорвут перчатки по швам, и я никогда уже не смогу их надеть.

Я стянула перчатки со своих вспотевших рук и ощутила волну нервной дрожи — застаревшее, зазубренное чувство вины, ожерелье из лжи, которое я не в силах была снять, страх быть изгнанной из розового дома.

Нет, выдохнула я. Слову было нелегко пробиться к моему горлу. Испуганный шепот. Нет, я не стану об этом думать. Я не буду этого чувствовать. Я не позволю этому разрушить то, что у меня есть. *Нет*.

Я решила, что спастись от жары лежа было дурацкой затеей. Сдавшись, я направилась в розовый дом, чтобы выпить там чего-нибудь холодного. Если мне когда-нибудь удастся попасть в рай, после всего, что я сделала, хорошо бы получить хотя бы несколько минут аудиенции с Богом. Я бы сказала ему: *Послушай, я знаю, что ты создал мир из самых лучших намерений, но почему ты позволил ему от тебя ускользнуть? Почему ты не смог остаться верен изначальной идее рая?* Человеческая жизнь просто отвратительна.

Когда я вошла на кухню, Мая сидела на полу, вытянув ноги, и держала на коленях коробку с крекерами. Все было в порядке — мы с Маей единственные, кто и пяти минут не мог спокойно пролежать на кровати.

— Я видела таракана, — сказала она, беря мешочек с пастилой, который я прежде не заметила. Она вытянула одну пастилку и стала отщипывать от нее кусочки. Безумная Мая.

Я открыла холодильник и стояла там, глядя на его содержимое, словно бы ждала, что бутылка виноградного сока сама прыгнет ко мне в руку со словами: *На-ка, выпей меня*. Похоже, до меня не дошло, чем занимается Мая. Порой значительные вещи доходят до вас мучительно медленно. Скажем, вы ломаете ногу и не чувствуете этого, пока не проходите целый квартал.

Я почти что прикончила целый стакан сока, прежде чем взглянула на

миниатюрную магистраль из крекерных крошек и кусочков пастилы, которую Мая сооружала на полу. Она начиналась у раковины и вела к двери — плотная дорожка из золотистых крошек и липких белых кусочков.

— По этой дорожке тараканы выйдут за дверь, — сказала Мая. — Это действует безотказно.

Не знаю, как долго я смотрела на эту дорожку, на лицо Маи, повернутое ко мне в ожидании, что я что-нибудь скажу. Я не знала, что говорить. Комната наполнилась монотонным жужжанием холодильника. Внутри появилось странное вязкое ощущение. Воспоминание. Я стояла, позволяя ему прийти. *Твоя мать была просто психом, когда дело касалось насекомых*, сказал Т. Рэй. *Она делала дорожки из крекерных крошек и пастилы, чтобы выманивать тараканов наружу.*

Я вновь посмотрела на Маю. *Моя мама не могла ведь научиться этому тараканьему фокусу от Маи*, подумала я. *Или могла?*

С тех пор, как я первый раз вошла в розовый дом, какая-то часть меня не прекращала верить, что моя мама здесь бывала. Но я верила не настолько, чтобы даже мечтать об этом или хотя бы блуждать по лабиринтам надежды. Но сейчас, когда реальная возможность этого, казалось, была прямо передо мной, это выглядело совершенно невероятным — попросту безумным. *Этого не могло быть*, снова подумала я.

Я села за стол. Послеполуденные тени блуждали по комнате. Они были персиковых тонов, обрисовывались и вновь растворялись, и кухня тонула в совершеннейшем безмолвии. Даже гул холодильника прекратился. Мая вернулась к своему занятию. Обо мне она, похоже, попросту забыла.

Моя мама могла научиться этому из книги, а может, и от своей мамы. Откуда мне знать — может, повсюду, во всех домах, используют этот самый способ. Я встала и подошла к Мае. У меня дрожали поджилки. Я положила руку ей на плечо. *Ладно*, подумала я. *Поехали*. Я сказала:

— Мая, вы были знакомы с Деборой? Деборой Фонтанель? Белой женщиной из Виргинии? Это могло быть очень давно.

В Мае не было ни грамма хитрости, и можно было на нее положиться в том, что она не станет долго обдумывать ответ. Она не взглянула вверх, не замялась ни на секунду. Она просто сказала:

— О да, Дебора Фонтанель. Она жила там, в медовом домике. Она была такой милой.

Вот так. Вот и все.

Я почувствовала головокружение. Чтобы не упасть, мне пришлось схватиться за стену. Внизу, на полу, дорожка из крошек и пастилы казалась

наполовину живой.

Во мне роились вопросы, но тут Мая запела: «О, Сюзанна!». Она отложила коробку с крекерами и, хлюпая носом, медленно поднялась. Воспоминание о Деборе Фонтанель, очевидно, ее расстроило.

— Думаю, я ненадолго схожу к стене, — сказала она и вышла, а я осталась одна, посреди кухни, с раскаленной головой и не в силах вздохнуть, а мир подо мной кружился и кружился.

Идя к медовому домику, я сосредоточилась на своих ступнях, касающихся засохшей грязи подъездной дорожки, торчащих коряг, свежеполитой травы, на ощущении земли подо мной — твердой, живой, древней, всякий раз оказывающейся там, где я опускала ногу. Там, и там, и там, всегда там. Именно так должно быть и с мамами.

О да, Дебора Фонтанель. Она жила там, в медовом домике. Она была такой милой.

В медовом домике я забралась с ногами на кровать и села, обняв колени руками, сделав полочку, чтобы опереться о нее виском. Новыми глазами я оглядывала стены и пол. Моя мама ходила по этой комнате. Человек. Не некто, придуманный мною, а человек — дышащий и живой.

Чего я меньше всего ожидала, так это заснуть, но, видимо, после потрясения, все, чего хочет тело, — это спать и грезить.

Я проснулась около часа спустя в том бархатистом состоянии, где ты еще не помнишь, что тебе снилось. Затем, внезапно, видения нахлынули на меня.

Я делаю извивающуюся медовую дорожку через всю комнату, которая кажется одновременно комнатой в медовом домике и моей спальней в Силване. Я начинаю от двери, которую никогда прежде не видела, и заканчиваю возле своей кровати. Затем я сажусь на матрас и жду. Открывается дверь. Входит моя мама. Она следует за медовыми изгибами через всю комнату, пока не подходит к моей кровати. Она улыбается. Она очень красива. Но тут я замечаю, что она не совсем обычный человек. Тараканьи лапки высовываются из ее одежды, торчат сквозь ребра, внизу туловища — их всего шесть, по три с каждой стороны.

Трудно вообразить, кто мог сидеть в моей голове, выдумывая подобное. Воздух был уже сумеречно-розовым и достаточно прохладным, так что я обернула ноги простыней. В желудке было противно, словно меня вот-вот стошнит.

Если скажу, что никогда больше не задумывалась об этом сне, никогда не закрывала глаза и не представляла мою маму с тараканьими лапками,

никогда не спрашивала себя, почему она явилась мне в таком виде, выявив свою худшую сущность, значит, я снова уступлю своей укоренившейся привычке ко лжи. Таракан — это существо, которое нельзя любить, но его невозможно и уничтожить. Он будет приходить снова и снова. Попробуйте-ка от него избавиться.

* * *

Несколько последующих дней я была как на иголках. Я подпрыгивала до потолка, если кто-нибудь ронял на пол хотя бы монетку. За ужином я

поковыряв еду вилкой, упиралась взглядом в пространство, словно в трансе. Иногда у меня в голове возникало видение моей мамы с тараканьими лапками и мне срочно приходилось проглатывать ложку меда, чтобы успокоить желудок. Я была так взвинчена, что не могла усидеть и пяти минут, пока шла «Американская сцена», тогда как раньше я ловила каждое слово Дика Кларка.

Я ходила по дому кругами, зависая то здесь, то там, представляя мою маму в разных комнатах. Сидящей, расправив юбку, на табурете возле пианино. Стоящей на коленях перед Нашей Леди. Изучающей коллекцию рецептов, которые Мая вырезала из журналов и неустанно наклеивала на холодильник. Я с остекленевшим взглядом перебирала эти образы, пока не замечала, что на меня смотрит Августа, Июна или Розалин. Они цокали языками, и мое лицо вспыхивало. Они говорили:

— Что случилось? Что с тобой? Я мотала головой.

— Ничего, — врала я. — Ничего.

На самом деле у меня было ощущение, словно я стою на краю вышки, собираясь прыгнуть в незнакомую воду. *Опасную* воду. Мне лишь хотелось немного отсрочить нырок, почувствовать в этом доме близость моей мамы, притвориться, что я не боюсь истории, приведшей ее сюда, и того, что мама может удивить меня, наподобие того, как она сделала это в моем сне, оказавшись шестиногой и страшной.

Мне хотелось подойти к Августе и спросить, как оказалась здесь моя мама, но страх меня остановил ал. Я хотела и не хотела этого знать. Я находилась в преддверии загробного мира, не зная, что меня ждет — ад или рай.

* * *

В пятницу, ближе к вечеру, после того как мы закончили чистить соты и убрали последний супер, Зак вышел на улицу, чтобы заглянуть под капот «медового возка». Мотор работал с перебоями и перегревался, несмотря на все усилия Нейла.

Я прошла в свою комнату и села на кровать. От окна шел жар. Я подумала о том, чтобы встать и включить вентилятор, но продолжала сидеть, глядя в окно на молочно-голубое небо, чувствуя, как тоска разрастается у меня внутри. Я слышала музыку, доносящуюся из грузовика, «Еще один субботний вечер» Сэма Кука, затем Мая крикнула что-то Розалин через двор, что-то насчет того, чтобы снять с веревки белье. И вдруг меня поразило, как жизнь там, снаружи, продолжает течь в своем привычном русле, а я зависла в ожидании, поймала сама себя в ужасающем разломе между жизнью и не жизнью. Нельзя было больше выжидать, словно бы этому никогда не наступит конец, конец этому лету. Я почувствовала, как брызнули слезы. Пора внести ясность. Что бы ни случилось... ну, значит, оно просто случится.

Я подошла к раковине и умылась.

Глубоко вздохнув, я сунула картинку с Черной Марией и фотографию моей мамы в карман и отправилась в розовый дом, чтобы найти там Августу.

Я думала, что мы сядем на ее кровать или снаружи, на садовые стулья, если будет не слишком много комаров. Я представляла, как Августа скажет: «Так что ты думаешь, Лили? Мы сможем наконец поговорить?» Я выну деревянную картинку и расскажу ей все, до последней капли, и в ответ она расскажет мне о моей маме.

Вот только все вышло совсем иначе.

* * *

Шагая по направлению к дому, я услышала, как от грузовика меня окликнул Зак.

— Хочешь прокатиться со мной в город? Надо купить новый шланг для радиатора, пока не закрылся магазин.

— Мне нужно поговорить с Августой, — сказала я.

Он захлопнул капот и вытер руки о штаны.

— Августа в гостиную с Сахарком. Та приехала вся в слезах. Я так понял, что Отис потратил все их сбережения на подержанную рыбацкую лодку.

— Но мне нужно поговорить с ней об очень важном.

— Тебе придется встать в очередь, — сказал он. — Поехали, мы вернемся прежде, чем уйдет Сахарок.

Поколебавшись, я сдалась.

— Ладно.

Магазин запчастей располагался через две двери от кинотеатра. Когда Зак свернул на парковку перед зданием, я увидела их — пятерых или шестерых белых мужчин, стоящих возле билетных касс. Они топтались на месте, бросая быстрые взгляды то в одну, то в другую сторону, словно кого-то ждали. Все были очень аккуратно одеты, в галстуках с зажимами, как продавцы или банковские кассиры. Один из них держал в руке нечто вроде черенка от лопаты.

Зак заглушил двигатель и смотрел на них через лобовое стекло. Собака, старая гончая с седеющей мордой, вышла из магазина запчастей и принялась что-то обнюхивать на тротуаре. Зак побарабанил пальцами по рулю и вздохнул. И вдруг до меня дошло: сегодня пятница, и эти люди ждут здесь Джека Пэланса со своей подружкой.

С минуту мы сидели молча, слыша лишь звуки внутри кабины. Скрип пружины под сиденьем. Постукивание Зака по рулю. Мое прерывистое дыхание.

Затем один из мужчин закричал, заставив меня подпрыгнуть и стукнуться коленкой о бардачок. Глядя на другую сторону улицы, он орал:

— Ну чего уставились?!

Мы с Заком разом обернулись и посмотрели в заднее стекло. Трое цветных подростков стояли на тротуаре, пили колу из бутылок и глазели на мужчин.

— Давай приедем в другой раз, — сказала я.

— Все будет в порядке, — сказал Зак. — Подожди здесь.

Нет, не будет, подумала я.

Когда Зак вылез из «медового возка», я услышала, как ребята окликнули его по имени. Они пересекли дорогу и подошли к грузовику. Глядя на меня через окно, они наградили Зака парой шутливых тычков. Один из них помахал рукой перед своим ртом, как если бы только что съел острый мексиканский перец.

— Кто это у тебя там? — спросил он.

Я смотрела на них, пытаюсь улыбаться, но не могла не думать о белых мужчинах, которые, как я видела, смотрят на нас.

Ребята тоже это видели, и один из них — которого, как я позже узнала, звали Джексон — громко сказал:

— Нужно быть законченными крестинами, чтобы поверить, что Джек Пэланс приедет в Тибурон.

И все они засмеялись. Даже Зак.

Мужчина с черенком от лопаты подошел вплотную к бамперу грузовика и посмотрел на ребят с такой полуулыбкой-полуухмылкой, какую я тысячи раз видела на лице Т. Рэя, — взгляд, порожденный властью без каких-либо признаков любви. И он спросил:

— Что ты сказал, парень?

Шелест уличных звуков куда-то исчез. Гончая, опустив угли, забралась под одну из машин. Я увидела, как Джонсон прикусил губу, отчего по его подбородку пошла рябь. Увидела, как он поднимает бутылку колы над головой. И кидает ее.

Как только бутылка вылетела из его руки, я зажмурилась. Когда я вновь открыла глаза, весь тротуар был в стеклянных осколках. Мужчина бросил черенок от лопаты и держался за свой нос. Кровь сочилась у него сквозь пальцы.

Он обернулся к остальным мужчинам.

— Этот черномазый разбил мне нос, — сказал он, и в его голосе звучало больше удивления, чем чего-то еще. Он озадаченно огляделся и побежал к ближайшему магазину, оставляя за собой кровавую дорожку.

Зак с другими ребятами стояли маленькой кучкой, словно бы приросли к земле, а тем временем оставшиеся мужчины подошли к ним, образовав полукруг и прижав их к грузовику.

— Кто из вас бросил бутылку? — спросил один из них.

Ребята не издавали ни звука.

— Стадо трусливых скотов, — процедил другой. Он поднял с земли черенок от лопаты и принялся помахивать им в воздухе. — Просто скажите, кто из вас это сделал, и остальные трое могут идти.

Молчание.

Люди уже выходили из магазинов, собираясь группками. Я смотрела Заку в затылок. У меня было ощущение, что в моем сердце есть маленькая полочка и я стою на ней, выглядывая как можно дальше, стараясь увидеть, что будет делать Зак. Я знала, что стукачи — самые низкие среди людей, но мне хотелось, чтобы он ткнул пальцем в того парня и сказал: *Вот этот. Это сделал он.* Тогда бы он смог залезть обратно в грузовик и мы были бы

спасены.

Давай же, Зак.

Он повернул голову и поглядел на меня краешком глаза. Затем он чуть-чуть пожал плечом, и я поняла, что все уже решено. Он ни за что не откроет рта. Он пытался сказать мне: *Прости, но это мои друзья.*

Он предпочел стоять там и быть одним из них.

* * *

Я смотрела, как полицейский посадил Зака и трех других ребят в свою машину. Отъезжая, он включил сирену и проблесковый фонарь, в чем, на мой взгляд, не было необходимости, но он, наверное, просто не хотел разочаровывать публику на тротуаре.

Я сидела в грузовике, словно бы застыв, и мир вокруг меня тоже застыл. Толпа рассосалась, и все машины одна за другой разъехались из центра по домам. Люди закрыли свои магазинчики. Я смотрела в лобовое стекло, как смотрят на настроечную таблицу, что каждую полночь появляется на телеэкране.

Когда первое потрясение прошло, я попыталась сообразить, что мне делать, как добраться домой. Зак забрал ключи, а иначе бы я попыталась вести сама, хоть я и не могла отличить коробку передач от тормозов. Все лавки уже позакрывались, так что позвонить было неоткуда, а когда я заметила невдалеке телефон-автомат, то поняла, что у меня все равно нет ни цента. Тогда я вылезла из грузовика и пошла пешком.

Когда, полчаса спустя, я добралась до розового дома, то увидела Августу, Июну, Розалин, Нейла и Клейтона Форреста, сгрудившихся в тени под гортензиями. Журчание их голосов текло ко мне сквозь свет увядающего дня. Я расслышала имя Зака. Я расслышала, как мистер Форрест произнес слово «тюрьма». Зак, наверное, позвонил ему, воспользовавшись своим правом на один звонок, и тот примчался сюда с новостями.

Нейл стоял рядом с Июной, из чего я заключила, что они не были вполне серьезны, швыряя друг в друга фразы типа: «эгоистичная сука» и «можешь не возвращаться!». Незамеченная, я приближалась к ним. Где-то жгли траву. В воздухе стоял едкий запах, и над моей головой пролетали кусочки сажки.

Подойдя к ним, я сказала:

— Августа?

Она притянула меня к себе.

— Хвала Всевышнему. Ты вернулась. Я уже собралась было тебя искать.

Пока мы шли к дому, я рассказала им о том, что произошло. Августа придерживала меня за талию, словно боялась, что я снова грохнусь в обморок, хотя на самом деле я чувствовала себя на редкость собранной. Я осознавала голубизну теней, их зловещие очертания на стене дома, похожие то на крокодила, то на гризли, запах алка-зельцера, витающий над головой Клейтона Форреста, седину в его волосах, тревогу, обвившуюся вокруг наших ног. Она едва позволяла нам идти.

Мы все сели на стулья вокруг кухонного стола, кроме Розалин, которая разлила чай по чашкам и поставила на стол тарелку сэндвичей с сыром — как будто кто-то мог есть. Волосы Розалин были уложены идеальными грядками — наверняка это Мая постаралась после ужина.

— Ну а как насчет залога? — спросила Августа. Клейтон прочистил горло.

— Судьи Монро нет в городе — у него отпуск, так что до среды, похоже, никого не выпустят.

Нейл поднялся и подошел к окну. Его волосы были выстрижены на затылке идеальным квадратом. Я пыталась сконцентрироваться на этом, чтобы не потерять самообладания. Среда будет только через пять дней. *Пять дней.*

— Но он в порядке? — спросила Июна. — Он не пострадал?

— Они позволили нам повидаться лишь одну минуту, — сказал Клейтон. — Но, похоже, он был в порядке.

Снаружи на нас надвигалось ночное небо. Я осознавала и это, осознавала и то, каким тоном Клейтон сказал «похоже, он был в порядке», словно бы все мы прекрасно понимали, что Зак не в порядке, а просто притворяется.

Августа пальцами разгладила себе лоб. Я увидела на ее глазах блестящую пленочку — зарождающиеся слезы. Но внутри ее глаз я видела пламя. Это был настоящий очаг, и возле него можно было согреться или приготовить на нем что-нибудь, чтобы заполнить свою внутреннюю опустошенность. Я чувствовала, что все мы брошены на произвол судьбы и все, что у нас оставалось, — это влажное пламя Августовых глаз. И этого было достаточно.

Розалин посмотрела на меня, и я прочла ее мысли: *Хоть ты и помогла мне смыться из тюрьмы, даже не пытайся удумать что-нибудь подобное*

насчет Зака. Я поняла, как становятся преступниками-рецидивистами. Первое преступление — самое трудное. А после ты уже думаешь: *Ну еще раз. Еще несколько лет в тюрьге. Большое дело.*

— И что вы намерены делать? — спросила Розалин, нависая над Клейтоном, глядя на него сверху вниз. Ее груди покоились на животе, а кулаки были воткнуты в бедра. Она выглядела так.

словно хотела, чтобы каждый из нас набил свой рот табаком и отправился напрямиком в тибуронскую тюрьму плевать людям на ботинки.

В Розалин тоже горел огонь. Не огонь очага, как в Августе, но пламя, которое при необходимости испепелит ваш дом, чтобы уничтожить царящий в нем беспорядок. Розалин напомнила мне статую Нашей Леди в гостиной, и я подумала: *Если Августа — красное сердце на груди Марии, то Розалин — ее кулак.*

— Я сделаю все, что смогу, чтобы его вытащить, — сказал Клейтон, — но боюсь, что ему придется там немного побыть.

Я сунула руку в карман и нащупала там картинку Черной Марии, вспомнив, что я собиралась сегодня рассказать Августе о своей маме. Но как я могла сделать это теперь, когда такое случилось с Заком? Придется подождать, так что я снова окажусь в том коматозном состоянии, в каком пребывала до этого.

— Я не считаю, что Мае необходимо об этом знать, — сказала Июна. — Это ее прикончит. Вы знаете, как она любит этого мальчика.

Все посмотрели на Августу.

— Ты права, — сказала она. — Для Маи это будет уже чересчур.

— А где она? — спросила я.

— У себя, спит, — сказала Розалин. — Она сегодня совсем вымоталась.

Я вспомнила, что видела Маю днем, у стены, выгружающую камни из тележки. Достраивающую свою стену. Словно знала, что вскоре она ей снова понадобится.

* * *

В отличие от тюрьмы в Силване, на окнах тибуронской тюрьмы занавески не висели. Это было здание из серых бетонных блоков, с металлическими окнами и тусклым освещением. Я понимала, что заходить внутрь было для меня крайне глупо. Я скрывалась от правосудия, и вот

теперь я вламываюсь в тюрьму, где полно полицейских, которые, возможно, натасканы выявлять таких, как я. Но Августа спросила, хочу ли я пойти с ней навестить Зака. Как же я могла отказаться?

Полицейский в тюрьме был стрижен ежиком и очень высок, выше чем Нейл, а ведь Нейл был просто гигант. Похоже, полицейский не слишком обрадовался нашему появлению.

— Вы его мать? — спросил она Августу.

Я взглянула на его именной значок. Эдди Хэйзелвурст.

— Я его крестная мать, — сказала Августа, стоя очень прямо, словно бы ей измеряли рост. — А это друг семьи.

Он окинул меня взглядом. Единственное, что казалось ему подозрительным, это как такая белая девочка могла быть другом их семьи. Он взял со стола коричневую папку-скоросшиватель и несколько раз щелкнул зажимом, пытаясь решить, что же с нами делать.

— Ладно, у вас пять минут, — сказал он.

Он открыл дверь в коридор, который привел нас к четырем камерам, расположенным в ряд. В каждой из камер содержался черный мальчик. В нос ударил запах потных тел и застоявшейся мочи. Мне хотелось зажать нос пальцами, но я понимала, что это будет худшей обидой.

Они сидели на скамьеподобных койках, стоящих у стен, и смотрели, как мы идем мимо. Один мальчик кидал пуговицу об стену, играя сам с собой в какую-то игру. Завидев нас, он остановился.

Мистер Хэйзелвурст подвел нас к последней камере.

— Зак Тейлор, у вас посетители, — сказал он и посмотрел на часы.

Когда Зак сделал шаг нам навстречу, я вдруг представила, как на него надевали наручники, снимали отпечатки пальцев, фотографировали, всячески им помыкали. Мне так хотелось протянуть сквозь решетку руки и дотронуться до него, прижать свои пальцы к его коже. Мне казалось, что, только прикоснувшись к нему, я смогу поверить в реальность происходящего.

Когда стало ясно, что мистер Хэйзелвурст не уйдет, Августу заговорила. Она стала рассказывать об одном из ульев, о том, как пчелиное семейство его покинуло.

— Ты его знаешь, — сказала она. — Там еще были проблемы с клещами.

Она подробно рассказала о том, как она рыскала повсюду, в часы заката, прочесывая лес за арбузными бахчами, и наконец нашла пчел на молодой магнолии — рой висел на ней, как черный воздушный шар, застрявший между ветвей.

— Я окурила их, и они попадали в ящик, — сказала она. — И я посадила их назад в улей.

Я думаю, она старалась таким образом уверить Зака, что ей не будет покоя, пока он вновь не окажется с нами. Зак слушал, и глаза его влажно блестели. Похоже, он был рад, что разговор проходил на уровне пчелиных роев.

Я заранее продумала все, что собиралась ему сказать, но теперь не могла ничего вспомнить. Я просто стояла рядом, пока Августа задавала вопросы — как он себя чувствует, что ему нужно?

Я смотрела на него, переполненная нежностью и болью, пытаюсь понять, что же нас связывает. Может, это были какие-то внутренние раны, которые помогали людям находить друг друга и порождали между ними любовь?

Когда мистер Хэйзелвурст сказал: «Время кончилось, пошли», Зак перевел взгляд на меня. У него на виске проступила вена. Я смотрела, как она пульсирует, пропуская через себя кровь. Мне хотелось сказать что-нибудь утешительное, сказать ему, что мы с ним похожи больше, чем ему кажется, но это казалось мне нелепым. Мне хотелось протянуть руку сквозь решетку и коснуться вены на его виске, почувствовать, как бежит по ней кровь. Но я не сделала и этого.

— Ты пишешь в своем блокноте? — спросил он, и в его голосе и лице я вдруг почувствовала отчаяние.

Я посмотрела на него и кивнула. В соседней камере мальчик — Джексон — свистнул, словно он был в театре или на стадионе, превратив момент в глупый и дешевый фарс. Зак посмотрел на него со злостью.

— Пошли, пять минут закончились, — сказал полицейский.

Августа положила руку мне на спину, подталкивая меня к выходу. Но я чувствовала, что Зак хочет о чем-то меня спросить. Он открыл рот и вновь закрыл.

— Я про все это напишу, — сказала я. — Я сделаю из этого рассказ.

Не уверена, что это было именно то, о чем он хотел меня спросить, но это то, чего хотят все, — чтобы кто-то понял твои страдания и придал им смысл.

* * *

Мы не утруждали себя улыбками, даже в присутствии Майи. Когда она

была в комнате, мы не говорили о Заке, но и не вели себя так, словно бы мир был розовым и чудесным. Юна нашла утешение в виолончели, как она всегда делала в моменты печали. А однажды утром, по дороге к медовому домику, Августа остановилась и стала смотреть на следы от шин, оставленных на подъездной дорожке машиной Зака. Было ощущение, что она вот-вот заплачет.

Чем бы я ни занималась, все казалось мне трудным и тяжелым — мыть посуду, стоять на коленях в молитве, даже стягивать покрывало, чтобы залезть в постель.

Второго августа после того, как была помыта оставшаяся от ужина посуда и мы закончили петь «Радуйся, Мария», Августа сказала:

— Хватит хандрить, сегодня мы будем смотреть Эда Салливана.

И как раз этим мы и занимались, когда зазвонил телефон. По сегодняшний день Августа с Юной задают себе вопрос, какой была бы сейчас наша жизнь, если бы вместо Майи на звонок тогда ответила одна из них.

Я помню, что Августа сделала движение к телефону, но Мая была ближе всех к двери.

— Я возьму, — сказала она.

Никто не придавал этому значения. Мы были прикованы к телевизору, к мистеру Салливану, который показывал цирковой номер с обезьянками, катающимися на крошечных мотороллерах по натянутому канату.

Когда, через несколько минут, в комнату вошла Мая, ее взгляд метался с одного лица на другое.

— Это была мама Зака, — сказала она. — Почему вы не сказали мне, что он в тюрьме?

Она стояла там и выглядела такой нормальной. С минуту никто не шевелился. Мы смотрели на нее, словно ожидали, что вот-вот обрушится крыша. Но Мая просто стояла, спокойная как никогда.

Я уже начала думать, что произошло какое-то чудо и она внезапно излечилась.

— Ты в порядке? — спросила Августа, поднимаясь на ноги.

Мая не отвечала.

— Мая, — сказала Августа.

Я даже улыбнулась Розалин, кивнув ей, как бы говоря: *Гляди-ка, как спокойно она это восприняла.*

Августа, однако же, выключила телевизор и, нахмурившись, смотрела на Маю.

Мая стояла, склонив голову набок и упершись взглядом в висящую на

стене вышитую картину, изображающую скворечник. До меня вдруг дошло, что на самом деле она не видит картину. Она глядела сквозь нее.

Августа подошла к Мае.

— Ответь мне. Ты в порядке?

В тишине я слышала, что дыхание Маи стало громким и отрывистым. Она попятилась назад, пока не уперлась в стену. Затем беззвучно сползла на пол.

Я не знаю, когда до нас дошло, что Мая пребывает в некоем недостижимом месте внутри самой себя. Даже Августа с Июной не поняли этого сразу. Они звали ее по имени, словно бы она просто их не слышала.

Розалин наклонилась над Маей и громко говорила, пытаясь к ней достучаться:

— С Заком все будет в порядке. Тебе незачем волноваться. В среду мистер Форрест вытащит его из тюрьмы.

Мая глядела прямо перед собой, словно бы Розалин там не было вовсе.

— Что с ней? — спросила Июна, и в ее голосе зазвучали панические нотки. — Я никогда ее такой не видела.

Мая была и здесь и не здесь. Ее руки безвольно лежали на коленях ладонями вверх. Никаких рыданий в подол платья. Никаких раскачиваний взад-вперед. Никакого дерганья самой себя за косички. Она была такой тихой, такой необычной.

Я стала смотреть в потолок. Я просто не могла этого видеть.

Августа сходила на кухню и вернулась с полотенцем, наполненным льдом. Она притянула к себе Маю, так что ее голова оказалась на Августином плече, и посидела так с минуту, а затем подняла лицо своей сестры и стала прижимать полотенце к ее лбу, вискам и шее. Некоторое время она продолжала это делать, а затем отложила полотенце и принялась хлопать Маю потцекам.

Мая пару раз моргнула и посмотрела на Августу. Она смотрела на нас, сгрудившихся над ней, словно бы возвращалась из далекого путешествия.

— Тебе лучше? — спросила Августа. Мая кивнула.

— Мне уже лучше, — сказала она безо всякого выражения.

— Ну, раз ты можешь говорить, значит, так и есть, — сказала Июна. — Пойдем, примешь ванну.

— Я схожу к стене, — сказала Мая. Июна замотала головой.

— Уже темно.

— Я ненадолго, — сказала Мая. Она прошла на кухню, и мы все проследовали за ней. Она выдвинула ящик комода, взяла фонарик, блокнот, огрызок карандаша и вышла на крыльцо. Я представила, как она пишет:

«Зак в тюрьме» — и запихивает это в щель между камней.

Я подумала, что следовало бы поблагодарить в отдельности каждый из камней, за все то человеческое горе, которое они на себя приняли. Нужно поцеловать их одного за другим, и сказать: *Простите нас, но Мае необходимо верить свое горе чему-то твердому и надежному, и она выбрала вас. Да будут благословенны ваши каменные сердца.*

— Я пойду с тобой, — сказала Августа.

Мая повернула голову:

— Нет, Августа, я пойду одна. Августа попробовала протестовать:

— Но...

— Я одна, — сказала Мая, повернувшись к нам. — Я одна.

Мы смотрели, как она спускается по ступенькам и идет между деревьев. В жизни есть вещи, которые невозможно забыть, как бы ты ни старался, и это зрелище было одним из них: Мая, идущая между деревьями, и маленький кружок света, прыгающий перед ней. Затем — лишь темнота.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Жизнь пчел коротка. В течение весны и лета — самого напряженного периода заготовки корма — рабочая пчела, как правило, не живет дольше пяти-шести недель... Подвергаемые разнообразным опасностям во время своих полетов, многие рабочие особи погибают прежде, чем достигают хотя бы этого возраста.

«Танцующие пчелы»

Я сидела на кухне с Августой, Июной и Розалин, а наш дом окружала ночь. Май не было уже целых пять минут, когда Августа встала и принялась ходить взад-вперед. Она выходила на крыльцо и возвращалась назад, а затем вновь выходила и глядела в сторону стены.

Через двадцать минут она сказала:

— Все. Пойдемте ее найдем.

Она достала фонарь из грузовика и зашагала к стене, а мы с Июной и Розалин двинулись за ней, стараясь не отставать. Ночная птица пела, сидя на ветке, — пела о том, что было у нее на душе, взволнованно и настойчиво, словно бы воспевала в небе луну.

— Ма-а-а-я! — звала Августа. Затем звала Июна. Затем Розалин и я. Мы шли, постоянно выкрикивая ее имя, но не получали ни звука в ответ. Лишь птица без усталости продолжала свое пение.

Пройдя из одного конца стены плача к другому, мы вернулись назад и снова пошли вдоль нее, словно бы на этот раз мы собирались сделать это как следует. Идти медленнее, смотреть внимательнее, звать громче. На этот

раз Мая окажется там, стоя на коленях и с севшими батарейками в фонаре. И мы подумаем: *Боже, как же мы в первый раз ее не заметили?*

Однако же этого не случилось, так что мы углубились в лес за стеной, зовя ее все громче и громче, пока наши голоса не охрипли. Но никто из нас не сказал: *Происходит нечто ужасное.*

Несмотря на ночь, жара не спадала, и я чувствовала сырой запах наших тел. Мы прочесывали лес пятном света диаметром четыре дюйма. Наконец Августа сказала:

— Июна, иди в дом и вызови полицию. Скажи, нам нужна помощь, чтобы найти нашу сестру. После того, как позвонишь, встань на колени перед Нашей Леди и попроси ее хранить Мая. Затем возвращайся. Мы пойдем к реке.

Июна помчалась к дому. Мы слышали, как она ломится сквозь кусты. Мы направились к реке. Ноги Августы двигались все быстрее и быстрее. Розалин изо всех сил старалась не отставать, хватая ртом воздух.

Дойдя до реки, мы на секунду остановились. Я жила в Тибуроне уже достаточно долго, чтобы луна успела умереть и вновь стать полной. Она нависала над рекой, то выглядывая, то исчезая за облаками. Я глядела на дерево по ту сторону реки, чьи кривые корни торчали над землей, и чувствовала сухой металлический привкус, возникший у меня в горле и ползущий по языку вверх.

Я потянулась к руке Августы, но в этот момент она повернулась направо и пошла вдоль берега, выкрикивая Маино имя.

— Ма-а-а-я!

Мы с Розалин следовали за ней неуклюжей группкой, так близко, что, должно быть, ночным существам мы казались единым шестиногим организмом. Я удивилась, когда молитва, которую мы произносили с четками каждый вечер, самопроизвольно зазвучала где-то в глубинах моей головы. Я отчетливо слышала каждое ее слово: *Радуйся, Мария, благодати полная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего Иисус. Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных, ныне и в час смерти нашей. Аминь.*

И лишь когда Августа вдруг сказала: «Правильно, Лили, нам всем нужно помолиться», я осознала, что произношу это вслух. Не знаю, произносила ли я это как молитву или просто бормотала, чтобы заглушить страх. Августу начала молиться вместе со мной, а затем к нам присоединилась и Розалин. Мы шли вдоль реки, и слова развивались в ночи за нашими спинами, словно ленты.

Июна возвращалась еще с одним фонарем, который она откопала где-

то в доме. Пятно фонаря металось из стороны в сторону, когда она шла по лесу.

— Сюда! — крикнула Августа, направляя свой фонарь на деревья. Мы подождали, пока Июна подошла к берегу.

— Полиция уже едет, — сказала она.

Сюда едет полиция. Я посмотрела на Розалин, на уголки ее губ, изогнувшиеся книзу. Полицейские не узнали меня, когда я пришла в тюрьму; оставалось надеяться, что и с Розалин им не повезет.

Июна выкрикивала Маино имя, стремительно шагая в темноте по берегу, и Розалин спешила за ней. Но Августа теперь двигалась медленнее, осторожнее. Я шла за ней вплотную, произнося про себя «Радуйся, Мария» быстрее и быстрее.

Вдруг Августа встала как вкопанная. Я тоже остановилась. И я больше не слышала пения ночной птицы.

Я смотрела на Августу не отрываясь. Она стояла, напрягшись, и внимательно всматривалась во что-то на берегу. Во что-то, чего я не могла разглядеть.

— Июна, — позвала она странным, сдавленным голосом, но Июна с Розалин ушли уже далеко и не слышали. Слышала только я.

Воздух казался плотным и осязаемым, слишком густым, чтобы дышать. Я сделала шаг и встала возле Августы, так, что мой локоть касался ее руки — мне было необходимо чувствовать ее рядом с собой. И я увидела фонарь Маи, выключенный, лежащий на влажной земле.

Сейчас мне кажется странным то, что мы простояли там целую минуту — я ждала, что Августа что-нибудь скажет, но она ничего не говорила, просто стояла, пытаясь понять, что же происходит. Поднялся ветер, царапая ветви деревьев, ударяя нам в лица жарким дыханием, словно мы находились у врат ада. Августа поглядела на меня, а затем направила луч своего фонаря на воду.

Луч скользил по поверхности, разбрызгивая золотистые блики, и вдруг резко остановился. В реке, под самой поверхностью воды, лежала Мая. Ее глаза были широко открыты и не мигали, а подол платья колыхался, увлекаемый течением.

Я услышала, как с губ Августы сорвался какой-то звук — едва различимый стон.

Я, в отчаянии, схватила Августу за руку, но она вырвалась, уронила фонарь и вошла в реку.

Я вошла за ней. Река бурлила вокруг моих ног, и я, поскользнувшись, упала. Я пыталась схватиться за юбку Августы, но промахнулась. С

плеском, мне удалось подняться.

Когда я дошла до нее, Августа стояла над своей младшей сестрой.

— Июна! — кричала она. — Июна!

Мая лежала на глубине двух футов, и на груди у нее был огромный речной камень. Он придавил ее тело, удерживая его на дне. Глядя на нее, я думала: *Сейчас она встанет. Августа откатит камень, и Мая поднимется, чтобы глотнуть воздуха, и мы вместе вернемся в дом и обсушим ее.* Мне хотелось нагнуться и потрогать ее, потрепать ее по плечу. Она не могла так просто умереть здесь, в реке. Это было невозможно.

Единственными частями ее тела, которые не лежали на дне, были руки. Они покачивались на поверхности, как чашечки с неровными краями, и вода шевелила их пальцы. Мне до сих пор это снится, и я просыпаюсь в холодном поту — не глаза, открытые и немигающие, и не камень, лежащий на ее груди, как могильная плита. Ее руки.

Июна с плеском вошла в воду. Дойдя до Майи, она, тяжело дыша, встала рядом с Августой. Ее руки безвольно свисали вдоль тела.

— О, Мая, — прошептала она и отвернулась. Взглянув в сторону берега, я увидела Розалин, стоящую по щиколотку в воде, дрожащую всем телом.

Августа встала на колени и столкнула камень с груди Майи. Схватив сестру за плечи, она подняла ее. Разрывая поверхность воды, тело издало кошмарный сосущий звук. Голова запрокинулась, и я увидела, что ее рот полуоткрыт и в зубах застряла грязь. В косичках запутались кусочки тростника. Я отвернулась. Я уже знала. *Мая была мертва.*

Августа это тоже знала, но все же приложила ухо к сердцу Майи и стала слушать. Минуту спустя она распрямилась и притянула голову Майи к своей груди, и было похоже, что она хочет, чтобы теперь Мая послушала ее сердце.

— Мая умерла, — сказала Августа.

Меня затрясло. Я слышала, как мои зубы стучат друг о друга. Августа с Июной просунули руки под Маю и с трудом потащили ее к берегу. Мая вся пропиталась водой и раздулась. Я схватила ее за ноги, пытаюсь помочь. Похоже, река унесла ее ботинки.

Когда они уложили Маю на берегу, изо рта и ноздрей у нее хлынула вода. Я подумала: *Вот так же и Нашу Леди вынесли на берег возле Чарлстона. Посмотрите на ее пальцы, на ее руки. Они бесценны.*

Я представила, как Мая закатила камень с берега в воду, затем легла и положила его на себя. Она держала его крепко, словно ребенка, и ждала, пока заполнятся ее легкие. Я не знала, дергалась ли она и пыталась ли

всплыть на поверхность в свои последние мгновения или ушла без борьбы, обняв камень, позволив ему впитать всю свою боль. Я подумала о существах, проплывающих мимо нее, пока она умирала.

Июна с Августой, вымокшие до нитки, стояли, опустив головы, по бокам от Майи, а комары продолжали петь свою песню, и река продолжала свой бег, извиваясь в темноте. Я была уверена, что они тоже представляют себе последние минуты Маиной жизни, но в их лицах уже не было страха, одно лишь скорбное принятие. Случилось то, чего они ожидали половину своей жизни, сами того не осознавая.

Августа попыталась пальцами закрыть Мае глаза, но они все равно оставались полуоткрыты.

— Прямо как Апрелия, — сказала Июна.

— Пожалуйста, посвети на Маю, — сказала ей Августа. Она произнесла эти слова тихо и твердо. Я едва расслышала их за буханьем своего сердца.

В тусклом свете фонаря Августа вынула крошечные зеленые листочки, застрявшие в Маиных косичках, и положила их в карман.

Августа с Июной пытались отчистить кожу и одежду Майи от речного мусора, а Розалин, бедная Розалин, которая лишилась своей недавно обретенной лучшей подруги, стояла, не издавая ни звука, и ее подбородок так трясся, что мне захотелось подойти и придержать его.

И тогда звук, который я никогда не забуду, вырвался изо рта Майи — долгий, булькающий выдох, и все мы озадаченно переглянулись, на мгновение вновь обретая надежду, словно бы вот-вот могло произойти чудеснейшее из чудес, но это был всего лишь пузырь воздуха, внезапно вырвавшийся наружу. Он прокатился по моему лицу, обдав его запахом реки, запахом заплесневелого дерева.

Я взглянула на Маино лицо и почувствовала приступ тошноты. Дойдя, спотыкаясь, до деревьев, я согнулась пополам, и меня вырвало.

Вытерев рот краем рубашки, я услышала, как темноту разорвал вопль, столь пронзительный, что у меня зашло сердце. Оглянувшись, я увидела Августу в луче фонаря Июны. Звук исторгался из глубины ее горла. Когда он затих, голова Августы бессильно упала на мокрую Маину грудь.

Я схватилась за ветку молодого кедра и сжала изо всех сил, словно бы все, что у меня было, вот-вот могло выскользнуть из моих рук.

* * *

— Так, значит, ты сирота? — сказал полицейский. Это был тот самый высокий, стриженный ежиком Эдди Хэйзелвурст, сопровождавший нас с Августой в тюрьме к Заку.

Мы с Розалин сидели в креслах-качалках в гостиной, а он стоял перед нами с блокнотом в руках, готовый фиксировать каждое наше слово. Другой полицейский находился снаружи, ища что-то возле стены плача — что именно, я не могла себе даже представить.

Мой стул раскачивался так быстро, что я рисковала из него вылететь. Розалин, однако же, сидела неподвижно, и на лице ее было подавленное выражение.

Когда мы, оставив Маю у речки, вернулись к дому, то застали там двух полицейских, и Августа отослала меня с Розалин наверх.

— Поднимитесь в комнату и обсушитесь, — велела она.

Я скинула ботинки, стянула с себя платье и вытерлась полотенцем, а затем присоединилась к Розалин у окна. Мы видели, как санитары на носилках принесли Маю из леса, и слышали, как полицейские задают Августе с Июной разнообразные вопросы. Их голоса доносились до нас изнутри дома: *Да, последнее время она была подавлена. Ну, на самом деле, такое состояние было для нее типичным. Она была не вполне здорова. Похоже, она не отличала чужие страдания от своих. Нет, мы не находили записку. Вскрытие? Да, мы понимаем.*

Мистер Хэйзелвурст хотел поговорить со всеми — так мы и оказались в креслах-качалках. Я рассказала ему все в подробностях, с момента, когда Мая ответила на телефон, до момента, когда мы нашли ее в реке. И тогда он перешел к личным вопросам. Не я ли была той девочкой, что приходила на прошлой неделе в тюрьму повидаться с одним из цветных парней? Почему я здесь живу и что я здесь делаю? Кем мне приходится Розалин?

Я рассказала ему, как умерла моя мама, когда я была совсем маленькой и как мой отец отправился к праотцам в начале этого лета, попав под трактор. Я ни на йоту не отступила от своей легенды. Розалин, сказала я, была моей няней.

— Думаю, меня можно назвать сиротой, — говорила я. — Но у меня есть родственники в Виргинии. Предсмертным желанием моего отца было, чтобы я отправилась жить к своей тетушке Верни. Она ждет нас обеих — меня и Розалин. Она вышлет нам денег на автобус или сама приедет сюда на машине и заберет нас. Она все время говорит: «Лили, я не могу дожидаться, когда вы ко мне приедете». И я ей отвечаю: «Мы приедем не позднее начала учебного года». Я буду старшеклассницей, даже не верится!

Его глаза сузились, словно ему было нелегко уследить за ходом моих

мыслей, хоть он и очень старался. Я нарушала все правила успешного вранья. *Не болтай столько*, повторяла я себе, но, похоже, была не в силах остановиться.

— Я так рада, что еду туда жить. Она такая душка. Вы не поверите, сколько всего она мне прислала за эти годы. Особенно украшений и игрушечных медвежат. Просто — одного медвежонка за другим.

Хорошо хоть Августа с Июной не присутствовали при всем этом. Они поехали на своем грузовике вслед за санитарной машиной, чтобы проследить, что тело Май будет доставлено в целости и сохранности туда, куда следует. Плохо было то, что в комнате была Розалин. Я все время боялась, что она вмешается, сказав что-нибудь вроде: *На самом деле мы приехали сюда сразу после того, как Лили вытащила меня из тюрьмы*. Но она сидела, погрузившись в себя, и не издавала ни звука.

— Напомни мне свою фамилию, — сказал он.

— Уильямс, — ответила я. Я называла свою фамилию уже дважды, так что решила, что требования к образованию для служащих полиции Тибурона были не слишком высоки. То же самое, похоже, было и в Силване.

Он распрямил плечи и стал еще выше.

— Вот чего я не понимаю: если ты собираешься жить у своей тети в Виргинии, то что ты делаешь здесь?

Понимать этот вопрос следовало так: *Я не могу понять, что делает белая девочка в доме цветных* Я вздохнула.

— Видите ли, моей тетушке Верни должны были сделать операцию. Женская болезнь. И тогда Розалин сказала: «Почему бы нам с тобой не пожить у моей подруги Августы Боутрайт в Тибуроне, пока тетя Верни не оклемается?» Не было никакого смысла туда ехать, пока она в больнице.

Он все это записал. *Зачем?* Мне хотелось крикнуть ему: *Вы здесь не из-за меня, Розалин или операции тетушки Берни. Вы здесь из-за Май. Она умерла, или вы еще не заметили?!*

Я должна была быть в своей комнате и орошать слезами свою кровать, а вместо этого я сидела здесь, ведя с ним наиглупейшую беседу во всей моей жизни.

— И у тебя не было в Спартанбурге каких-нибудь белых людей, чтобы пожить пока у них?

Перевод: *Все что угодно лучше, чем жить в доме цветных.*

— Нет, сэр, к сожалению, нет. У меня было не так уж много друзей. Мне почему-то не удавалось ладить с людьми. Думаю, это потому, что у меня были такие высокие оценки. Одна женщина в церкви сказала, что я

могу пожить у нее, пока тетушка Берни не выздоровеет, но потом у нее начался опоясывающий лишай, и мы решили поехать сюда.

Боже Всемогущий! Кто-нибудь, остановите меня.

Он посмотрел на Розалин.

— Откуда вы знаете Августу?

Я затаила дыхание, осознав, что мое кресло-качалка стоит теперь как вкопанное.

— Она двоюродная сестра моего мужа, — сказала Розалин. — Мы с ней поддерживали связь и после того, как муж меня бросил. Августа была единственной среди его родственников, кто понимал, каким он был убогим придурком. — Она покосилась на меня, словно бы говоря: *Вот видишь? Не ты одна умеешь сочинять на ходу.*

Он захлопнул свой блокнот и, поманив меня пальцем, вышел за дверь. Я вышла за ним вслед. Там он сказал:

— Послушай моего совета: позвони своей тете и вели ей приехать и забрать тебя, даже если она и не совсем здорова. Здесь живут цветные. Ты понимаешь, о чем я?

Я наморщила лоб.

— Нет, сэр, боюсь, что нет.

— Я только хочу сказать, что это противоестественно и что тебе не подобает... унижаться. Я скоро снова приду, и лучше, чтобы тебя здесь уже не оказалось. Ладно? — Он улыбнулся и положил свою непомерную ладонь мне на голову, словно мы были двумя белыми, пришедшими к тайному соглашению.

— Ладно.

Я закрыла за ним дверь. Что бы ни помогало мне до сих пор держаться — больше оно не действовало. Когда я вернулась в гостиную, я уже начала всхлипывать. Розалин обняла меня одной рукой, и я увидела, что по ее лицу тоже текут слезы.

Мы поднялись в комнату, которую она делила с Маей. Розалин стянула покрывало со своей постели.

— Давай залезай, — сказала она мне.

— А ты где будешь спать?

— Здесь, — ответила она, откидывая покрывало с постели Майи — розово-коричневое шерстяное покрывало, которое Мая сама связала. Розалин залезла в постель и вжалась лицом в подушку. Я знала, что она хочет почувствовать Маин запах.

Вы бы подумали, что мне приснится Мая, но, когда я заснула, мне явился Зак. Я даже не запомнила, что именно происходило во сне. Я

проснулась, часто и тяжело дыша, и я просто знала, что мне снился Зак. Он казался близким и реальным, словно бы я могла сесть в кровати и коснуться пальцами его щеки. Затем я вспомнила, где он сейчас находится, и на меня навалилась невыносимая тяжесть. Я представила его койку с ботинками под ней, представила, как он, возможно, в этот самый миг лежит без сна и глядит в потолок, слушая дыхание других ребят.

С другого конца комнаты донеслось шуршание, и какое-то мгновение я не могла понять, где я. Находясь в полусне, я думала, что я в медовом домике, но потом до меня дошло, что этот звук издает Розалин, ворочаясь на постели. И тогда я вспомнила Маю. Я вспомнила, как она лежала в реке.

Мне пришлось встать, пройти в ванную и ополоснуть лицо. Я стояла там, в тусклом ночном свете, когда, случайно взглянув вниз, увидела красные носки, которые Мая надела на фаянсовые ножки ванны. И я не смогла сдержать улыбку. Эту черту Маи мне хотелось запомнить навсегда.

Я закрыла глаза, и в моей голове, одна за другой, стали возникать картины. Я увидела ее спиралевидные косички, искрящиеся под струей воды из шланга, ее пальцы, ломающие крекеры, трудящиеся, чтобы спасти жизнь единственному таракану. И ту шляпу, что она надевала в тот день, когда мы танцевали конгу с Дочерьми Марии. Но больше всего мне виделось пламя любви и страдания, которое столь часто озаряло лицо Маи.

В конце концов оно ее и сожгло.

* * *

После вскрытия, после того, как полиция официально зарегистрировала ее самоубийство, и после того, как в похоронном бюро Маю привели в порядок, она вернулась в розовый дом. Рано утром в среду, пятого августа, на подъездную дорожку въехал черный катафалк, и четверо мужчин в темных костюмах подняли гроб с Маей и перенесли его в гостиную. Когда я спросила Августу, зачем гроб занесли в дом, она ответила:

— Мы будем сидеть с ней, пока ее не похоронят. Я этого не ожидала, поскольку в Силване все, кого я знала, везли своих умерших близких из похоронного бюро прямо на кладбище. Августа сказала:

— Мы будем сидеть возле нее, чтобы хорошенько с ней попрощаться. Это называется бдением. Иногда до людей не сразу доходит, что такое смерть, и они не могут как следует попрощаться. Бдение поможет нам это

сделать. Если покойник будет находиться в гостиной, это, несомненно, донесет до нас смысл смерти.

Было странно осознавать, что в доме мертвец, но если это поможет нам с ним попрощаться, тогда ладно, это я понимаю.

— Мае это тоже поможет, — сказала Августа.

— Поможет Мае?

— Ты знаешь, что у нас всех есть душа, и, когда мы умираем, она возвращается к Богу. Но никто не знает, сколько это займет времени. Может, это займет долю секунды, а может, неделю или две. Но в любом случае, когда мы будем сидеть с Маей, мы будем говорить: «Все нормально, Мая, мы знаем, что здесь твой дом, но теперь ты можешь идти. Все будет в порядке».

Августа попросила мужчин подкатить гроб, стоящий на специальном столике на колесиках, к скульптуре Нашей Леди в Оковах, и снять крышку. Когда люди из похоронного бюро уехали. Августа и Розалин подошли к гробу и посмотрели на Маю, а я все не могла решиться. Я бродила вокруг, изучая себя в каждом зеркале, но тут к нам спустилась Июна с виолончелью и начала играть. Она сыграла «О, Сюзанна!», чем заставила нас улыбнуться. Ничто не поможет вам расслабиться лучше, чем небольшая шутка во время бдения. Я подошла к гробу и встала между Августой и Розалин.

Это была все та же старая добрая Мая, не считая того, что ее кожа туго обтягивала лицевые кости. Под ярким светом лампы она буквально сияла. На ней было ярко-синее платье, которого я ни разу не видела, с перламутровыми пуговицами и овальным вырезом, и ее голубая шляпа. Мая выглядела так, словно в любую секунду могла распахнуть глаза и улыбнуться.

Эта женщина легко могла научить мою маму любым возможным способам избавиться от тараканов, не ссорясь с ними. Я на пальцах сосчитала дни, прошедшие с тех пор, как Мая рассказала мне, как моя мама здесь жила. Шесть. Но мне казалось, что прошло шесть месяцев. Мне все еще нестерпимо хотелось рассказать Августе все, что я знала. Думаю, я могла бы поговорить с Розалин, но я хотела рассказать именно Августе. Лишь она знала, что все это значит.

Стоя возле гроба, я взглянула на Августу и ощутила мощный позыв рассказать ей все прямо сейчас. Выпалить ей в лицо: *Я не Лили Уильямс, я — Лили Оуэнс, и та женщина, что здесь жила, была моей мамой. Мая мне рассказывала. И тогда бы все тайное стало явным. И пускай случатся любые ужасные вещи. Когда я вновь посмотрела на Августу, она вытирала*

с лица слезы, ища в кармане платок, и я подумала, что будет крайне эгоистично вылить все это в ее чашу, когда она и без того была до краев наполнена скорбью.

Июна играла с закрытыми глазами, играла так, словно от нее зависело, попадет ли Мая на небеса. Вы в жизни не слышали подобной музыки — она заставляла нас верить, что смерть была лишь входом в иной мир.

Августа и Розалин в конце концов сели, но я, оказавшись у гроба, обнаружила, что отойти от него не так-то просто. Руки Маи были скрещены на груди, как сложенные крылья, — эта поза казалась мне не слишком лестной. Я взяла ее за руку. Рука оказалась холодной, как воск, но мне было все равно. *Надеюсь, в раю ты будешь счастливее*, сказала я ей. *Надеюсь, тебе там больше не понадобится никакой стены. А если ты увидишь Марию, Нашу Леди, скажи ей, что мы знаем, что Иисус — главный среди всех, но мы делаем все, что можно, чтобы память о ней не угасла.* Мне почему-то казалось, что душа Маи парит в углу комнаты под потолком и слышит каждое мое слово, хотя я ничего не произносила вслух.

И я бы хотела, чтобы ты встретилась с моей мамой, сказала я. *Скажи ей, что ты меня видела и что я, по крайней мере пока, вдали от Т. Рэя. Передай ей эти слова: «Лили будет очень благодарна, если ты пошлешь знак, который сказал бы ей, что ты ее любишь. Не обязательно что-нибудь большое, но, пожалуйста, пошли хоть что-нибудь».*

Я глубоко вздохнула, все еще держа ее руку и удивляясь, какими огромными казались ее пальцы по сравнению с моими. *Мне кажется, теперь мы попрощались*, сказала я ей. По моему телу прошла дрожь, и я почувствовала жжение под веками. Слезы соскальзывали с моих щек и капали Мае на платье.

Однако прежде чем отойти, я слегка изменила ей позу. Я сложила вместе ее руки и подоткнула их Мае под подбородок, словно бы она всерьез задумалась над своим будущим.

* * *

В то утро, в десять часов, пока Июна продолжала играть для Маи, а Розалин околачивалась на кухне, я сидела на ступеньках заднего крыльца со своим блокнотом, пытаюсь все записать. Но на самом деле я поджидала Августу. Она ушла к стене плача. Я представляла, как она стоит там, вверая свою боль щелям между камней.

К тому моменту, как я увидела, что она возвращается, я уже перестала писать и бездумно рисовала каракули на полях блокнота. Вдруг, на полпути, Августа застыла и стала разглядывать что-то на подъездной дорожке, рукой прикрывая глаза от солнца.

— Посмотрите, кто едет! — вдруг крикнула она и сорвалась с места.

Я до сих пор ни разу не видела, чтобы Августа бегала, и было невероятным, как быстро, огромными скачками, она пересекла лужайку.

— Это Зак! — крикнула она мне, и я, отбросив свой блокнот, мигом слетела со ступенек.

Я услышала, как Розалин на кухне закричала Июне, что приехал Зак, и как музыка оборвалась на середине ноты. Когда я добежала до подъездной дорожки, Зак уже вылезал из машины Клейтона. Августа обвила его руками. Клейтон смотрел в землю и улыбался.

Когда Августа выпустила Зака из своих объятий, я обратила внимание на то, как он исхудал. Он стоял, глядя на меня. Я не могла понять, что выражает его лицо. Я подошла к нему, надеясь, что смогу найти верные слова. Ветер бросил прядку волос мне на лицо, и Зак протянул руку и откинул ее назад. Затем он крепко прижал меня к своей груди и несколько секунд не отпускал.

— Ты в порядке? — спросила Июна, глядя его по щеке. — Мы жутко волновались.

— *Теперь* в порядке, — сказал Зак. Но что-то неуловимое в его лице пропало.

Клейтон сказал:

— Девушка, продающая билеты в кинотеатре... ну, она, похоже, все видела. Это заняло у нее много времени, но она наконец рассказала полицейским, кто из ребят бросил бутылку. Так что они сняли с Зака обвинение.

— Ну, слава Богу, — сказала Августа, и было похоже, что все мы одновременно с облегчением вздохнули.

— Мы просто хотели заехать, чтобы сказать, как нам жаль Маю, — сказал Клейтон. Он обнял Августу, а затем Июну. Повернувшись ко мне, он положил руки мне на плечи — не обнял, но почти.

— Лили, я так рад тебя снова увидеть, — сказал он и посмотрел на Розалин, которая мялась возле машины. — И вас тоже, Розалин.

Августа взяла Розалин за руку и притянула ближе к нам, после чего руку так и не отпустила — то же самое она частенько делала с рукой Маи. И тут я внезапно поняла, что она любит Розалин. Что она бы с удовольствием изменила имя Розалин на Июлию и приняла бы ее в свое

женское братство.

— Я не мог этому поверить, когда мистер Форрест рассказал мне про Маю, — сказал Зак.

Когда мы шли к дому, чтобы Клейтон и Зак тоже смогли попрощаться с Маей, я думала: *Нужно было завить волосы. Нужно было сделать себе эту высокую прическу по новой моде.*

Мы все встали вокруг Маи. Клейтон склонил голову, но Зак смотрел ей прямо в лицо.

Мы всё стояли и стояли. Розалин принялась тихонько мычать какую-то мелодию, наверное от неловкости, но и она наконец прекратила.

Я поглядела на Зака и увидела слезы на его щеках.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Это все я виноват. Если бы я сказал им, кто бросил бутылку, меня бы не арестовали, и ничего бы этого не случилось.

Я надеялась, что он никогда не узнает, что именно из-за его ареста Мая отправилась к реке. Но надежда не оправдалась.

— Кто тебе сказал? — спросила я.

Он махнул рукой, как если бы это было не важно.

— Моя мама узнала об этом от Отиса. Она не хотела мне рассказывать, но потом поняла, что рано или поздно я все равно узнаю. — Он вытер лицо. — Если бы я не...

Августа подошла и коснулась руки Зака. Она сказала:

— В таком случае, я могла бы сказать, что если бы я с самого начала рассказала Мае о твоём аресте, вместо того, чтобы скрывать это от нее, ничего бы этого не случилось. Или если бы я не позволила Мае пойти в ту ночь к стенке, ничего бы этого тоже не случилось. Что, если бы я не ждала так долго, прежде чем отправиться на ее поиски... — Августа посмотрела на тело Маи. — Зак, Мая сама это сделала.

Однако я все равно опасалась, что вина найдет способ к ним пристать. С виной всегда так.

* * *

— Нам бы не помешала твоя помощь, чтобы завесить ульи, — сказала Августа Заку, когда Клейтон собрался уезжать. — Ты помнишь, как мы делали это, когда умерла Эстер?

Посмотрев на меня, Августа сказала:

— Эстер была Дочерью Марии. Она умерла в прошлом году.

— Конечно, я останусь и помогу, — сказал Зак.

— Хочешь с нами, Лили? — спросила Августа.

— Да, мэм.

Завешивать ульи — я не имела ни малейшего понятия, что это значит, но вы бы не заставили меня это пропустить, даже заплатив полсотни долларов.

Попрощавшись с Клейтоном, мы надели шляпы с сетками и направились к ульям, неся охапки черного крепа, нарезанного огромными квадратами. Августа показала, как повесить таким квадратом улей, закрепив его кирпичом и удостоверившись, что отверстие для вылета пчел остается свободным.

Я наблюдала, как Августа на несколько секунд останавливалась перед каждым ульем, сцепив пальцы под подбородком. *Для чего мы это делаем?* — хотелось мне знать, но все это выглядело каким-то священным ритуалом, который не стоило прерывать.

Когда мы накрыли все ульи, то встали под соснами и посмотрели на них — на этот городок с черными домиками. Обитель скорби. Даже жужжание, исходящее из-под черной материи, казалось печальным — низким и тягучим, как гудок корабля в ночном тумане.

Августа стянула шляпу и направилась к садовым стульям на заднем дворике, и мы с Заком последовали за ней. Сев так, что солнце светило нам в спины, а перед нами ширилась стена плача.

— В давние времена, когда кто-нибудь в семье умирал, пчеловоды всегда накрывали свои ульи, — сказала Августа.

— Зачем? — спросила я.

— Ульи накрывали затем, чтобы пчелы не улетели. Понимаешь, меньше всего пчеловодам хотелось, чтобы пчелы объединились в рой и улетели как раз тогда, когда кто-то умер. Считалось, что благодаря пчелам умерший возродится вновь.

Мои глаза расширились.

— Правда?

— Расскажите ей про Аристеуса, — сказал Зак.

— Да, конечно же — Аристеус. Каждый пчеловод должен знать эту историю.

Она улыбнулась мне так, что я почувствовала, что сейчас произойдет вторая часть Инициации Пчеловода. Первой частью был пчелиный укус.

— Аристеус был самым первым пчеловодом. И однажды все его пчелы умерли — это было наказанием Богов за какие-то его дурные поступки.

Боги приказали ему принести в жертву быка, чтобы они увидели, что он раскаивается, а через девять дней прийти к туше и заглянуть быку вовнутрь. И Аристеус сделал все так, как ему велели. А когда на девятый день он вернулся, то увидел рой пчел, вылетающий из быка. Это были его возродившиеся пчелы. Он забрал их домой и посадил в свои ульи, и с тех пор люди верят, что пчелы обладают властью над смертью. Именно поэтому греческие цари стали строить свои могилы в форме ульев.

Зак сидел, упершись локтями в свои колени, и смотрел на кружок травы, все еще буйно-зеленый после наших плясок со шлангом.

— Пчела летает — душа оживает, — сказал он. Я посмотрела на него, не понимая.

— Это старая поговорка, — сказала Августа. — Она означает, что, если рядом есть пчелы, то человек возродится в следующей жизни.

— Это из Библии? — спросила я. Августа рассмеялась.

— Нет. Но во времена, когда христиане прятались от римлян в катакомбах, они выцарапывали на стенах изображения пчел. Так они напоминали друг другу, что после смерти они воскреснут.

Я подложила руки себе под колени и распрямилась, пытаюсь представить себе катакомбы.

— Вы думаете, обернув ульи черной тканью, мы поможем Мае попасть на небо? — спросила я.

— Ни коим образом, — сказала Августа. — Мы делаем это для себя. Чтобы помнить — жизнь уступает место смерти, а затем смерть опять уступает место жизни.

Я откинулась на стуле и стала смотреть в небо — оно было бескрайним и накрывало весь мир, как крышка улья. Больше всего мне хотелось, чтобы мы могли похоронить Маю в могиле в форме улья. И чтобы я сама могла лечь в такую же могилку и родиться снова.

* * *

Дочери Марии приехали под завязку нагруженные едой. Когда я видела их в последний раз, у Куини с ее дочерью Виолеттой были самые маленькие шляпки во всей компании, а на этот раз они и вовсе пришли без шляп. Я думаю, это было потому, что Куини гордилась своей сединой и не желала ее прикрывать, а Виолетта, которой было как минимум лет сорок, не стала надевать шляпу, раз мама ее не надела. Если бы Куини пошла на

кухню и сунула голову в духовку, Виолетта сделала бы то же самое.

У Люнель, Мабель, Кресси и Сахарка на головах были черные шляпы. Эти шляпы не были столь же импозантными, как в прошлый раз, — одна лишь Люнель украсила свой головной убор красной вуалью и красным пером. Едва войдя в дом, Дочери Марии сняли шляпы и положили их рядом на пианино, так что возникал законный вопрос: *Какой же в этом смысл?*

Они прошли на кухню и стали нарезать ветчину. И выкладывать жареных куриц. Там были еще зеленые бобы, турнепс, макароны с сыром, карамельный торт — традиционная похоронная еда. Мы ели ее, стоя на кухне, держа в руках картонные тарелочки и говоря о том, как бы Мае все это понравилось.

Потом мы прошли в гостиную посидеть с Маей. Дочери пустили по кругу деревянную миску, наполненную чем-то, что они называли манной: соленая смесь из семян подсолнуха, кунжута, тыквы и граната, сбрызнутая медом и прожаренная. Они ели это горстями, приговаривая, что в жизни бы не стали сидеть с покойником, не будь этих семян. Семена берегут живых от отчаяния — так они объяснили.

Мабель сказала:

— Она такая красивая — правда ведь, красивая? Куини фыркнула:

— Если она такая красивая, почему бы нам не выставить ее в похоронном бюро в окне для автомобилей.

— Куини, что ты такое говоришь! — вскричала Мабель.

Кресси заметила, что мы с Розалин сидим, ничего не понимая, и сказала:

— В городском похоронном бюро есть окно с подъездом для автомобилей. Раньше там был банк.

— Теперь они ставят открытый гроб прямо в том окне, где раньше мы обналичивали чеки, заезжая туда на машинах, — сказала Куини. — Люди могут проезжать и, не выходя из машин, выражать свои соболезнования. Вам даже выдвинут гостевую книгу в кассовом ящичке, чтобы вы могли расписаться.

— Вы шутите, — сказала Розалин.

— Отнюдь, — сказала Куини. — Мы совершенно серьезны.

Но на самом деле они вовсе не выглядели серьезными. Они чуть ли не падали друг на друга от смеха, а ведь рядом лежала мертвая Мая.

Люнель сказала:

— Однажды я заехала туда попрощаться с миссис Ламер, когда та умерла, — ведь я работала у нее, еще в незапамятные времена. Женщина,

сидевшая в окне возле гроба, служила там раньше кассиршей, и когда я уже выезжала, она сказала: «Всего доброго, ждем вас снова».

Я повернулась к Августе, которая, смеясь, вытирала глаза. Я сказала:

— Вы ведь не позволите выставить Маю в банковском окне?

— Милочка, не беспокойся, — сказала Сахарок. — Окно для автомобилей есть только в похоронном бюро для белых. Только у белых находятся деньги для подобной дури.

Они вновь зашлись в истерике, и я засмеялась вместе с ними. Частично я смеялась от облегчения, потому что поняла, что люди теперь не будут от нечего делать заезжать в похоронное бюро и глазеть там на Маю, и частично от того, что невозможно удержаться от смеха, глядя на хохочущих Дочерей Марии.

Но я раскрою вам один секрет — никто из них, даже Августа, не заметил то, что порадовало меня больше всего: Сахарок сказала так, словно бы я и вправду была одной из них. И никто из присутствующих в комнате не сказал: *Сахарок, попридержи язык — тут среди нас белый человек*. Им и в голову не пришло, что я от них отличаюсь.

До сих пор я думала, что примирить белых и цветных было моей великой миссией, но тут я поняла, что сделать так, чтобы никто вообще не обращал внимания на цвет кожи, было гораздо лучшей идеей. Я вспомнила, как тот полицейский, Эдди Хэйзелвурст, сказал, что я унижаю себя, находясь среди цветных, и мне было не понять, как же вышло, что цветные стали низшими существами. Достаточно просто посмотреть на них, чтобы увидеть, какие они необыкновенные — словно особы королевских кровей, скрывающиеся среди нас. А Эдди Хэйзелвурст — он просто кусок дерьма.

Я ощущала по отношению к ним такую внутреннюю теплоту, что мне подумалось — после смерти я буду рада выставить себя в банковском окне и дать Дочерям Марии повод повеселиться.

* * *

На второе утро бдения, задолго до того, как приехали Дочери, и даже прежде, чем из своей комнаты спустилась Июна, Августа нашла предсмертную записку Маи. Листок лежал между корней дуба, в десятке ярдов от места, где умерла Мая. Дерево спрятало его под молодыми побегами, теми, что вырастают за одну ночь.

Розалин пекла пирог из бананов со сливками в честь Маи, а я сидела за

столом, поглощая кукурузные хлопья и пытаюсь найти что-нибудь стоящее по радио, когда в кухню ворвалась Августа, держа записку двумя руками — словно слова могли осыпаться, если она не будет предельно осторожна.

Она крикнула:

— Июна, спускайся сюда. Я нашла записку от Маи.

Августа разложила записку на столе и встала над ней, сложив ладони вместе. Я выключила это дурацкое радио и уставилась на листок. От долгого пребывания на улице бумага покоробилась, а слова наполовину выцвели.

Босые ноги Июны прошлепали по ступенькам, и она вломила в комнату.

— О боже, Августа! Что там написано?

— Это так... похоже на Маю, — сказала Августа. Она взяла записку и стала читать вслух:

Дорогие Августа и Июна.

Мне очень жаль вот так вас покидать. Ужасно не хочется вас расстраивать, но подумайте, как я буду счастлива там с Апрельей, Мамой, Папой и Большой Мамой. Представьте нас там вместе, и это наверняка вам поможет. Я устала нести на себе тяжесть всего мира. Я просто хочу ее сбросить. Пришло мое время умереть, а ваше время — жить. Не упустите его.

С любовью, Мая

Августа положила записку и повернулась к Июне. Она раскрыла руки, и Июна упала в ее объятия. Они прижались друг к другу — старшая сестра к младшей, грудью к груди, положив подбородки друг другу на плечи.

Они стояли так долго, что я уже начала подумывать, не стоит ли нам с Розалин выйти из комнаты. Но тут они наконец расцепились. Вокруг стоял запах бананового пирога.

Июна сказала:

— Думаешь, действительно пришло ее время умереть?

— Не знаю, — ответила Августа. — Может, и так. Но насчет одного Мая точно права: что сейчас — наше время жить. Это ее последнее желание, Июна, и мы должны его выполнить. Понятно?

— Что ты имеешь в виду? — спросила Июна. Августа подошла к окну, оперлась о подоконник и посмотрела на небо. Оно было цвета аквамарина и ярко сияло. Было ощущение, что Августа принимает какое-то важное решение. Июна придвинула к себе стул и села.

— Так что же, Августа?

Когда Августа повернулась, ее губы были плотно сжаты.

— Я хочу тебе кое-что сказать, Июна. — Она подошла и встала напротив нее. — Ты слишком долго жила наполовину. И Мая права: когда приходит время умирать — умирай, но когда время жить — живи. Не живи «как бы» и «вроде», но живи на всю катушку — не бойся жить.

— Не понимаю, о чем ты толкуешь, — сказала Июна.

— Я говорю, что ты должна выйти замуж за Нейла.

— Что?

— С тех самых пор, как Мелвин Эдвардс сбежал с твоей свадьбы, все эти годы ты боялась любви, не желала рисковать. Как сказала Мая: твое время — жить. Не упusti его.

Июна широко раскрыла рот, но не произнесла ни звука.

Внезапно в воздухе разлился запах горелого. Розалин подскочила к духовке и вытащила оттуда пирог, от которого остались одни угольки.

— Мы съедим его, как он есть, — сказала Августа. — Немного горелого никому еще не вредило.

* * *

Бдение продолжалось четыре дня. Августа везде ходила с запиской Маи, нося ее в кармане или засовывая за пояс, если на ней было платье без карманов. Я заметила, что с тех пор, как Августа оглушила ее насчет Нейла, Июна совсем притихла. Она вовсе не сердилась. Скорее — размышляла. Ее можно было застать сидящей возле гроба, упершись в него лбом, и было видно, что она не только прощается с Маей, но и пытается найти ответы на собственные вопросы.

В один из вечеров мы с Августой и Заком сходили к ульям и сняли с них черную материю. Августа сказала, что ее не следует оставлять надолго, поскольку пчелы запоминают все, что касается их ульев, и подобные изменения их дезориентируют. «Они могут не найти дорогу домой», — сказала она. *Кому бы это рассказывали*, подумала я.

Дочери Марии приезжали каждый день перед самым обедом и сидели до вечера с Маей, рассказывая о ней разные истории. Мы много плакали, но должна сказать, что прощаться становилось все легче и легче. Я надеялась, что Мая тоже неплохо себя чувствует на том свете.

Нейл проводил у нас не меньше времени, чем Дочери, и, похоже, был

совершенно сбит с толку тем, как Июна на него смотрит. Она почти не играла на виолончели, потому что тогда ей приходилось выпускать его руку из своей. Сказать по правде, все остальные, провожая Маю в следующую жизнь, находили все больше и больше времени, чтобы с заинтересованными улыбками наблюдать за Июной и Нейлом.

* * *

В тот вечер, когда приехали из похоронного бюро, чтобы везти Маю на кладбище, вокруг дома вились пчелы. Когда гроб погрузили на катафалк, жужжание достигло апогея.

Я продолжала слышать это жужжание и на кладбище, несмотря на то что оно, с полуразрушенными памятниками и поросшее сорняками, находилось за много миль от розового дома. Звуки приносились ветром, пока мы, сбившись в кучку, смотрели, как гроб с Маей опускают в землю. Августа пустила по кругу бумажный пакет с манной, и каждый кинул горсть семян в могилу, а в моих ушах звучало только пчелиное пение.

В ту ночь, когда я лежала в своей постели, стоило мне закрыть глаза, как жужжание пчел заполняло все мое тело. Оно заполняло всю землю. Это был древнейший звук во вселенной. Звук отлетающих душ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Чтобы собрать достаточно нектара для приготовления одного фунта меда, пчелам приходится совершить десять миллионов вылетов.

«Пчелы мира»

После того, как похоронили Маю, Августа прекратила делать мед, продавать его и даже инспектировать пчел. Они с Юной забирали приготовленную Розалин еду к себе в комнаты. Я почти что не виделась с Августой, только по утрам, когда она пересекала двор, направляясь к лесу. Обычно она махала мне рукой, и, если я подбегала и спрашивала, куда она идет и можно ли мне с ней. Августа улыбалась и отвечала, что не сегодня и что она все еще в трауре. Иногда она проводила в лесу и послеобеденное время.

Приходилось бороться с побуждением сказать, что мне необходимо с ней поговорить. Жизнь так забавна. Я больше месяца валяла дурака, не желая рассказывать Августе о своей маме тогда, когда это можно было сделать с легкостью, а теперь, когда мне действительно необходимо было ей все рассказать, это было невозможно. Нельзя же врывать в чужой траур со своими личными проблемами.

Я немного помогала Розалин на кухне, но чаще я просто где-нибудь лежала и писала в своем блокноте. У меня на сердце было так много всего, что вскоре в блокноте уже не осталось чистых страниц.

Меня бесконечно удивляло, как сильно я скучаю по нашей обычной, повседневной жизни — заливать воск в свечные формы или ремонтировать поломанные ульи. Или просто стоять на коленях между Августой и Юной, молясь Нашей Леди.

Вечерами, когда я точно знала, что Августы в лесу нет, я ходила туда гулять. Я выбирала дерево и говорила: *Если, пока я сосчитаю до десяти, на дерево сядет птица, значит, это моя мама посылает мне знак своей любви.* Дойдя до семи, я начинала считать очень медленно, оттягивая конец.

Иногда я доходила до пятидесяти, но птица так и не появлялась.

По ночам, когда все спали, я рассматривала карту Южной Каролины, пытаюсь решить, куда нам с Розалин направиться дальше. Мне всегда хотелось увидеть постройки Чарлстона, раскрашенные в цвета радуги, и посмотреть на улицах экипажи, запряженные настоящими лошадьми. Но, хотя все это и было крайне заманчиво, меня бросало в дрожь при мысли, что нам придется уехать. И даже если, чудесным образом, перед нами возникнет еще один грузовик с дынями и отвезет нас туда, нам с Розалин придется где-то искать работу, снимать жилье и надеяться, что никто не станет задавать вопросов.

Иногда мне даже не хотелось вылезать из постели. Я стала носить свои трусы-недельки безо всякого порядка. В понедельник я могла надеть трусы с надписью «четверг». Мне все стало безразлично.

* * *

Июну я видела только тогда, когда приезжал Нейл, а это случалось каждый день. Июна выходила, с кольцами в ушах, и они уезжали — просто прокатиться на машине куда-нибудь подальше, что, по словам Июны, шло всем на пользу. Ветер менял ход ее мыслей, а пасторальные виды убеждали, что жизнь вокруг существует для того, чтобы ею наслаждались. Нейл садился за руль, а Июна прижималась к нему так, что тоже практически оказывалась за рулем. Честно сказать, я не была уверена в их безопасности.

Несколько раз появлялся Зак, всегда находя меня на садовом стуле с подобранными под себя ногами, перечитывающую собственный блокнот. Иногда при виде его мой желудок начинал пульсировать.

— Ты мне на треть друг, на треть брат, на треть коллега и на треть бойфренд, — сказала я ему как-то раз.

Он стал объяснять, что в моем уравнении слишком много третей, о чем я, конечно же, знала, поскольку хоть и была слаба в математике, но все же не до такой степени. Мы уставились друг на друга, пытаюсь сообразить, какую из третей можно выкинуть.

Я сказала:

— Если бы я была негритянкой...

Он прижал свой палец к моим губам, так что я почувствовала, какой он соленый.

— Нечего думать о том, чтобы менять свою кожу, — сказал он. —

Менять мир — вот о чем нужно думать.

Все, о чем он мог говорить, — это то, как он пойдет в юридический колледж и будет потом «набивать задницы». Он не говорил «белые задницы», за что я была ему благодарна, но он имел в виду именно это.

В нем появилось нечто, чего раньше не было. Какой-то жар, а может и злость. Находиться в его присутствии было все равно, что стоять на газовой плите среди языков пламени. Эти языки постоянно пылали в его темных, влажных глазах.

Он все время говорил о расовых волнениях в Нью-Джерси, о полицейских, избивающих дубинками негров, бросающих камни, о коктейлях Молотова, о сидячих демонстрациях в общественных заведениях, о целях, оправдывающих средства, о Малкольме Икс и о Союзе афроамериканцев, который заставит ку-клукс-клан отведать их же собственной микстурки.

Мне хотелось сказать Заку: *Помнишь, как мы ели Машины ледяные кубики, сидя под соснами? Помнишь, как ты пел «Голубичные холмы»? Ты помнишь?*

* * *

После непрерывного траура в течение целой недели, когда я уже думала, что мы навсегда удалились в свои личные, скорбные миры и никогда больше не будем вместе есть или работать бок о бок в медовом домике, я обнаружила Розалин на кухне, накрывающей стол на четверых. Она расставляла праздничные фарфоровые тарелки, расписанные розовыми цветами, с кружевной резьбой по краям. Я просто подскочила от радости, ведь жизнь, похоже, начинала возвращаться в привычное русло.

Розалин поставила на стол восковую свечку, и я подумала, что это будет первый в моей жизни ужин при свечах. Меню было таким: тушеная курица, рис с подливкой, фасоль, салат из помидоров, бисквиты и *свет свечи*.

Едва только мы сели, как Розалин спросила Июну:

— Так ты собираешься выходить за Нейла, или как?

Мы с Августой прекратили жевать и выпрямились на стульях.

— Я разберусь, а вы узнаете, — ответила Июна.

— Как же мы узнаем, если ты нам не скажешь? — сказала Розалин.

Когда мы закончили есть, Августа извлекла из холодильника ледяную

кока-колу и выложила на стол четыре пакетика с соленым арахисом. Мы смотрели, как она откупоривает бутылки.

— Что это еще за хреновина? — спросила Июна.

— Это наш с Лили любимый десерт, — ответила Августа, улыбаясь мне. — Мы любим высыпать арахис прямо в бутылку, но вы, если хотите, можете есть свой отдельно.

— Пожалуй, я лучше буду отдельно, — сказала Июна, закатывая глаза.

— Я хотела приготовить кобблер,^[10] — сказала Розалин Июне, — но Августа решила, что у нас будет кола с арахисом. — Она произнесла «кола с арахисом», как вы бы, наверное, произнесли «сопли с козьянками». Августа засмеялась:

— Они ничего не смыслят в деликатесах, верно. Лили?

— Да, мэм, — сказала я, насыпая арахис в свою бутылку, чем вызвала легкое вспенивание, после чего орешки остались плавать на поверхности. Я пила и жевала, радуясь одновременному торжеству сладкого и соленого у меня во рту. За окном птицы летели назад в свои гнезда, а луна только начала лить свет на Южную Каролину — место, где я, прячась, жила с тремя женщинами, чьи лица сейчас сверкали в отблесках пламени свечи.

Когда мы прикончили свою колу, то перешли в гостиную, чтобы пропеть там «Радуйся, Мария». Мы делали это вместе впервые со дня смерти Маи.

Я опустилась на колени на коврик возле Июны, а Розалин, как обычно, устроилась в кресле-качалке. Августа встала возле Нашей Леди и сложила предсмертную записку Маи так, что она стала похожа на бумажный самолетик. Она затолкала ее в глубокую трещину, идущую сбоку по шее скульптуры. Затем она похлопала черную Марию по плечу и глубоко вздохнула — и наша душная комната словно бы ожила. И тогда Августа сказала:

— Ну, вот и всё.

* * *

С тех пор как умерла Мая, я жила в ее комнате вместе с Розалин. Но когда в этот вечер мы с Розалин стали подниматься по ступенькам, я, неожиданно для себя, сказала:

— Знаешь что? Думаю, я вернусь в медовый домик.

Я вдруг поняла, что скучаю по отдельной комнате.

Розалин встала, руки в боки.

— Господь всемогущий! Ты подняла столько глума из-за того, что я переехала и оставила тебя одну, а теперь ты хочешь оставить меня.

Но на самом деле ее ничуть не беспокоило, что я переезжаю; она просто не могла упустить случая, чтобы поворчать.

— Пошли, я помогу перетащить твои шмотки, — сказала она.

— Прямо сейчас?

— А то когда же?

Полагаю, она тоже скучала по отдельной комнате.

Когда Розалин ушла, я оглядела свою старую комнату в медовом домике — там было так тихо. Я могла думать только о том, что завтра в это время правда уже откроется и все будет совершенно иначе.

Я достала из сумки фотографию моей мамы и картинку с Черной Марией, чтобы завтра показать Августе. Я сунула их под подушку, но, когда погасила свет, мою жесткую узкую кровать наполнил страх. Он рисовал мне всевозможные бедствия, которые меня ожидали. Я уже видела себя в исправительной колонии для девочек во Флоридских Болотах. Почему именно в Болотах, я не знаю. Может быть, потому, что я всегда считала это наихудшим местом, где человек может оказаться в тюрьме. Подумайте обо всех этих крокодилах и змеях, не говоря уже о жаре, еще более жуткой, чем здесь у нас. А тамошние люди, знаменитые тем, что жарят не только яичницу, но и сосиски, и бекон вдоль улиц Южной Каролины? Я не могла представить себе, как смогу там дышать. В этой Флориде я задохнусь и никогда больше не увижу Августу.

Страх не отпускал меня всю ночь. Я бы все отдала за то, чтобы вновь оказаться в Маиной комнате и услышать храп Розалин.

* * *

На следующее утро я спала допоздна, учитывая бессонную ночь, а также привычку лениться, которая выработалась у меня с тех пор, как прекратились работы в медовом домике. Запах свежее испеченного пирога долетел из розового дома до моей кровати и, забравшись в ноздри, разбудил меня.

Когда я вошла на кухню, то застала там Августу, Июну и Розалин, обсыпанных мукой с головы до ног, выпекающих маленькие однослойные пирожки. Работая, они пели какую-то песенку.

— Чем это вы занимаетесь? — спросила я, улыбаясь им с порога.

Они прекратили петь и захихикали, подталкивая друг друга локтями.

— Посмотрите-ка, кто проснулся, — сказала Розалин.

На Июне были туфельки цвета лаванды с прелестными пуговками по бокам — ничего подобного я раньше не видела. Она сказала:

— Мы печем пирожки на День Марии. Самое время и тебе нам помочь. Разве Августа не говорила, что сегодня День Марии?

Я посмотрела на Августу.

— Нет, мэм, она мне не говорила.

Августа, на которой был Маин фартук с кружевными ляпочками через плечи, вытерла об него руки и сказала:

— Боюсь, я забыла тебе рассказать. Мы отмечаем День Марии каждый август, пятнадцать лет подряд. Давай позавтракай и начинай нам помогать. Нам нужно столько всего сделать, что я не знаю, успеем ли.

Я насыпала в миску рисовых хрустиков и залила молоком, стараясь разгадать, о чем они беседуют в моей тарелке на своем хрустяще-потрескивающем языке. Как же мне теперь поговорить с Августой о жизненно важном, когда вокруг творится *такое*?

— Тысячу лет назад женщины делали то же самое, — сказала Августа. — Они пекли пирожки для Марии в день ее праздника.

Июна посмотрела на мое непонимающее лицо.

— Сегодня праздник Успения. Пятнадцатое августа. Только не говори, что ты никогда об этом не слышала.

Ах да, праздник Успения — брат Джерадд говорил о нем на каждой второй воскресной проповеди. Но больше я ничего об этом не знала. Я помотала головой.

— У нас в церкви Мария не особо приветствовалась.

Августа улыбнулась и обмакнула деревянный пестик в кадушку с медом, стоящую на столешнице возле электрической духовки. Смазывая медом пирожки с очередного противня, она подробно объяснила мне, почему Успение было — ни больше ни меньше — вознесением Марии на небеса. Мария умерла, а затем проснулась, и ангелы понесли ее к облакам.

— Именно Мая начала называть этот день Днем Марии, — сказала Июна.

— И этот день для нас больше чем просто Успение, — сказала Августа, перекладывая пирожки на проволочные подставки. — Это особое поминовение Нашей Леди в Оковах. Мы инсценируем ее историю. И еще мы возносим благодарность за урожай меда. Приходят Дочери Марии. Эти два дня — наши самые любимые за весь год.

— Это продолжается целых два дня?

— Мы начнем сегодня вечером и закончим завтра днем, — сказала Августа. — Поторопись со своими хлопьями, тебе еще делать ленты и гирлянды, развешивать рождественские фонарики, расставлять подсвечники, мыть тележку и вытаскивать цепи.

Я подумала: *Похоже, тут все серьезно.* Мыть тележку? Развешивать фонарики? Вытаскивать цепи? *Цепи?*

Одновременно с тем, как я положила в раковину свою миску, раздался стук в дверь.

— Если здесь не самый вкуснопахнувший дом в Тибуроне, то я — обезьяний дядюшка, — сказал Нейл, заходя на кухню.

— Ну, я полагаю, ты избавлен от подобного родства, — сказала Июна.

Она предложила ему медового пирога, но он замотал головой, чем тут же себя выдал — стало ясно, что он пришел неспроста. Нейл не отказывался от пищи. Никогда. Сейчас он стоял посреди кухни, переминаясь с ноги на ногу.

— И чего ты пришел? — спросила Июна. Он прочистил горло, потер свои бачки.

— Я... я пришел, надеясь с тобой поговорить. Это прозвучало столь натянуто, что Июна, сузив глаза, с минуту его изучала.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Все нормально. — Он сунул руки в карманы, затем вынул. — Я просто хочу с тобой поговорить.

Июна стояла и ждала.

— Ну, я слушаю, — сказала она.

— Я думал, мы съездим прокатиться. Она оглядела кухню.

— Если ты еще не заметил, Нейл, у меня по горло работы.

— Я вижу, но...

— Давай говори, в чем дело? — сказала Июна, начиная, по обыкновению, сердиться. — Что у тебя за неотложная важность?

Я посмотрела на Августу, которая, скривив рот на сторону, старалась выглядеть занятой. Розалин же, напротив, прекратила всякую видимость работы и переводила глаза с Июны на Нейла. Затем обратно на Июну.

— Черт, — сказал Нейл. — Я пришел сюда, собираясь в сотый раз просить тебя выйти за меня замуж.

Я уронила ложку в раковину. Августа отложила свой пестик. Июна открыла рот, но так ничего и не сказала. Все просто застыли на своих местах.

Давай же. Не упусти свою жизнь.

Дом скрипнул, как и подобает старому дому. Нейл посмотрел на дверь. Я почувствовала, как моя рубашка намочила под мышками. У меня возникло ощущение, похожее на то, когда в пятом классе учитель писал нам на доске какое-нибудь бессмысленное слово, вроде «длокирок», и у нас было две минуты, чтобы распутать его и узнать слово «крокодил», прежде чем учитель позвонит в колокольчик. Я всегда так старалась успеть, что меня бросало в пот. То же я чувствовала и теперь: словно бы Нейл мог выйти за дверь прежде, чем Июна успеет распутать ответ в своем сердце.

Розалин сказала:

— Ну, Июна, не стой просто так, открыв рот. Скажи уже что-нибудь.

Июна смотрела на Нейла, и в ее лице читалась борьба. Капитуляция, которую ей нужно было признать. И не только Нейлу — жизни в целом. Наконец из нее вырвался долгий выдох.

— Ладно, — сказала она. — Замуж — так замуж.

Розалин хлопнула себя по ноге и издала победный клич, а Августу улыбнулась самой широкой улыбкой, какую я когда-либо видела на ее лице. А я — я просто переводила взгляд с одного на другого, не в силах поверить произошедшему.

Нейл подошел и поцеловал Июну в губы. Казалось, они не собираются прекращать поцелуй, даже чтобы перевести дыхание.

Когда они все же прекратили, Нейл сказал:

— Мы сейчас же поедem в ювелирный магазин и купим кольцо, пока ты не передумала.

Июна бросила взгляд на Августу.

— Не могу же я оставить всю работу на них, — сказала она, но было видно, что это не слишком ее беспокоит.

— Иди, иди, — сказала Августа.

Когда они вышли, мы с Августой и Розалин сели за стол и принялись, пока он не остыл, поедать медовый пирог, обсуждая произошедшее. Нас еще ждала масса дел, но некоторые вещи необходимо переварить прежде, чем продолжать что-либо делать. Мы говорили: «Вы видели, как смотрел Нейл?» или «Вот это был поцелуй!» Но в основном мы просто глядели друг на друга, повторяя: «Июна выходит замуж!»

Подготовка к Дню Марии была нескончаемым занятием. Для начала

Августа велела мне заняться лентами. Я нарезала полосами пачки толстой бело-голубой гофрированной бумаги, пока на обеих руках у меня не появились мозоли. Я загнула бумагу по краям так, что она начала виться, а затем вытащила во двор лестницу и развесила ленты на миртовых деревьях.

Я вырубил целую грядку гладиолусов и изготовила шестифутовую гирлянду, примотав цветы к веревке проволокой. Казалось, что это у меня ни за что не получится. Когда я спросила Августу, что мне теперь с этим делать, она ответила: «Обмотай ее вокруг тележки». Ну да, конечно. Как я сама не догадалась?

Затем я перерыла весь чулан в поисках рождественских фонариков, которые должна была укрепить на кустах возле заднего крыльца, не говоря уже обо всех проводах, которые мне пришлось протянуть.

Пока я работала, Зак, сняв рубашку, косил траву газонокосилкой. Я расставила столики под миртами, чтобы ленты могли развеяться на ветру и щекотать наши лица, пока мы будем есть. Я старалась не смотреть на Зака. Его тугая кожа блестела потом на солнце, с шеи свисал медальон на цепочке, а шорты едва удерживались на бедрах, открывая пучок волос пониже пупка.

Он выполол мотыгой капустные сорняки, хотя его об этом даже не просили. Он яростно размахивал мотыгой, а я тем временем сидела на ступеньках и выковыривала воск из двух дюжин подстаканников. Я засунула туда новые свечи и расставила их повсюду: на траве, под деревьями и в маленьких ямках, где прежде росли капустные сорняки.

На заднем крыльце Августа взбивала коктейли с мороженым. На полу лежала цепь, смотанная в бухту.

— Для чего это? — спросила я.

— Увидишь, — ответила Августа.

* * *

К шести вечера я была уже полностью выжата Днем Марии, а ведь главная часть еще и не начиналась. Я выполнила последний пункт в списке моих задач, и направлялась к медовому домику, чтобы переодеться, когда на подъездную дорожку въехала машина Нейла.

Июна кружилась от радости, вытянув перед собой руку, чтобы все могли восхититься ее кольцом. Я изучила его, и должна вам сказать, что

Нейл превзошел самого себя. Кольцо не было таким уж большим, но оно было таким красивым! Брильянт в ажурной оправе.

— В жизни не видела такого прелестного кольца, — сказала я.

Июна поворачивала руку так и этак, позволяя брильянту играть на солнце.

— Думаю, Мае оно бы тоже понравилось, — сказала она.

Тут подъехала первая машина с Дочерьми, и Июна с важным видом направилась к ним, вытянув руку.

В медовом домике я подняла подушку, чтобы убедиться, что фото моей мамы и ее картинка с Черной Марией все еще там, где я их оставила. Праздник или не праздник, но сегодня я собиралась узнать у Августы всю правду. Эта мысль вызвала во мне нервную дрожь. Я села на кровать и почувствовала, как внутри что-то нарастает и распирает мне грудь.

Возвращаясь к розовому дому, в чистых шортах и футболке, с расчесанными волосами, я остановилась, чтобы запечатлеть картину в памяти. Августа, Зак, Нейл, Отис и все Дочери Марии стоят на постриженной лужайке возле столиков. Их смех низко вибрирует. Груды еды. Бело-голубые ленты развеваются на ветру. Рождественские фонарики горят спиралями вокруг крыльца, и все свечи зажжены, хотя солнце еще только клонится к закату. Каждая молекула воздуха источает красный огонь.

Я сказала себе: *Я люблю это место всем своим сердцем.*

Дочери засуетились вокруг меня — как я хорошо пахну, какие у меня исключительные волосы, если их расчесать. Люнель сказала:

— Хочешь, я сделаю тебе шляпу, Лили?

— Правда? Вы сделаете мне шляпу? — Где я смогу надеть шляпу, сделанную Люнель, было загадкой, но я все равно очень ее хотела. По крайней мере, меня смогут в ней похоронить.

— Конечно сделаю. Я сделаю тебе такую шляпу, что ты не поверишь. Какого цвета ты ее хочешь?

Августа, которая все это слышала, сказала: «Голубого» — и подмигнула мне.

Для начала мы поели. К тому времени я уже уяснила, что еда занимала одно из главных мест среди приоритетов Дочерей Марии. Когда мы закончили, день уже истек красным, и ночь утверждалась вокруг нас, охлаждая и окрашивая все вокруг в пурпурные и темно-синие цвета. Розалин вынесла блюдо с медовыми пирожками и поставила на один из столиков.

Августа знаком призвала нас встать вокруг этого столика. Программа

Дня Марии набирала обороты.

— Это медовые пирожки Марии. Пирожки для Королевы Небес, — сказала Августа.

Она взяла в руку один из пирожков, отщипнула от него кусочек и поднесла Мабель, стоявшей с ней рядом. Августа сказала:

— Это плоть Святой Матери.

Мабель закрыла глаза и открыла рот, а Августа положила кусочек ей на язык.

Проглотив, Мабель проделала то же самое, что и Августа, — отщипнув кусочек, дала его следующему по кругу, которым оказался Нейл. Мабель, в которой, вместе с каблуками, не было и пяти футов, понадобилась бы лестница, чтобы добраться до рта Нейла. Нейл согнулся и широко открыл рот.

— Это плоть Матери, — сказала Мабель, засовывая пирожок внутрь.

Я ничего не знала о католической церкви, но была почему-то уверена, что Папа Римский, увидев такое, грохнулся бы в обморок. Но только не брат Джерадд. Он бы не стал терять время на обмороки, а сразу бы стал готовиться к обряду изгнания нечистой силы.

Что до меня, то я ни разу не видела, как взрослые люди друг друга кормят, и мне казалось, что я вот-вот расплачусь. Не знаю, что тут было такого, но этот круг кормления заставил меня почувствовать любовь ко всему миру.

Как это часто случается в жизни, кормить меня выпало именно Июне. Открыв рот, зажмурив глаза и ожидая плоть Матери, я услышала, как ухо мне щекочет шепот Июны: «Прости, что я была сурова с тобой, когда ты только здесь появилась». И сладость медового пирожка разлилась у меня во рту.

Я бы хотела, чтобы рядом со мной стоял Зак, и я бы тогда положила пирожок ему на язык и сказала: *Надеюсь, это смягчит твоё отношение к миру. Надеюсь, это поможет тебе почувствовать нежность.* Но вместо Зака рядом со мной стояла Кресси, которая съела пирожок с закрытыми глазами.

Когда мы все были покормлены, Зак с Нейлом сходили в гостиную и вернулись, неся Нашу Леди в Оковах. За ними, волоча цепи, шел Отис. Они поставили Марию в красную тележку. Августа наклонилась ко мне:

— Мы собираемся инсценировать историю Нашей Леди в Оковах. Мы отвезем ее в медовый домик и закуем там на всю ночь.

Я подумала: *Наша Леди проведет эту ночь в медовом домике. Вместе со мной.*

Августа медленно толкала тележку через двор, а Зак с Нейлом поддерживали Нашу Леди руками. Хочу похвастаться, что гирлянда, обернутая вокруг тележки, была просто неотразима.

Июна несла свою виолончель, а у каждой из Дочерей в руке было по свече. Они пели: «Мария, звезда морей, Мария, ярчайшее солнце, Мария, медвяный нектар».

Мы с Розалин замыкали процессию, тоже неся по свече и пытаюсь подпевать, хотя и не знали слов. Я прикрывала рукой пламя, чтобы его не задуло ветром.

Перед дверью медового домика Нейл и Зак вытащили статую из тележки и внесли ее внутрь. Сахарок подтолкнула Отиса локтем, и он подошел к ним и помог установить Марию между экстрактором и экраным баком.

— Хорошо, — сказала Августа. — Давайте приступим к последней части службы. Встаньте, пожалуйста, возле Нашей Леди полукругом.

Июна играла какую-то очень печальную мелодию, пока Августа с начала до конца пересказывала историю Черной Марии. Когда она дошла до той части, где рабы касались сердца Нашей Леди и та наполняла их бесстрашием и планами бегства, Июна прибавила громкость.

— Наша Леди стала столь могущественной, — сказала Августа, — что хозяину пришлось посадить ее под домашний арест, приковать ее в амбаре. Ее повергли и связали.

— Святая, святая Мать, — пробормотала Виолетта.

Нейл с Отисом взяли цепи и принялись обматывать ими Нашу Леди. Отис так размахивал цепями в тусклом свечном свете, что лишь чудом никого не зашиб.

Августа продолжила:

— Но всякий раз, как хозяин заковывал Марию в амбаре, она разрывала цепи и возвращалась к своему народу.

Августа замолчала. Она прошла вдоль нашего полукруга, остановившись возле каждого, позволив себе без спешки взглядеться в каждое лицо.

Затем она повысила голос:

— Все связанное — развяжется. Повергнутое — восстанет. Так обещала нам Наша Леди.

— Аминь, — сказал Отис.

Июна вновь заиграла. На этот раз, слава Богу, мелодия была повеселее. Я смотрела на Марию, с головы до ног обмотанную ржавой цепью.

Было похоже, что все погрузились в какую-то медитацию или во что-

нибудь в том же роде. Все, кроме Зака, стояли с закрытыми глазами. Зак смотрел прямо на меня.

Я глядела на несчастную, закованную Марию. Видеть ее такой было невыносимо. «Это просто инсценировка, — сказала мне Августа чуть раньше. — Она поможет нам помнить. Память — это всё». И все же это повергало меня в уныние. Я ненавидела помнить.

Я развернулась и вышла из медового домика в горячую тишину ночи.

* * *

Зак нагнал меня возле помидорных грядок. Он взял мою руку, и мы пошли вместе. Перешагнув Маину стену, мы углубились в лес. Мы не произносили ни слова. Цикады просто безумствовали, оглашая лес своим сомнительным пением. Дважды я влетала в паутину, чувствуя на своем лице тонкие, прозрачные нити. Они мне нравились — ночная вуаль.

Мне хотелось к реке. К ее первозданности. Мне хотелось раздеться догола и позволить воде облизывать мою кожу. Сосать речные камушки, как в тот раз, когда мы с Розалин спали возле ручья. Даже смерть Май не смогла отвлечь меня от реки. Река сделала все возможное — в этом я была уверена, — чтобы позволить Мае мирно уйти из этой жизни. В реке можно было умереть, но, я думаю, в реке можно было и возродиться, как в могилах-ульях, о которых рассказывала Августа.

Луна светила сквозь деревья. Мы спустились к воде.

Как блестит в темноте вода! Мы стояли на берегу и смотрели на пробегающие блики света, позволив шуму воды заслонить от нас все прочие звуки. Мы все еще держались за руки, и я почувствовала, как его пальцы сжали мои.

— Там, где я жила раньше, был пруд, — сказала я. — Иногда я ходила туда, чтобы побродить по воде. Однажды там оказались мальчишки с соседней фермы. Они ловили рыбу. У них была такая проволока, на которую они насаживали пойманных рыбешек. Они повалили меня на землю и нацепили на шею эту проволоку, скрутив ее так, что я не могла сама ее снять. Я кричала: «Снимите это с меня!», но они только смеялись и говорили: «Разве тебе не по вкусу твое рыбное ожерелье?»

— Подонки, — сказал Зак.

— Некоторые рыбы были уже мертвы, но большинство из них трепыхалось, глядя на меня испуганными глазами. Я поняла, что если

зайду в воду по шею, то они смогут дышать. Я зашла в воду по колени и повернула назад. Я боялась заходить дальше. Думаю, это было хуже всего. Я могла им помочь, но не помогла.

— Ты все равно не смогла бы вечно сидеть в пруду, — сказал Зак.

— Но я смогла бы просидеть довольно долго. Вместо этого я лишь умоляла их отцепить проволоку. Умоляла. Они сказали, чтобы я заткнулась и что я их рыбодержалка. Так что я сидела там, пока все рыбы на моей груди не поумирали. Мне потом целый год это снилось. Иногда я оказывалась насаженной на проволоку вместе с рыбами.

— Мне знакомо это чувство, — сказал Зак.

Я заглянула в его глаза так глубоко, насколько только могла.

— Твой арест... — я не знала, как это выразить.

— Что именно?

— Он тебя изменил, верно?

Он глядел в воду.

— Иногда, Лили, я так зол, что готов кого-нибудь убить.

— Те мальчишки, что повесили на меня рыб, — они тоже были злы. Злы на весь мир, и это делало их негодьями. Обещай мне, Зак, что ты не будешь таким.

— Я не хочу быть таким, — сказал он.

— И я.

Он приблизил свое лицо к моему и поцеловал. Сперва это было похоже на крылья мотылька, скользящие по моим губам, а затем поцелуй стал влажным. Я уступила ему. Он целовал меня мягко, но жадно, и мне нравился его вкус, запах его кожи, то, как его губы раскрывались и закрывались, раскрывались и закрывались. Я плыла по реке света. В сопровождении рыб. Украшенная рыбами. Но даже со всей этой прекрасной болью моего тела, с жизнью, бьющейся под моей кожей, и всепоглощающим натиском любви — даже со всем этим, я все равно чувствовала, как рыба умирает на моей груди.

Когда поцелуй закончился, он посмотрел на меня горящими глазами.

— Никто не поверит, как усердно я буду учиться в следующем году. Благодаря этой тюрьме мои оценки будут выше, чем когда-либо прежде. И когда год закончится, ничто не помешает мне уехать и поступить в колледж.

— Я знаю, что у тебя получится, — сказала я. — Получится.

И это не были просто слова. Я умею оценивать людей, и я знала наверняка, что он сможет выучиться на юриста. Наступали перемены, даже в Южной Каролине, — они буквально носились в воздухе, — и Зак поможет их осуществить. Он будет одним из этих Барабанщиков Свободы,

о которых говорил Мартин Лютер Кинг. Таким я теперь видела Зака — Барабанщиком Свободы. Отвернувшись в сторону, он сказал:

— Я хочу, чтобы ты знала, что я... — Он осекся и посмотрел вверх, на верхушки деревьев.

Я подошла ближе к нему.

— Ты хочешь, чтобы я знала что?

— Что я... что ты мне очень нравишься. И я все время о тебе думаю.

Я чуть было не сказала ему, что было кое-что, чего он обо мне не знает, и что я бы вряд ли ему понравилась, если бы он об этом узнал. Но вместо этого я улыбнулась и сказала:

— И ты мне очень нравишься.

— Сейчас мы не можем быть вместе. Лили, но однажды, после того как я уеду и кем-то стану, я найду тебя, и тогда мы будем вместе.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он снял со своей шеи цепочку с медальоном и надел ее на меня.

— Это чтобы ты не забыла, ладно?

Серебристый прямоугольник упал мне под футболку и повис между грудей, верный и холодный. Захария Линкольн Тейлор теперь всегда будет рядом с моим сердцем.

Он будет обнимать меня за шею.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Если бы королева-матка была поэнергичнее, она бы наверняка постоянно психовала. Но она такова, какова есть: робкая и сдержанная, возможно потому, что никогда не покидает свой улей и проводит дни в темноте, среди вечной ночи, не прекращая рожать... Ее истинная роль не столько королевская, сколько материнская — поэтому ее часто называют матерью улья. Но и здесь звучит насмешка, поскольку у нее практически отсутствует материнский инстинкт и способность заботиться о потомстве.

«Королева должна умереть, и другие проблемы пчел и людей»

Я ждала Августу в ее комнате. Ожидание — это то, чем я занималась всю жизнь. Я ждала, что девочки в школе меня куда-нибудь пригласят. Что Т. Рэй переменится ко мне. Что приедет полиция и заберет нас в тюрьму на Болотах. Что моя мама пошлет мне знак своей любви.

Мы с Заком болтались снаружи, пока Дочери Марии не закончили свой

ритуал в медовом домике. Мы помогли им убраться во дворе: я собирала тарелки и чашки, а Зак складывал столики. Куини, улыбнувшись, спросила:

— Что это вы ушли раньше времени?

— Устали стоять, — ответил Зак.

— Да уж, — сказала Куини, а Кресси захихикала. Когда Зак уехал, я заскочила в медовый домик и извлекла из-под подушки фотографию мамы и картинку с черной Марией. Сжимая их в руках, я попыталась незамеченной проскользнуть мимо Дочерей, моющих на кухне посуду. Но они все равно меня заметили и окликнули: — Ты куда, Лили?

Мне не хотелось быть невежливой, но я поняла, что не могу ответить, не могу произнести ни единого пустого слова. Я хотела знать о своей маме. И больше не могла ни на что отвлечься.

Я прошла напрямик в комнату Августы, комнату, наполненную запахом пчелиного воска. Я зажгла лампу и села на сундук из кедра, а потом от волнения сцепила и расцепила свои руки восемь, а может и десять раз. Они были холодными, влажными и жили собственной жизнью. Все, что им было нужно, — это что-нибудь теревить и щелкать суставами. В конце концов я засунула их себе под колени.

В комнате Августы я была всего один раз, когда упала в обморок на встрече Дочерей и очнулась в ее кровати. Мне тогда было не до разглядывания комнаты, потому что сейчас все здесь казалось совершенно новым. По этой комнате можно было бродить часами, рассматривая вещи, как по музею.

Начать с того, что все в комнате было голубым. Покрывало, занавески, ковер, обивка на стульях, абажуры. Только не подумайте, что это выглядело скучно. Там было с десятков разных оттенков. Небесно-голубой, озерно-голубой, цвета морской волны — было ощущение, что плаваешь в океане с аквалангом.

На туалетном столике менее интересные люди поставили бы шкатулку с драгоценностями или фотографию в рамке, у Августы же там красовался аквариум, перевернутый вверх дном, а внутри него был гигантский кусок пчелиных сот. Мед стек на поднос, образовав на нем живописные лужицы.

На тумбочках в медных подсвечниках стояли оплывшие восковые свечи. Я подумала, что это могли быть те самые свечи, что я сама изготовила. От этой мысли мне даже сделалось приятно — я помогала Августе освещать свою комнату в темное время суток!

Я подошла к книжной полке и стала рассматривать корешки книг. «Прогрессивный язык пчеловодства», «Пасечная наука», «Пчелиное опыление», «Сказочная эра Балфинча», «Мифы Древней Греции»,

«Производство меда», «Легенды пчел мира», «Мария сквозь века». Эту книгу я сняла с полки и, положив на колени, стала листать, рассматривая картинки. Иногда Мария оказывалась брюнеткой с карими глазами, а иногда голубоглазой блондинкой, но всякий раз она была ослепительна. Она выглядела, как участница конкурса «Мисс Америка». Как «Мисс Миссисипи». А девушки из Миссисипи должны были выигрывать всегда! Мне даже захотелось взглянуть на Марию в купальнике и на каблуках — конечно же, до беременности.

Я была поражена тем, что на всех картинках архангел Гавриил дарил ей *лилию* — цветок, в честь которого я получила свое имя. Всякий раз, когда Гавриил появлялся, чтобы сообщить Марии, что, хоть она и не замужем, у нее должен родиться суперребенок, он подносил ей большую белую лилию. словно бы это был утешительный приз за все те сплетни, которые ее ожидали. Я закрыла книгу и вернула ее на полку.

По комнате прошелестел легкий ветерок из окна. Я подошла к окну и стала смотреть на деревья на опушке леса, на полумесяц, похожий на золотой жетон, втиснутый в прорезь, в любой момент готовый звякнуть, упав с неба. До меня доносились голоса, приглушенные оконной сеткой. Женские голоса. Их щебет то нарастал, то затихал. Женщины разъезжались. Я намотала прядь волос на палец и принялась кругами ходить по ковру — как собака, прежде чем она устроится на полу.

Я вспомнила, как в фильмах, когда там собираются казнить кого-нибудь заключенного (конечно же, ошибочно обвиненного), камера показывает то этого несчастного, в холодном поту, то часы, стрелки которых неумолимо приближаются к полуночи.

Я вновь села на сундук.

В коридоре слышались шаги, уверенные и неторопливые. Шаги Августы. Я распрямилась, став выше ростом. Сердце забило так, что отдавало в ушах. Войдя в комнату. Августа сказала:

— Я так и думала, что ты здесь.

У меня возникло желание выскочить за дверь или прыгнуть в окно. *Тебе вовсе не обязательно разговаривать*, говорило что-то внутри меня. Но желание было сильнее. Я должна была все узнать.

— Помните, вы... — сказала я голосом, скорее похожим на сипение. Я прочистила горло.

— Помните, вы сказали, что нам нужно поговорить?

Она закрыла дверь. В этом звуке было что-то бесповоротное. *Отступить некуда*, говорил он. *Час пробил*.

— Я отлично все помню, — сказала Августа. Я выложила фотографию

моей мамы на кедровый сундук.

Августа подошла и взяла снимок в руки.

— Ты просто ее копия.

Она обратила взгляд на меня — взгляд своих больших блестящих глаз, с пламенем, пылающим внутри. Мне захотелось хотя бы раз взглянуть на мир этими глазами.

— Это моя мама, — сказала я.

— Я знаю, милая. Твоей мамой была Дебора Фонтанель Оуэнс.

Я посмотрела на нее. Моргнула. Она сделала шаг ко мне, и в ее очках отразился желтый свет лампы.

Августа вытащила стул из-под туалетного столика и поставила возле сундука, сев ко мне лицом.

— Я очень рада, что мы наконец сможем поговорить.

Ее колено почти касалось моего. Прошла целая минута, и никто из нас не проронил ни слова. Она держала фотографию, ждала, когда я первой нарушу молчание.

— Вы все это время знали, что она моя мама, — сказала я, не понимая, чувствую ли я злость, предательство или же простое удивление.

Она накрыла мою руку своей и погладила мою кожу большим пальцем.

— В день, когда ты здесь появилась, я увидела в тебе Дебору, какой она была в твоём возрасте. Я знала, что у Деборы была дочь, но я не могла поверить, что это ты; было просто невероятно, чтобы дочь Деборы вот так объявилась у меня в гостиной. Но затем ты сказала, что тебя зовут Лили, и в эту минуту я поняла, кто ты такая.

Наверное, мне следовало ожидать чего-то подобного. Я чувствовала, как слезы собираются у меня в горле.

— Но... но вы не сказали мне ни слова. Почему вы мне ничего не сказали?

— Потому что ты не была готова о ней узнать. Я не хотела, чтобы ты опять убежала. Я хотела дать тебе возможность почувствовать себя увереннее, укрепить свое сердце. У нас достаточно времени для всего. Лили. Нужно понимать, когда стоит поторопить события, а когда лучше повременить. И когда нужно позволить вещам просто течь своим чередом. Это я и пыталась делать.

Я сидела, притихнув. Как я могла на нее сердиться? Я же делала то же самое. Скрывала то, что знала, а ведь в моих побуждениях не было и капли ее благородства.

— Мая мне говорила, — сказала я.

— Мая говорила тебе что?

— Я увидела, как она делает дорожку из крекеров с пастилой, чтобы выгнать тараканов. Отец однажды рассказывал мне, что моя мама делала то же самое. Я подумала, что мама могла научиться этому у Маи. И я спросила: «Вы были знакомы с Деборой Фонтанель?» И Мая сказала, что да, Дебора Фонтанель жила в медовом домике.

Августа покачала головой.

— Боже. ТЫ помнишь, я говорила тебе, что была в Ричмонде домработницей, прежде чем найти работу в школе? Ну так вот, это был дом твоей мамы.

Дом моей мамы. Было удивительно думать о ней как о человеке, имеющем крышу над головой. Как о человеке, лежащем на кровати, едящем за столом, принимающем ванны.

— Вы знали ее маленькой?

— Я ухаживала за ней, — сказала Августа. — Я гладила ее платья и укладывала ее школьные завтраки в бумажные пакеты. Она обожала ореховую пасту. Ей больше ничего не было нужно. Только ореховая паста, с понедельника по пятницу. Все это время я сидела не дыша.

— А что еще она любила?

— Она любила своих кукол. Она устраивала им в саду маленькие чаепития, а я делала для них крошечные бутербродики и раскладывала по тарелочкам.

Она замолчала, что-то вспоминая.

— Но вот чего она не любила, так это делать уроки. Мне приходилось все время стоять у нее над душой. Гоняться за ней повсюду. Однажды она залезла на дерево, спрятавшись там, чтобы не учить стихотворение Роберта Фроста. Я нашла ее, залезла к ней с книгой и не давала спуститься, пока она не выучила все наизусть.

Закрыв глаза, я представила мою маму, сидящую на ветке рядом с Августой и зубрящую «Снежный вечер в лесу» — стихотворение, которое мне и самой когда-то приходилось учить. Я позволила своей голове бессильно повиснуть. Я закрыла глаза.

— Лили, прежде чем мы будем дальше говорить о твоей маме, я хочу, чтобы ты рассказала мне, как ты сюда попала. Хорошо?

Я открыла глаза и кивнула.

— Ты говорила, что твой отец умер.

Я посмотрела на ее руку, которая все еще лежала на моей, опасаясь, что она ее уберет.

— Я это выдумала, — сказала я. — Он не умер. Он лишь *заслуживает*

умереть.

— Терренс Рэй, — сказала она.

— Вы знаете и моего отца?

— Нет, никогда его не видела. Только слышала о нем от Деборы.

— Я называла его Т. Рэй.

— Не папой?

— Он совсем не похож на папу.

— Что ты хочешь сказать?

— Он все время орет.

— На тебя?

— На все на свете. Но я убежала не из-за этого.

— Из-за чего же?

— Т. Рэй... он сказал мне, что моя мама... — Из меня потекли слезы, и слова исторгались в виде высоких трудноразличимых звуков. — Он сказал, что она бросила меня, что она бросила нас обоих и убежала.

В моей груди разбилась стеклянная стена — стена, о существовании которой я и не подозревала.

Августа сдвинулась на край стула и раскрыла объятия, так же как она раскрывала их для Июны в день, когда они нашли Маину предсмертную записку. Я приникла к Августе, и ее руки обвили меня. Это чувство невозможно передать словами: Августа *меня обнимала*.

Я прижималась к ней так крепко, что ее сердце ощущалось как мое собственное. Ее руки гладили меня по спине. Она не говорила: *Да ладно тебе, прекрати плакать, все будет хорошо*. Такие слова люди часто говорят автоматически, когда хотят, чтобы ты заткнулась. Она говорила:

— Это больно. Я знаю, как это больно. Поплачь, дорогая. Поплачь.

Я так и делала. Прижимаясь ртом к ее платью, я выплакивала весь груз боли, скопившийся за мою жизнь. И она не пыталась от этого уклониться.

Она вся промокла от моих слез. Вокруг шеи хлопок ее платья прилип к коже. Я видела, как сквозь мокрые места просвечивает чернота ее кожи. Августа была губкой, впитывающей то, что я была уже не в силах удерживать в себе.

Я чувствовала тепло ее рук на своей спине и всякий раз, отрываясь от ее груди, чтобы вдохнуть немного воздуха, слышала волны ее дыхания. Ровного и спокойного. Мои слезы постепенно иссыкли, и я расслабилась, позволив себе просто качаться на этих волнах.

Наконец я распрямилась и посмотрела на нее, потрясенная силой этого извержения. Августа провела пальцем по изгибу моего носа и печально улыбнулась.

— Простите, — сказала я.

— Не извиняйся, — сказала Августа.

Она подошла к комоду и достала из верхнего ящика белый носовой платок. Он был отглажен и сложен, с монограммой «А. В.», вышитой серебряной ниткой. Она промокнула мне лицо.

— Я хочу, чтобы вы знали, — сказала я, — что я не поверила Т. Рэю, когда он мне это сказал. Я знаю, что она никогда бы меня не бросила. Я хотела все о ней узнать и доказать ему, что он врет.

Августа подняла руку и ущипнула себя под очками за переносицу.

— И поэтому ты убежала? Я кивнула.

— Вдобавок мы с Розалин попали в неприятную историю в городе, и я знала, что если останусь, Т. Рэй меня просто убьет.

— Что за неприятная история?

Мне не хотелось продолжать. Я смотрела в пол.

— Речь идет о том, как Розалин получила синяки и рану на голове?

— Все, что она собиралась сделать — зарегистрироваться для выборов.

Августа прищурилась, словно старалась что-нибудь понять.

— Значит, так, начни с самого начала, ладно? Расскажи мне, что произошло. И не спеши.

Я, как могла, рассказала ей все печальные подробности, стараясь ничего не упустить: Розалин, тренирующаяся писать свое имя; трое мужчин, насмехающихся над ней; как она сплюнула им на ботинки.

— Полицейский отвез нас в тюрьму, — сказала я и услышала, как странно прозвучали эти слова. Можно только вообразить, насколько странно они звучали для Августы.

— В тюрьму? — сказала Августа. Она словно обмякла. — Они посадили вас в тюрьму? Каково было обвинение?

— Полицейский сказал, что Розалин напала на тех людей, но я была там и знаю, что она лишь защищалась. Вот и все.

Подбородок Августы напрягся, а спина распрямилась.

— Как долго вас там продержали?

— Я пробыла там совсем недолго. Т. Рэй приехал и забрал меня, но Розалин они не отпустили. А затем эти люди вернулись и избili ее.

— Мать Божья, — сказала Августа. Ее слова повисли над нами. Я подумала о духе Марии, рассеянном повсюду. Ее сердце — красная чаша, наполненная яростью, скрытая среди обыкновенных вещей. Не об этом ли говорила Августа?

— Ну и как же она в конце концов выбралась? Иногда нужно просто

сделать глубокий вдох и выложить все начистоту:

— Я пошла в больницу, куда ее привезли, чтобы наложить швы, и вывела ее оттуда так, что полицейский не заметил.

— Мать Божья, — сказала она уже во второй раз. Августа встала и сделала круг по комнате.

— Я бы никогда не стала этого делать, если бы Т. Рэй не сказал, что мужчина, который бил Розалин, — самый ярый ненавистник цветных на свете и с него станется вернуться, чтобы ее убить. Я просто не могла ее там оставить.

Это было страшно — то, как мои секреты разлетелись по комнате, словно бы мусоровоз, сдав назад, вывалил все свое мерзкое содержимое посреди комнаты, и Августа должна теперь это разгребать. Но это не сильно пугало меня. Больше всего пугало то, как она откинулась на стуле и глядела в окно, скользя взглядом по моей макушке, глядя в никуда, в пустой воздух. И ее мысли — непостижимая тайна.

У меня горела шея.

— Я не хочу быть плохой, — сказала я и посмотрела на свои руки, сложенные вместе, как на молитве. — Но я не могу ничего поделать.

Я было решила, что уже выплакала все слезы, но они вновь покатались у меня из-под век.

— Я делаю все не так. Я все время вру. Не вам. Нет, вам тоже — но только когда иначе никак. И я ненавижу людей. Не только Т. Рэя, но многих еще. Девочек в школе, а они ведь не сделали мне ничего плохого — только не обращали на меня внимания. Ненавижу Уиллифред Марчант, тибуронскую знаменитость, а ведь я даже с ней не знакома. Иногда ненавижу Розалин за то, что из-за нее чувствую себя неловко. И когда я вначале жила здесь, то ненавидела Июну.

Нас затопила тишина. Она поднималась, подобно воде. Я слышала рев в своей голове, шум дождя — в ушах.

Посмотри на меня. Положи свою руку поверх моей. Скажи что-нибудь.

К этому моменту из носа у меня текло так же, как и из глаз. Я хлюпала, вытирала щеки, не в силах заставить свой рот прекратить выплевывать все эти страшные вещи о себе. Когда я все скажу... ну, если она сможет и тогда меня любить, если она сможет сказать: *Лили, ты все равно уникальный цветок, выращенный на Земле*, тогда, возможно, я смогу посмотреть в зеркала ее гостиной, чтобы увидеть реку, сверкающую в моих глазах, чистую и ясную реку.

— Но все это — просто ничто, — сказала я. Я встала на ноги, желая

куда-нибудь скрыться, но скрыться было некуда. Мы были на острове. Голубой остров в розовом доме, где я призналась во всем и теперь надеялась, что меня не швырнут в море.

— Я...

Августа смотрела на меня. Она ждала. Я не знала, смогу ли это вымолвить.

— Я виновата в ее смерти. Я... я ее убила.

Я зарыдала и упала на колени. Я впервые говорила подобные слова другому человеку, и их звук расколол мне сердце.

Может быть, один или два раза за всю свою жизнь вы услышите шепоток духа тьмы, голос, вещающий прямо из преисподней. У него вместо губ бритвенные лезвия, и он не успокоится, пока все вам не выскажет. Стоя на полу на коленях, не в силах унять дрожь, я слышала его совершенно ясно. Он сказал: *Тебя никто не любит, Лили Оуэнс. Никто. Кто бы смог тебя любить? Кто вообще в этом мире смог бы тебя любить?*

Я упала еще ниже, на пятки, с трудом отдавая себе отчет в том, что бормочу: «Меня никто не любит». Взглянув вверх, я увидела пылинки, парящие в свете лампы, и Августу, глядящую на меня. Я подумала, что она, возможно, попробует поднять меня на ноги, но вместо этого она опустилась возле меня на колени и откинула с моего лица волосы.

— О, Лили, — сказала она. — Девочка.

— Я убила ее ненарочно, — сказала я, глядя ей прямо в глаза.

— Теперь послушай меня, — сказала Августа. — Это ужасно, ужасно, что ты с этим живешь. Но это неправда, что тебя никто не любит. Даже если ты ее случайно и убила, ты все равно самая милая, самая достойная любви девочка, которую я знаю. Ведь Розалин тебя любит. Мая тебя любила. Не нужно быть экстрасенсом, чтобы увидеть, что Зак тебя любит. И каждая из Дочерей тебя любит. И Июна, несмотря ни на что, тебя тоже любит. Просто это заняло у нее больше времени, потому что ей не нравилась твоя мама.

— Не нравилась моя мама? Но почему? — спросила я, внезапно поняв, что Июна тоже все это время знала, кто я такая.

— О, это сложно, как и сама Июна. Она не могла смириться с тем, что я была служанкой в доме твоей мамы. — Августа покачала головой. — Я знаю, это несправедливо, но она вымещала это на Деборе, а потом и на тебе. Но даже Июна в конце концов тебя полюбила, ведь так?

— Наверное, — сказала я.

— Но главное, я хочу, чтобы ты была уверена, что тебя люблю я. Так

же, как я любила твою маму.

Августа поднялась, но я осталась на месте, стараясь сохранить ее слова у себя внутри.

— Давай руку, — сказала она, наклоняясь.

Встав на ноги, я почувствовала головокружение, и у меня потемнело в глазах — я встала слишком быстро.

Столько любви сразу. Я не знала, что с ней делать.

Мне хотелось сказать: *Я тоже вас люблю. Я люблю вас всех.* Это чувство росло во мне, как столб торнадо, но когда оно дошло до моего рта, из него не вышло ни звука, ни слова. Лишь воздух и радость.

— Нам обеим не помешает проветриться, — сказала Августа, и мы направились на кухню.

* * *

Августа налила два стакана ледяной воды из холодильника. Мы взяли их с собой на заднюю веранду, где сели на качели, маленькими глоточками попивая прохладу и слушая поскрипывание цепей. Удивительно, насколько успокаивающим может быть этот звук. Мы не потрудились включить верхний свет, и это тоже успокаивало — просто сидеть в темноте.

Через несколько минут Августа сказала:

— Но все же я никак не пойму. Лили — откуда ты узнала, что тебе нужно сюда?

Я вынула из кармана деревянную картинку с Черной Марией.

— Это принадлежало моей маме, — сказала я. — Я нашла это на чердаке, вместе с фотографией.

— О боже, — сказала она, поднеся руку ко рту. — Я дала это твоей маме незадолго до ее смерти.

Она поставила стакан на пол и прошла в другой конец веранды. Я не знала, должна ли я говорить что-то еще и ждала, чтобы она сама что-нибудь сказала, но она молчала, и тогда я подошла и встала с ней рядом. Ее губы были плотно сжаты, а глаза всматривались в темноту. Ее рука с зажатой в ней дощечкой была опущена.

Только через минуту она подняла руку, чтобы мы обе могли посмотреть на картинку.

— Сзади на ней написано: «Тибурон, Ю. К.», — сказала я.

Августа перевернула картинку.

— Наверное, Дебора это и написала. — Что-то, похожее на улыбку, пробежало по лицу Августы. — Это так на нее похоже. У нее был альбом фотографий, и на обороте каждой из фотографий она надписывала место, где это снималось, даже если это был ее собственный дом.

Она отдала мне картинку. Я провела пальцем по слову «Тибурон».

— Кто бы мог подумать, — сказала Августа.

Мы вновь уселись на качели и стали раскачиваться, легонько отталкиваясь от пола ногами. Августа смотрела прямо перед собой. Лямка от платья упала с ее плеча, но она этого даже не заметила.

Июна всегда говорила, что большинство людей откусывают больше, чем могут прожевать, но Августа прожевывала больше, чем откусывала. Июна любила дразнить Августу тем, как та обдумывает разные вещи, как она может с тобой разговаривать, но уже в следующую секунду погрузиться в свой собственный мир, где переваривает то, от чего простой человек мог бы задохнуться. Мне хотелось сказать: *Научите меня этому. Научите, как во всем этом разобраться.*

Над деревьями пророкотал гром. Я подумала о чаепитиях моей мамы, о крошечных бутербродиках для кукольных ртов, и это повергло меня в печаль. Может быть, оттого, что мне так хотелось самой все это увидеть. А может, оттого, что все бутерброды наверняка были с ореховой пастой, любимым лакомством мамы, а я была к нему совершенно равнодушна. Еще я подумала о стихотворении, которое Августа заставила ее выучить, — помнила ли его мама и после замужества? Лежала ли она в постели, слушая храп Т. Рэя, повторяя стихотворение про себя и мечтая убежать куда-нибудь с Робертом Фростом?

Я покосилась в сторону Августы. Мои мысли вернулись к тому моменту в спальне, когда я признавалась ей во всех смертных грехах. Выслушав это, она сказала: *Я тебя люблю. Так же, как любила твою маму.*

— Хорошо, — сказала Августа, словно бы мы и не прерывали беседу. — Картинка объясняет, как ты оказалась в Тибуроне, но как ты нашла меня?

— Это было просто, — сказала я. — Мы бы сюда так и не попали, если бы я не заметила ваш мед «Черная Мадонна» и на нем не было точно такой же картинки, как у моей мамы. Черной Мадонны Богемских Брежничар.

— Ты произносишь это просто отлично, — сказала мне Августа.

— Я тренировалась.

— И где ты увидела этот мед?

— Я зашла в универсальный магазин Фрогмора Стю на окраине

города. Я спросила того человека в галстук-бабочке, откуда у него этот мед. И он сказал, где вы живете.

— Это, должно быть, был мистер Грэди. — Она покачала головой. — Клянусь, мне кажется, что тебе было просто *предначертано* сюда попасть.

Мне было предначертано, в этом у меня нет сомнений. Только хотелось бы знать, куда мне предначертано попасть дальше? Я взглянула на наши ноги, на то, как мы обе держали руки на коленях ладонями вверх, словно бы ожидая, что в них должно что-то упасть.

— Раз так, почему бы нам не продолжить разговор о твоей маме? — сказала она.

Я кивнула. Каждая косточка в моем теле стонала от желания поговорить о ней.

— Как только ты захочешь остановиться и сделать перерыв, сразу же мне говори.

— Хорошо, — сказала я. Трудно было вообразить, что сейчас будет. Что-то, требующее *перерывов*. Перерывов на что? Чтобы я могла потанцевать от радости? Чтобы Августа могла привести меня в чувство, когда я грохнусь в обморок? Или смысл перерывов был в том, что во время них я смогу переварить плохие новости?

Вдалеке залаяла собака. Августа подождала, пока лай прекратится, затем сказала:

— Я начала работать у матери Деборы в 1931 году. Деборе было тогда четыре года. Милейший ребенок, но с заморочками. Я хочу сказать — действительно с проблемами. Например, она ходила во сне. Как-то ночью она вышла на улицу и залезла на лестницу, которую кровельщики оставили прислоненной к дому. От этих ночных хождений ее мама просто сходила с ума. — Августа засмеялась.

— И у твоей мамы была воображаемая подружка. У тебя когда-нибудь была такая? — Я помотала головой. — Она звала ее Тики Ти. Она разговаривала с ней, словно бы та действительно была рядом, а если я забывала приготовить за столом место для Тики Ти, Дебора закатывала истерику. Иногда я накрывала на стол для Тики Ти, а Дебора говорила: «Что ты делаешь? Тики Ти здесь нет. Она пошла в кино». Твоя мама обожала фильмы с Ширли Темпл.

— Тика Ти, — сказала я, желая попробовать это имя на вкус.

— Эта Тика Ти была что-то, — сказала Августа. — С чем бы у Деборы ни были трудности. Тика Ти делала это просто безупречно. Тика Ти делала все свои уроки, получала золотые звездочки в воскресной школе, заправляла постель, мыла свою тарелку. Люди советовали твоей бабушке —

ее звали Сара, — чтобы она показала Дебору в Ричмонде доктору, специализирующемуся на детях с отклонениями. Но я ей сказала: «Не беспокойтесь об этом. Просто она делает все по-своему. Со временем она перерастет Тику Ти». Так и произошло.

Как же случилось, что у меня не было воображаемых друзей? Я видела в этом смысл — скрытая часть тебя выходит наружу и показывает, кем бы ты стала, приложив немного усилий.

— Кажется, мы с мамой были совсем непохожи, — сказала я.

— О нет, вы похожи. У нее была одна черта, которая есть и у тебя. Иногда она делала что-нибудь, что другим девочкам и не снилось.

— Например? Августа улыбнулась.

— Однажды она убежала из дому. Я даже не помню, что ее так расстроило. Мы искали ее полночи и наконец нашли в сточной канаве крепко спящей.

Опять залаяла собака, и Августа замолчала. Мы слушали, словно это была какая-то серенада, и я, сидя с закрытыми глазами, пыталась представить мою маму в канаве.

Через какое-то время я спросила:

— Как долго вы работали у... моей бабушки?

— Весьма долго. Больше девяти лет. Пока не нашла ту работу учительницей, о которой я тебе рассказывала. Но мы поддерживали связь и после того.

— Готова поспорить, что они были не в восторге, когда вы переехали сюда, в Южную Каролину.

— Бедная Дебора плакала и плакала. Ей уже было девятнадцать, но она плакала, словно ей было шесть.

Качели остановились, и никому из нас не пришло в голову раскачать их снова.

— А как моя мама оказалась здесь?

— Я жила тут уже два года, — сказала Августа. — Занималась медом, а Июна преподавала в школе, когда Дебора мне позвонила. Она рыдала, говорила, что ее мама умерла. «У меня не осталось никого, кроме тебя», — повторяла она.

— А что случилось с ее отцом? Где был он?

— Ну, мистер Фонтанель умер, когда она была совсем маленькой. Я никогда его не видела.

— Значит, она переехала сюда, чтобы быть с вами?

— У Деборы была подруга по колледжу, которая незадолго до этого переселилась в Силван. Именно она убедила Дебору, что Силван —

подходящее для нее место. Она рассказала ей, что там есть работа и много мужчин, вернувшихся с войны. Так что Дебора переехала. Но я думаю, что это во многом было из-за меня. Думаю, она хотела, чтобы я была неподалеку.

Кое-что начинало проясняться.

— Моя мама приехала в Силван, — сказала я, — встретила Т. Рэя и вышла замуж.

— Именно так, — сказала Августа.

Когда мы только вышли на веранду, небо сверкало мириадами звезд, а Млечный Путь светился, как настоящая дорога, по которой можно пройти и в конце ее встретить свою маму, стоящую уперев руки в боки. Но теперь влажный туман вкатился во двор и навис над верандой. И минуту спустя из тумана полился дождь.

Я сказала:

— Чего я, наверное, никогда не пойму, это почему она за него вышла.

— Не думаю, что твой отец всегда был таким, как сейчас. Дебора рассказывала мне о нем. Ей нравилось, что он был награжден во время войны. Он казался ей таким храбрым. Она говорила, что он обращался с ней, как с принцессой.

Я едва не рассмеялась ей в лицо.

— Это был какой-то другой Терренс Рэй, могу вам сразу сказать.

— Понимаешь, Лили, иногда люди очень сильно меняются с течением времени. Я не сомневаюсь в том, что вначале он любил твою маму. На самом деле, я думаю, что он ее просто боготворил. И твоей маме это очень нравилось. Как и многие молодые женщины, она порхала на крыльях любви. Но через шесть месяцев или около того любовь начала проходить. В одном из своих писем она писала про грязь под ногтями Терренса Рэя. Я это помню. В следующем письме она сообщила, что не знает, хочет ли она жить на ферме, или что-то в этом роде. Словом, когда он сделал ей предложение, она отказалась.

— Но ведь она вышла за него, — сказала я, совершенно запутавшись.

— Позже она передумала и согласилась.

— Почему? — спросила я. — Если любовь прошла, почему она за него вышла?

Августа погладила мои волосы.

— Не знаю, стоит ли тебе говорить, но, возможно, это поможет тебе лучше понять, что произошло. Дебора была беременна.

За мгновение до этих слов я уже сама все поняла, но все равно они оглушили меня, как удар молотком.

— Она была беременна мной? — Мой голос звучал устало. Жизнь моей мамы была мне не по силам.

— Верно, беременна тобой. Они с Терренсом Рэем поженились где-то под Рождество. Она позвонила мне, чтобы сообщить эту новость.

Нежеланна, думала я. Я была нежеланным ребенком.

Мало того — из-за меня маме пришлось жить с Т. Рэем. Я была рада, что мы сидели в темноте и Августа не могла видеть мое лицо — то, как оно вытянулось. Ты думаешь, что хочешь что-то знать, но когда узнаешь, начинаешь мечтать лишь об одном — как уничтожить это знание. Отныне, если люди будут спрашивать меня, кем я хочу стать, я намереваюсь всякий раз отвечать: *пациентом больницы, страдающим потерей памяти.*

Я слушала шум дождя. До меня долетали брызги и смачивали мне щеки, пока я считала на пальцах.

— Я родилась через семь месяцев после их свадьбы.

— Она позвонила мне сразу же, как ты родилась. Она сказала, что ты настолько хорошенькая, что на тебя больно смотреть.

Что-то в этих словах резануло по *моим собственным* глазам так, словно в них швырнули песок. Может быть, моя мама все же ворковала надо мной. Обнимала и агукала. Делала из моих младенческих волос ирокез. Нацепляла на них розовые резиночки. То, что она не планировала мое рождение, еще не значит, что она меня не любила.

Августа продолжала говорить, а я тем временем нашла прибежище в привычной истории, какую я всегда себе рассказывала, — ту, в которой моя мама беззаветно меня любила. Я всегда жила в этой истории, подобно золотой рыбке в аквариуме, как если бы за ее пределами мир не существовал. Покинуть эту легенду — означало мою смерть.

Я сидела с опущенными плечами, уставившись в пол. *Я не стану вспоминать слово «нежеланный».*

— Ты в порядке? — спросила Августа. — Хочешь сейчас лечь спать? Утро вечера мудренее. А завтра мы бы продолжили.

— Нет, — сорвалось с моих губ. Я сделала глубокий вдох. — Все нормально, правда, — сказала я, стараясь выглядеть невозмутимой. — Мне только нужно еще воды.

Она взяла мой пустой стакан и пошла на кухню, дважды на меня оглянувшись. Когда она вернулась с водой, с ее руки свисал красный зонтик.

— Через некоторое время я провожу тебя в медовый домик, — сказала она.

Пока я пила, стакан отплясывал в моей руке, а вода едва проходила

мне в горло. Я глотала с такими звуками, что на какое-то время заглушила шум дождя.

— Ты уверена, что не хочешь отправиться спать прямо сейчас? — спросила Августа.

— Уверена. Я должна знать...

— Что ты должна знать, Лили?

— Все, — сказала я.

Августа покорно уселась на качели рядом со мной.

— Тогда ладно, — сказала она. — Ладно.

— Я понимаю, что она вышла замуж только из-за меня, но неужели она не была хоть чуточку счастлива? — спросила я.

— Думаю, что первое время — была. По крайней мере, она старалась, это я точно знаю. За первые пару лет я получила от нее с дюжину писем, и не меньше звонков, и видела, что она прилагает все усилия. В основном она писала о тебе, как ты училась сидеть, о твоих первых шагах, о том, как вы играли. Но потом ее письма стали приходить все реже и реже, и было ясно, что она несчастна. Однажды она мне позвонила. Это был конец августа или начало сентября — я помню, потому что незадолго до этого мы праздновали День Марии.

— Она сказала, что оставляет Т. Рэя и что должна покинуть свой дом. Она хотела знать, можно ли будет пожить у нас несколько месяцев, прежде чем она решит, куда ей податься. Я сказала, конечно, буду рада. Когда я встретила ее с автобуса, она была непохожа на саму себя. Худящая, с темными кругами под глазами.

Мой желудок сжался. Я знала, что мы подошли к месту, которого я боялась больше всего. Я задышала часто и сильно.

— Я была с ней, когда вы ее встретили? Она взяла меня с собой, правда?

Августа наклонилась ко мне и прошептала мне в волосы:

— Нет, она приехала одна.

Я поняла, что укусила себя изнутри за щеку. От вкуса крови мне захотелось сплюнуть, но вместо этого я глотнула.

— Почему? — спросила я. — Почему она приехала без меня?

— Я знаю только, что она была подавлена, она была на грани безумия. В тот день, когда она ушла из дома, не случилось ничего необычного. Она просто проснулась и решила, что не может там больше оставаться. Она попросила женщину с соседней фермы, чтобы та посидела с ребенком, забралась в грузовик Терренса Рэя и приехала на автобусный вокзал. Пока она не оказалась здесь, я была уверена, что ты едешь с ней.

Качели тихо скрипели, а мы сидели на них, окруженные запахом дождя, мокрого дерева, преющей травы. *Моя мама меня бросила.*

— Я ее ненавижу, — сказала я. Я собиралась это крикнуть, но у меня вышло неестественно спокойно, с низким дребезгом, как звук машины, медленно едущей по гравию.

— Не спеши, Лили.

— Я ее ненавижу. Она оказалась совсем не такой, как я думала.

Всю жизнь я представляла себе, как она меня любила, какой она была образцовой матерью. И все это было ложью. Я ее выдумала, от начала до конца.

— Ей нетрудно было меня бросить, ведь она с самого начала меня не хотела, — сказала я.

Августа потянулась ко мне, но я поднялась на ноги и распахнула дверь, затянутую проволочной сеткой от насекомых. Я позволила ей со стуком за мной захлопнуться и села на забрызганные дождем ступеньки под навесом крыльца.

Я слышала, как Августа прошла через веранду, и почувствовала, как воздух сгустился там, где она встала за моей спиной, отгороженная проволочной сеткой.

— Я не собираюсь оправдывать ее, Лили, — сказала она. — Твоя мама сделала то, что сделала.

— Та еще мама, — сказала я. Я ощущала внутри себя какую-то жестокость. Жестокость и злость.

— Послушай меня минутку. Когда твоя мама приехала сюда, она была буквально кожа да кости. Мая не могла заставить ее съесть хоть крошку. Она лишь плакала, целую неделю. Позже мы сказали, что это было нервным расстройством, но пока это происходило, мы не знали, как это называть. Я отвезла ее к доктору, и он прописал ей трескового жира и спросил, где сейчас ее белая семья. Он сказал, что, возможно, ей стоит провести некоторое время на Булл-стрит. Так что я решила больше ее к нему не возить.

— Булл-стрит. Психиатрическая больница? — Ее рассказ становился страшнее с каждой минутой. — Но ведь это для сумасшедших.

— Думаю, он просто не знал, что с ней делать. Но она не была сумасшедшей. Она была в депрессии, но сумасшедшей она не была.

— Надо было ему позволить ее туда отправить. Лучше бы она там подохла.

— Лили!

Августа была возмущена, и я была этим довольна.

Моя мама искала любви, а вместо этого нашла Т. Рэя и ферму. А тут еще я. Когда она поняла, что любовь ко мне недостаточна, она оставила меня с Т. Рэем Оуэнсом.

Небо разорвала молния, но даже тогда я не двинулась с места. Мои волосы разметались во все стороны. Я чувствовала, как затвердевают мои глаза, как они становятся маленькими и плоскими, словно монетки. Я смотрела на кучку птичьего помета на нижней ступеньке, на то, как дождь размазывал и заталкивал его в щели доски.

— Ты меня слушаешь? — спросила Августа. Ее голос просачивался ко мне через проволочную сетку, и каждое слово было с шипами, как у колючей проволоки. — Ты слушаешь?.

— Да, я слышу.

— Когда у человека депрессия, он делает то, чего не сделал бы в нормальном состоянии.

— Например, что? — сказала я. — Бросает своих детей? — я не могла остановиться. Дождь намочил мне сандалии, залился между пальцев ног.

Глубоко вздохнув, Августа вернулась к качелям и села.

Я поднялась со ступенек и вернулась на веранду. Как только я села на качели возле Августы, она накрыла мою руку своей, и ее тепло стало перетекать в меня. Я задрожала.

— Иди сюда, — сказала она, притягивая меня к себе, и мы сидели так некоторое время, чуть-чуть покачиваясь.

— А что привело ее к депрессии, — спросила я.

— Я не могу сказать точно, но, думаю, это было отчасти из-за того, что она жила на ферме, вдали от привычных вещей, замужем за человеком, с которым она, по большому счету, не хотела жить.

Дождь усилился, превратившись в плотную, серебристо-черную пелену. Я пыталась, но все равно не могла понять, что я чувствую. Я то ненавидела мою маму, то жалела ее.

— Хорошо, у нее было нервное расстройство, но как она могла вот так взять и оставить меня?

— Когда твоя мама прожила здесь три месяца и стала чувствовать себя лучше, она начала говорить, что сильно скучает по тебе. Наконец она поехала в Силван, чтобы тебя забрать.

Я выпрямилась и поглядела на Августу, слыша, как мои губы всасывают воздух.

— Она вернулась, чтобы меня забрать?

— Она собиралась привезти тебя сюда. Она даже разговаривала с Клейтоном об оформлении развода. Последний раз я видела ее в автобусе,

машущей мне через окно.

Я прислонила голову к плечу Августы. Я точно знала, что произошло дальше. Достаточно было просто закрыть глаза. Давно прошедший день, который никогда не пройдет, — чемодан на полу, то, как она, не складывая, кидала туда свою одежду. *Быстрее*, повторяла она.

Т. Рэй сказал мне, что она вернулась за своими вещами. Но она вернулась и за мной. Она хотела привезти меня сюда, в Тибурон, к Августе.

Если бы только все так и вышло. Я вспомнила стук ботинок Т. Рэя по ступенькам. Мне захотелось разбить обо что-нибудь свои кулаки, наорать на мою маму, за то, что она подставилась, за то, что она не собралась быстрее или не приехала раньше.

Наконец я посмотрела на Августу. Когда я заговорила, во рту был вкус горечи.

— Я это помню. Я помню, как она приезжала меня забрать.

— Вот как!

— Т. Рэй застал ее собирающей вещи. Они кричали и ругались. Она... — Я замолчала, прислушиваясь к их голосам, звучащим у меня в голове.

— Продолжай, — сказала Августа.

Я посмотрела на свои руки. Они дрожали.

— Она достала из чулана пистолет, но он его отнял. Все происходило так быстро, что у меня в голове все перепуталось. Я увидела пистолет на полу и подняла его. Не знаю, зачем я это сделала. Я... я хотела помочь. Вернуть пистолет ей. Зачем я это сделала? Зачем я его подняла?

Августа отодвинулась к краю качелей и повернулась ко мне. Ее взгляд был твердым.

— Ты помнишь, что случилось дальше, после того, как ты подняла пистолет?

Я помотала головой.

— Только звук. Взрыв. Такой громкий. Качели дернулись. Я подняла глаза и увидела, что Августа нахмурилась.

— Как вы узнали о... смерти моей мамы? — спросила я.

— Когда Дебора не вернулась... ну, я должна была знать, что произошло, так что я позвонила к вам домой. Ответила женщина, назвавшаяся соседкой.

— Вам обо всем рассказала наша соседка?

— Она сказала, что Дебора погибла от несчастного случая с пистолетом. Она больше ничего не стала рассказывать.

Я отвернулась и посмотрела наружу, в ночь, на капли, срывающиеся с

ветвей деревьев, на тени,двигающиеся на полутемном крыльце.

— Вы не знали, что это сделала... именно я?

— Нет, я и представить себе такого не могла, — сказала Августа. — И я не уверена, что могу представить это. — Она сцепила руки и положила их себе на колени. — Я пыталась что-то выяснить. Я позвонила опять, и ответил Терренс Рэй, но он не захотел говорить об этом. Он лишь хотел знать, кто я такая. Я даже позвонила в отделение полиции Силвана, но они тоже отказались дать мне информацию, сказав только, что это был несчастный случай. Так что все эти годы я ничего не знала.

Мы сидели в молчании. Дождь почти прекратился, оставив нас в тишине, наедине с безлунным небом.

— Пойдем, — сказала Августа. — Уложим тебя спать.

Мы шли сквозь ночь, и стрекот кузнечиков, объединившись с постукиванием капель по зонту, выбивали те кошмарные ритмы, которые всегда возникают, когда слабеет твоя защита. *Тебя бросили, выстукивали они. Бросили. Бросили.*

Знание может быть истинным проклятием. Я обменяла груз лжи на груз правды и не знала, который из них был тяжелее. Для чего нужно больше силы? Впрочем, это был нелепый вопрос, поскольку, как только ты узнал правду, ты уже не можешь вернуться назад и поднять свой чемодан с ложью. Тяжелее или нет, но правда теперь всегда с тобой.

В медовом домике Августа подождала, пока я заберусь под простыню, а затем нагнулась и поцеловала меня в лоб.

— Каждый человек на свете делает ошибки. Лили. Без исключений. Это так по-человечески. Твоя мама сделала ужасную ошибку, но она пыталась ее исправить.

— Спокойной ночи, — сказала я, переворачиваясь на бок.

— В мире нет ничего совершенного, — сказала Августа от дверей. — Есть только жизнь.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Рабочая пчела имеет чуть больше сантиметра длины и весит всего около шестидесяти миллиграммов; несмотря на это, она может летать с грузом, тяжелее, чем она сама.

«Медоносная пчела»

Жара скапливалась в углублениях локтей, в нежных местах под коленками. Лежа поверх простыней, я дотронулась до своих век. Я так много плакала, что они были распухшими и полузакрытыми. Если бы не мои веки, я бы не смогла поверить тому, что только что происходило между мной и Августой.

С тех пор, как Августа вышла, я не двигалась, а лишь лежала, глядя на стену, на полчища ночных букашек, которые появляются и начинают сновать туда-сюда, как только решают, что ты уже спишь. Когда мне надоело на них смотреть, я положила руку себе на глаза и сказала: *Спи, Лили. Пожалуйста, просто усни* Но это, конечно же, было невозможно.

Я села, чувствуя себя так, словно мое тело весит двести фунтов. Меня угнетала эта тяжесть.

Не раз, глядя на стенку, я вспоминала о Нашей Леди. Мне хотелось поговорить с ней, спросить: *Что же дальше?* Но когда я видела ее чуть раньше, только войдя с Августой в медовый домик, было непохоже, что она сможет сейчас кому-нибудь помочь — связанная, обмотанная цепями. Хочется, чтобы та, кому ты молишься, хотя бы *выглядела* сильной.

Я с трудом встала и отправилась на нее взглянуть. Я решила, что даже Мария не обязана постоянно быть в силе. Все, что мне от нее хотелось, это чтобы она меня поняла. Мне нужен был кто-то, кто сможет глубоко вздохнуть и сказать: *Бедняжка. Я знаю, что ты чувствуешь.*

Мне тут же ударил в нос запах цепей, их густой, ржавый аромат. У меня возникло побуждение развязать Марию, но это, конечно, разрушило

бы Августе и Дочерям всю их инсценировку.

В ногах Марии мерцала красная свечка. Я опустилась на пол и села перед ней, скрестив ноги. Снаружи доносился шум ветра, и его монотонный голос вернул меня в давние времена, когда я просыпалась ночью от такого же звука, и, затуманенная сном, воображала, что это была моя мама, поющая о своей бездонной любви. Однажды я влетела в комнату Т. Рэя, крича, что мама стоит у меня за окном. Он произнес только три слова: «Собачья чушь. Лили».

И вот он оказался прав. Не было никакого голоса среди деревьев. Не было мамы за окном. Не было бездонной любви.

Но самым ужасным, действительно ужасным, была злость, поселившаяся во мне. Она возникла на веранде, когда выдуманная мною история мамы оказалась совершенно несостоятельной, и земля ушла у меня из-под ног. Я вовсе не хотела злиться. Я говорила себе: *Ты не злишься. У тебя нет никакого права злиться. То, что ты сделала своей маме, намного хуже того, что она сделала тебе.* Но невозможно отвернуться от злости. Ты или зол, или нет.

Злость меня распирала. Еще минута, и я уже не смогла дышать из-за нее.

Я поднялась на ноги и двинулась в темноту. На столе полдюжины банок меда «Черная Мадонна» ожидали, пока Зак доставит их кому-нибудь — может, Клейтону, или в универсальный магазин Фрогмора Стю, или в бакалейную лавку, а может, в «Божественные Деяния» — салон красоты для цветных.

Как она посмела? Как посмела она меня бросить? Ведь я была ее дочерью!

Я смотрела на окно и хотела перебить в нем все стекла. Я хотела запустить чем-нибудь прямо в небеса и сбить Бога со своего трона. Я схватила одну из банок с медом и птырнула ее со всей силы. Она пролетела в нескольких дюймах от головы Марии и разбилась о стену. Я схватила еще одну и швырнула ее вслед за первой. Она раскололась о пол возле штабелей суперов. Когда банки закончились, а все вокруг было забрызгано медом, я стояла среди заляпанной комнаты, полной битого стекла, и все думала: «Моя мама меня бросила. Какое мне может быть дело до меда на стенах?»

Затем я схватила жестяное ведро и, зарывав, швырнула его с такой силой, что на стене осталась выбоина. В руке уже почти не было силы, но я подняла поддон со свечными формами и тоже запустила им в стену.

Я стояла не шевелясь, глядя, как мед сползает со стен на пол. По моей левой руке стекала яркая струйка крови. Мое сердце бешено колотилось.

Комната вращалась, как карусель, а мой желудок то поднимался, то опускался. Мне хотелось подпереть стену обеими руками, чтобы она остановила свое вращение. Я подошла к столу, на котором еще недавно стояли банки с медом, и схватилась за его край. Я не знала, что мне делать. Я ощущала невероятную печаль — не оттого, что я сделала, сколь бы плохо это ни было, но оттого, что все теперь казалось пустым — чувства, которые я к ней испытывала, все, во что я верила, все эти легенды о ней, которыми я жила, словно это была пища, вода и воздух. Потому что я была девочкой, которую она бросила. Вот в чем было дело.

Оглядывая учиненный разгром, я подумала, не мог ли кто-нибудь в розовом доме слышать, как я бью банки о стены. Я подошла к окну и вгляделась в темноту, но было тихо... Окна Августы были темны. Я чувствовала, как болело мое сердце. Словно его раздавили каблуком.

— Как ты могла меня бросить? — прошептала я, глядя, как мое дыхание оставляет на стекле запотевший след. — Как ты могла меня бросить?

Еще некоторое время я стояла, прижавшись к окну, затем подошла к Нашей Леди и раскидала в стороны осколки стекла, которые валялись перед ней. Я легла на бок, подтянув колени к подбородку. Надо мной нависала черная Мария, забрызганная медом, и ничему не удивлялась. Я лежала опустошенная, обессиленная, и все во мне — даже ненависть — умерло. И ничего нельзя было сделать.

Нельзя никуда пойти. Я есть только здесь и сейчас, только здесь и сейчас.

Я приказала себе не подниматься и не ходить, если не хочу порезать свои ноги осколками. Я закрыла глаза и начала придумывать сон, который мне хотелось увидеть, — будто в статуе черной Марии открывается дверца, прямо над ее животом, и я залезаю внутрь в потайную комнату. Это не было моим воображением, я видела такую картинку в книге Августы: скульптура Марии с распахнутой дверцей и внутри нее — люди, нашедшие свое утешение.

* * *

Я проснулась оттого, что меня трясли огромные руки Розалин. Яркий свет резанул по глазам. Ее лицо нависало над моим, обдавая запахом кофе и виноградного желе изо рта.

— Лили! — вопила она. — Что за дьявольщина здесь произошла?

Я и забыла о крови, которая запеклась у меня на руке. Я посмотрела на руку, на осколок стекла, крошечный, как брильянт, вставленный в оправу из моей кожи. Я лежала, окруженная зазубренными осколками банок и лужами меда. Повсюду виднелись капли крови.

Розалин глядела на меня и ждала, не зная что и подумать. А я глядела на нее, стараясь сфокусировать взгляд на ее лице. Солнечный свет скатывался с Нашей Леди и падал на пол рядом с нами.

— Отвечай, — сказала Розалин.

Я щурилась на свет. Мне не верилось, что я смогу открыть рот и что-нибудь сказать.

— Посмотри на себя. Ты истекаешь кровью.

Моя голова мотнулась на шее. Я оглядела разруху, царящую в комнате. Я чувствовала себя пристыженно, глупо, нелепо.

— Я... я разбила несколько банок меда.

— Ты устроила весь этот бардак? — спросила она, словно бы не могла этому поверить, словно она ожидала, что я скажу, что это была банда грабителей, ворвавшихся сюда среди ночи. Она выпятила нижнюю губу и дунула на свое лицо, так сильно, что ее волосы взметнулись вверх, что было не так-то просто сделать, учитывая количество лака, которым она их мазала.

— Господь Бог на небесах, — сказала она.

Я поднялась на ноги, ожидая, что она станет на меня орать, но вместо этого она попыталась своими толстыми пальцами выщипнуть у меня из руки осколок стекла.

— Нужно промыть ранку, пока не началось заражение, — сказала она. — Пошли.

Она выглядела раздраженной, словно бы ей хотелось схватить меня за плечи и трясти до тех пор, пока у меня не повывлетают все мозги.

* * *

Я сидела на краю ванны, пока Розалин протирала мою руку тампоном, смоченным жгучей жидкостью. Она залепила руку пластырем и сказала:

— Теперь ты хотя бы не умрешь от заражения крови.

Я смотрела, как она садится на стульчак и живот повисает у нее между ног. Когда Розалин сидела на унитазе, тот полностью под ней исчезал.

Глядя на нее, я думала: как хорошо, что Августа с Июной до сих пор в своих комнатах.

— Ладно, — сказала Розалин, — ну и зачем ты раскидала весь мед?

Я глядела на ряд морских ракушек на подоконнике, зная, насколько они здесь уместны, хотя мы и находились в сотнях миль от океана. Августа говорила, что у каждого в ванной должны быть ракушки, чтобы напоминать ему, что океан — наш дом. Ракушки, говорила она, любимые вещи Нашей Леди, после луны, конечно.

Я подошла и взяла одну из ракушек. Это была красивая белая ракушка, с желтизной по краям.

Розалин сидела на унитазе, продолжая на меня смотреть.

— Я вся — внимание.

— Т. Рэй был прав насчет моей мамы, — сказала я, и эти слова будто бы придавили меня к земле. — Она меня бросила. Все было так, как он и сказал. Она меня бросила.

На какую-то секунду злость, которую я чувствовала ночью, вспыхнула с новой силой, и я чуть было не швырнула ракушку в ванну. Но вместо этого я глубоко вздохнула. Истерики, как выяснилось, не приносили мне особого успокоения.

Розалин переместила свой вес, и унитаз заскрипел. Она пригладила рукой волосы. Я стала смотреть в сторону, на трубу под раковиной, на ржавые потеки на линолеуме.

— Значит, твоя мама все-таки тебя оставила, — сказала она. — Господи, этого я и боялась.

Я подняла голову. Я вспомнила, как в ту первую ночь, когда мы убежали, возле речки, я рассказала Розалин, о чем говорил мне Т. Рэй. Я хотела, чтобы она посмеялась над самой мыслью, что моя мама могла меня бросить. Но Розалин тогда колебалась.

— Ты ведь все знала, так? — сказала я.

— Я не знала наверняка, — сказала она. — Я просто кое-что слышала.

— Что ты слышала?

Она вздохнула. Даже более чем вздохнула.

— После смерти твоей мамы я слышала, как Т. Рэй разговаривал по телефону с этой соседкой, миссис Уотсон. Он говорил ей, что больше не нужно, чтобы она за тобой присматривала, что теперь этим будет заниматься одна из его сборщиц персиков. Он говорил обо мне, так что я решила послушать.

За окном пролетела ворона, наполнив комнату отчаянным карканьем, и Розалин остановилась, выжидая, пока шум утихнет.

Я знала миссис Уотсон по церкви и по тем эпизодам, когда она останавливалась купить у меня персики. Она была добра, насколько это возможно, но всегда смотрела на меня так, словно на лбу у меня было написано нечто невыразимо печальное и ей хотелось подойти и стереть эту надпись.

Когда Розалин продолжила свой рассказ, я схватилась за край ванны, вовсе не будучи уверенной, что хочу ее слушать.

— Я слышала, как твой отец говорит миссис Уотсон: «Дженни, вы сделали больше, чем могли, присматривая за Лили в последние месяцы. Даже не знаю, что бы мы без вас делали». — Розалин посмотрела на меня и покачала головой. — Мне всегда было интересно, что он тогда имел в виду. Когда ты рассказала мне о том, что говорил Т. Рэй по поводу твоей мамы, тогда я, наверное, уже знала.

— И ты мне ничего не говорила, — укоризненно сказала я, складывая руки на груди.

— Так как же ты узнала? — спросила Розалин.

— Августа мне рассказала. — Я вспомнила, как плакала у нее в спальне. Как я мяла ее платье в своих руках. Монограмму на ее платке, царапающую мне щеку.

— Августа? — сказала Розалин. На ее лице нечасто можно было увидеть ошеломленное выражение, но сейчас был именно такой случай.

— Она знала мою маму в Виргинии, когда та была еще девочкой, — объяснила я. — Августа была ее няней.

Я подождала несколько секунд, чтобы до нее дошло.

— Именно сюда моя мама приехала из Силвана. Когда... миссис Уотсон за мной присматривала, — сказала я. — Именно сюда, в этот дом.

Глаза Розалин стали еще уже, если, конечно, такое возможно.

— Твоя мама... — сказала она и замолчала. Я видела, что она силится связать события воедино. Моя мама уезжает. Миссис Уотсон за мной ухаживает. Моя мама возвращается, лишь для того, чтобы быть убитой.

— Мама прожила здесь три месяца, прежде чем вернуться в Силван, — сказала я. — Полагаю, в один прекрасный день ей подумалось: *А, ну да, у меня же дома осталась маленькая девочка. Надо бы съездить ее забрать.*

Я услышала в своем голосе горькие нотки и поняла, что отныне, когда бы я ни подумала о своей маме, я уже могла отгородиться от этих мыслей стеной горькой иронии. Я сжала ракушку в кулаке и почувствовала, как ее острые края врезаются мне в ладонь.

Розалин поднялась на ноги. Я посмотрела на нее, такую большую в

этой маленькой уборной. Я тоже встала, и мы на секунду оказались прижатыми друг к другу между ванной и унитазом.

— Жаль, что ты раньше не рассказала мне всего этого, — сказала я. — Ну почему ты не рассказала?

— О, Лили, — отозвалась она, и ее слова прозвучали как-то очень мягко, словно бы они раскачивались в маленьком гамаке нежности, подвешенном у нее в горле. — Ну зачем бы я стала расстраивать тебя такими вещами?

* * *

Розалин шагала рядом со мной к медовому домику, со шваброй на плече и шпателем в руке. Я несла ведро с тряпками. Мы отскребали мед, который разлетается по самым невероятным местам. Мед был даже на арифмометре Августы.

Мы вымыли пол и стены, а затем принялись за Нашу Леди. Мы перевернули все вверх дном, а потом вернули на место, и за все время мы не произнесли ни слова.

Я работала, а моя душа была словно выпотрошена. Вот мое дыхание — оно с пыхтением вырывается у меня из ноздрей. Вот сердце Розалин — настолько переполненное жалостью ко мне, что это видно по ее потному лицу. А вот Наша Леди, говорящая нам вещи, которые мы не в силах понять. И ничего больше.

* * *

В полдень приехали Дочери и Отис. Они опять привезли всевозможной снеди, словно бы мы не объелись всем этим лишь накануне вечером. Они запихали все в духовку, чтобы не остывало, и стояли на кухне, отщипывая кусочки от кукурузных лепешек, которые испекла Розалин. Дочери приговаривали, что вкуснее лепешек они в жизни не ели, отчего Розалин раздувалась от гордости.

— А ну-ка перестаньте поедать лепешки, — сказала Июна. — Они для обеда.

— Да ладно, пускай едят, — сказала Розалин, чем сразила меня наповал, поскольку всякий раз шлепала меня по рукам, если я до обеда

пыталась отщипнуть от лепешки хотя бы кусочек. К тому времени, как появились Нейл с Заком, лепешки уже почти закончились, а Розалин раздулась от похвал так, что рисковала взлететь.

Я стояла в углу кухни, безмолвная и неподвижная. Мне хотелось на коленях поползти до медового домика и забиться под одеяло. Я хотела, чтобы все заткнулись и разошлись по домам.

Зак двинулся было ко мне, но я отвернулась и стала разглядывать что-то в раковине. Краем глаза я заметила, что Августа за мной наблюдает. Ее рот ярко блестел, словно намазанный вазелином, так что было ясно, что она тоже приобщилась к лепешкам. Августа подошла и прикоснулась рукой к моей щеке. Я не думаю, что она знала то, во что я превратила медовый домик, хотя у нее были свои способы обо всем узнавать. Возможно, она давала мне понять, что все в порядке.

— Я хочу, чтобы вы рассказали Заку, — сказала я. — Как я убежала, о моей маме, обо всем.

— Ты не хочешь рассказать ему сама? Мои глаза стали наполняться слезами.

— Я не могу. Пожалуйста, сделайте это вы. Она взглянула в его сторону.

— Ладно. Расскажу ему при первом удобном случае.

Она вывела нас наружу для проведения заключительной церемонии Дня Марии. Мы прошествовали на задний двор. На губах Дочерей висели жирные крошки. Июна была уже там, сидя на стуле и играя на виолончели. Мы столпились возле нее, придавленные полуденным солнцем. Музыка, которую она играла, была из тех, что пилит тебя на кусочки, проникая в потайные комнаты твоего сердца и выпуская на волю грусть. Слушая ее, я видела мою маму, сидящую в автобусе, едущем в Силван, в то время как я, четырех лет от роду, посапывала в своей кровати, не зная еще, что ждет меня, когда я проснусь.

Музыка Июны превращалась в воздух, а воздух превращался в боль. Я покачивалась на пятках и старалась ее не вдыхать.

Для меня наступило облегчение, когда из медового домика Нейл с Заком вынесли Нашу Леди; это отвлекло меня от автобуса в Силван. Они несли ее так, словно это был свернутый рулоном ковер, а цепи, раскачиваясь, хлестали по ее телу. Непонятно, почему они не поставили ее на тележку, что все-таки было более ей к лицу. И, словно всего этого недостаточно, они установили ее прямо посреди муравейника, чем вызвали панику среди муравьев. Нам пришлось прыгать, стряхивая их со своих ног.

Парик Сахарка, который она, по неясной причине, упорно называла

«париковая шляпка», от этих прыжков сполз ей на глаза, так что нам пришлось ждать, пока она зайдет в дом и приведет себя в порядок. Отис крикнул ей вслед:

— Я же говорил не надевать его. Сейчас слишком жарко для парика. Он скользит по твоей потной голове.

— Если я желаю носить свою париковую шляпку, значит, я буду ее носить, — огрызнулась она через плечо.

— Никто в этом и не сомневается, — огрызнулся он в ответ, глядя на нас так, словно мы все были на его стороне, тогда как на самом деле мы поддерживали Сахарку. Не потому, что нам нравился ее парик, — уродливее этого парика было трудно себе что-нибудь вообразить, — но нам не нравилось, что он ею командует.

Когда все наконец собрались, Августа сказала:

— Итак, вот — мы, а вот — Наша Леди.

Я оглядела статую, гордясь тем, какая она чистая. Августа зачитала слова Марии из Библии: «Ибо отныне будут ублажать меня все роды...»

— Святая Мария, — прервала ее Виолетта. — Святая, святая Мария. — Она смотрела в небо, и мы все посмотрели вслед за ней, подумав, что, может, она видит там Марию, порхающую среди облаков. — Святая Мария, — повторила она еще раз.

— Сегодня мы празднуем Успение Марии, — сказала Августа. — Мы празднуем то, как она восстала ото сна и вознеслась на небеса. И мы здесь для того, чтобы не забывать историю Нашей Леди в Оковах, чтобы напомнить самим себе, что эти оковы не могли ее удержать. Наша Леди всякий раз от них освобождалась.

Августа схватилась за цепь, обмотанную вокруг Марии, и размотала один виток, прежде чем передать ее Сахарку, которая размотала еще. Каждый из нас, в свою очередь, размотал часть этой цепи. Что я отчетливо помню, так это звон, с которым размотанная цепь упала возле ног Марии. Виолетта снова принялась повторять: *Святая, святая, святая, святая.*

— Мария возносится, — сказала Августа. Ее голос сгустился до шепота. — Она возносится к своим высотам. — Дочери воздели руки. Даже Отис вытянул руки прямо вверх.

— Наша Мать Мария не будет повергнута и связана, — сказала Августа. — И ее дочери тоже. Мы будем стоять. Дочери. Мы... будем... стоять.

Июна резала струны своим смычком. Я хотела поднять руки вместе с остальными, услышать голос с неба, говорящий: Ты будешь стоять, почувствовать, что это возможно, но руки бессильно свисали у меня по

бокам. Внутри я чувствовала себя маленькой, покинутой и презренной. Всякий раз, когда я закрывала глаза, я все еще видела автобус, идущий в Силван.

Дочери тянулись руками к небу, создавая впечатление, что они возносятся вместе с Марией. Затем Августа достала откуда-то из-за стула Июны банку с медом и с его помощью вернула всех на землю. Она открыла крыпку и опрокинула банку на голову Нашей Леди.

Мед потек по лицу Марии, по ее плечам, стал сползать по складкам одежды. Кусок сот застрял на сгибе ее локтя.

Я взглянула на Розалин, словно бы говоря: *Просто замечательно. Мы потратили столько времени, отмывая ее от меда, и теперь они снова ее измазали.*

Я решила: что бы эти женщины теперь ни делали, это меня уже не удивит. Но такого решения хватило ровно на одну секунду, поскольку Дочери тут же начали роиться вокруг Нашей Леди, словно придворные пчелы вокруг королевы-матки, и втирать мед в дерево — в голову, щеки, шею и плечи, в грудь и живот Марии.

— Давай, Лили, помогай нам, — сказала Мабель. Розалин уже была среди них и покрывала медом бедра Нашей Леди. Я сперва заупрямилась, но Кресси взяла меня за руки, подтащила к Марии и сунула мои ладони в жижу нагретого солнцем меда — прямо туда, где краснело сердце Нашей Леди.

Я вспомнила, как посреди ночи приходила к Нашей Леди, как клала свои руки ей на сердце. Ты *моя мать*, сказала я ей тогда. Ты — *мать тысяч детей*.

— Не понимаю, зачем мы это делаем, — сказала я.

— Мы всегда купаем ее в меду, — сказала Кресси. — Каждый год.

— Но чего ради?

Августа втирала мед в лицо Нашей Леди.

— Во многих церквях принято купать священные статуи в святой воде, в знак их почитания, — сказала она. — Особенно статуи наших Леди. Иногда их купают в вине. Но мы выбрали мед. — Августа перешла к шее. — Понимаешь, Лили, мед — это консервант. Он залепляет соты в ульях и сохраняет все так, чтобы пчелы могли пережить зиму. Когда мы купаем нашу Леди в меду, думаю, можно сказать, что мы сохраняем ее на весь следующий год. По крайней мере, мы делаем это в наших сердцах.

— Я не знала, что мед — консервант, — сказала я, начиная получать удовольствие от ощущения своих пальцев, от того, как они скользили, словно смазанные маслом.

— Ну, люди обычно об этом не задумываются, но на самом деле мед — настолько сильнодействующий консервант, что им мазали даже трупы, чтобы их бальзамировать. Матери погружали в мед своих умерших детей, и они выглядели как живые.

Мне и в голову не приходило, что мед можно использовать еще и так. Но я видела, как в похоронных бюро продают мед для мертвецов — вместо гробов. Я пыталась представить себе *такое* в окне для автомобилей в похоронном бюро для белых в Тибуроне.

Я принялась растирать дерево руками, несколько смущаясь интимности наших действий.

Мабель наклонилась вперед слишком сильно, и мед оказался у нее в волосах. Но больше всех отличилась Люнель — у той мед просто стекал с локтей. Она пыталась его слизнуть, но ее язык, конечно же, не мог достать так далеко.

Муравьи выстроились в шеренгу и стали победным маршем взбираться сбоку по Нашей Леди, влекомые медом. Не остались в стороне и пчелы — несколько пчел-разведчиков приземлились Марии на голову. Стоит только вытащить мед, и насекомое королевство окажется там в мгновение ока.

Куини сказала:

— Скоро, наверное, к нам и медведи присоединятся.

Я рассмеялась, и, заметив непокрытое медом место у основания статуи, принялась над ним работать.

Нашу Леди покрывали руки — все оттенки черного и коричневого — и каждая из них двигалась своими маршрутами. И тут стали происходить удивительнейшие вещи. Постепенно все руки подчинились одному движению — скольжению вверх и вниз по статуе в долгом, медленном поглаживании, сменяясь затем движением вправо-влево, подобно стае птиц, синхронно меняющей в небе направление своего полета и недоумевающей: кто же отдал приказ?

Это продолжалось очень долго, и мы не нарушали нашего действия разговорами. Мы работали, чтобы сохранить Нашу Леди, и я получала удовольствие от того, что я делала, — впервые с тех пор, как узнала о своей маме.

Наконец мы все отступили на шаг назад. Наша Леди стояла перед нами, совершенно золотая от меда, а цепи валялись на траве под ней.

Одна за другой Дочери погружали руки в ведро с водой и смывали мед. Я хотела быть самой последней, желая как можно дольше сохранить на руках медовую оболочку. Было ощущение, что я надела какие-то

волшебные перчатки. Ощущение, словно я могла сохранить все, к чему в них ни прикоснусь.

* * *

Пока мы ели, Наша Леди оставалась во дворе одна, а затем мы вернулись и вымыли ее водой, так же тщательно, как перед тем натирали ее медом. После того как Нейл с Заком отнесли ее на свое место в гостиной, все разъехались. Августа, Июна и Розалин принялись за посуду, а я вернулась в медовый домик. Я лежала на своей кровати и пыталась не думать.

Замечали ли вы, что чем сильнее вы стараетесь не думать, тем замысловатее становятся ваши мысли? Пытаясь не думать, я провела двадцать минут, обсасывая вопрос: если бы со мной могло произойти одно из библейских чудес, что бы я выбрала? Я отвергла чудо с приумножением хлебов и рыб, поскольку не желала вообще никогда больше видеть еду. Я подумала, что ходить по воде — это, конечно, забавно, но зачем это нужно? Ну будете вы ходить по воде, и что дальше? Я остановилась на воскрешении из мертвых, поскольку какая-то часть меня все еще была мертва, как дверной гвоздь.

Все это произошло прежде, чем я вообще осознала, что думаю. Не успела я возобновить попытки не думать, когда в дверь постучала Августа.

— Лили, можно войти?

— Конечно, — сказала я, но даже не потрудилась подняться. С *недуманием* покончено. Попробуйте-ка находиться хотя бы пять секунд рядом с Августой и не думать.

Она вошла, держа в руках шляпную коробку — белую с золотыми полосами. Какое-то время Августа стояла, глядя на меня сверху вниз, и казалась мне необыкновенно высокой. Вентилятор на прибитой к стене полочке, вращаясь из стороны в сторону, пустил струю воздуха на Августу, от чего воротник захлопал по ее шее.

Она принесла мне шляпу, подумала я. Может быть, она съездила в город и купила мне соломенную шляпку, чтобы меня взбодрить. Но в этом было не слишком много смысла. Каким бы образом соломенная шляпка могла меня взбодрить? Затем мне пришло в голову, что это шляпа, которую обещала сделать Люнель, но это тоже было навряд ли. У Люнель не хватило бы времени сшить мне шляпу.

Августа села на бышшую кровать Розалин и поставила коробку себе на колени.

— Я принесла кое-какие вещи твоей мамы.

Я смотрела на идеально круглые стенки коробки. Затем я глубоко вдохнула и выдохнула. Воздух выходил из меня толчками. *Вещи моей мамы.*

Я не двигалась. Я вдыхала запах воздуха из окна, перемешанного вентилятором. Он словно бы стал гуще, как перед дождем, хотя небо было чистым.

— Ты не хочешь посмотреть? — спросила Августа.

— Просто скажите мне, что там внутри.

Она положила руку на крышку коробки и побарабанила по ней пальцами.

— Не уверена, что я помню. Я вообще не помнила о коробке до сегодняшнего утра. Я думала открыть ее вместе с тобой. Но тебе не обязательно смотреть, если не хочешь. Это просто горстка вещей, которые твоя мама оставила здесь, когда поехала за тобой в Силван. В конце концов я отдала ее одежду Армии Спасения, но сохранила остальное. Думаю, оно лежит в этой коробке уже лет десять.

Я села в кровати. Я слышала, как колотится мое сердце. Интересно, слышит ли его Августа, сидя на другой стороне комнаты. *Ту-дум, ту-дум.* Несмотря на панику, которой обычно сопровождается подобный стук, в нем есть что-то очень родное и до странности утешительное — ведь это *твое* сердце.

Августа поставила коробку на кровать и сняла крышку. Я слегка вытянулась, чтобы заглянуть внутрь, но не смогла ничего увидеть, кроме белой папиросной бумаги, пожелтевшей по краям.

Августа отогнула бумагу и достала какой-то предмет.

— Карманное зеркальце твоей мамы, — сказала она, продолжая держать его в руке. Зеркальце было овальным, в черепаховой оправе, не больше моей ладони.

Я сползла на пол и оперлась спиной о кровать. Августа вела себя так, словно ожидала, что я возьму у нее зеркало. Я засунула руки под себя. Наконец Августа поднесла зеркало к своему лицу и посмотрелась в него сама. За ее спиной по стене забегали солнечные зайчики.

— Если ты помотришься в него, то увидишь лицо своей мамы, глядящее на тебя, — сказала она.

В жизни не стану смотреть в это зеркало, подумала я.

Положив зеркало на кровать. Августа достала из коробки щетку для

волос с деревянной ручкой и протянула мне. Еще не успев подумать, я уже держала ее в руках. Ручка была прохладной и гладкой, словно бы вытертой от частого использования. Я подумала, что она, наверное, каждый день расчесывалась, делая по сто положенных взмахов.

Когда я уже собиралась вернуть щетку Августе, то увидела длинный, черный, вьющийся волос, запутавшийся в щетинках. Я поднесла щетку поближе к глазам и разглядывала его, волос моей мамы, подлинную часть ее тела.

— Однако, — сказала Августа.

Я не могла оторвать от него глаза. Этот волос вырос на ее голове и теперь был здесь, словно мысль, оставленная ею на этой щетке. И я уже знала, что, как бы ни старалась, сколько бы банок меда ни швыряла и сколько бы ни думала, что могу оставить маму в прошлом, она всегда будет во мне. Я вжалась спиной в кровать и почувствовала приближение слез. Щетка и волос, принадлежащие Деборе Фонтанель Оуэнс расплывались у меня перед глазами.

Я отдала щетку Августе, а она положила мне на ладонь какое-то украшение. Золотая брошка, сделанная в форме кита с крошечным черным глазком и фонтанчиком из горного хрусталя.

— Эта брошка была на ее свитере в день, когда она сюда приехала, — сказала Августа.

Я зажала брошку в кулак, а затем на коленях подползла к кровати Розалин, положила брошку возле карманного зеркальца и щетки и стала передвигать их так, словно бы делала коллаж.

Точно так же я всегда раскладывала свои рождественские подарки. Это всегда были четыре вещи, которые выбирала для Т. Рэя продавщица в торговом центре Силвана: свитер, носки, пижама и пакет апельсинов. Веселого Рождества. Можно было смело ставить на спор свою жизнь, я знала, что он мне подарит. Я раскладывала их вертикальной линией, квадратом, диагонально — массой различных способов, в надежде увидеть в них любовь.

Когда я вновь посмотрела на Августу, она вытаскивала из коробки черную книгу.

— Я дала это твоей маме, когда она здесь жила. Английская поэзия.

Я взяла книгу в руки. Листая ее, я заметила на полях множество карандашных пометок — не слова, а маленькие чертики, спиралевидные вихри, стайки птичек, закорючки с глазками, кастрюльки с крышками, кастрюльки с лицами, кастрюльки с убегающим молоком, лужицы, внезапно вздымающиеся страшной волной. Я смотрела на личные

несчастья моей мамы, и мне захотелось выйти на улицу и закопать книгу в землю.

Страница сорок два. Там я наткнулась на восемь строчек Уильяма Блейка, которые мама подчеркнула. Некоторые слова были подчеркнуты дважды.

О Роза, ты чахнешь! —
Окутанный тьмой
Червь, реющий в бездне,
Где буря и вой,
Пунцовое лоно
Твое разорвет
И черной любовью.
Незримый, терзает. [\[11\]](#)

Я закрыла книгу. Я хотела тут же забыть эти слова, но они пристали ко мне намертво. Моя мама была розой Уильяма Блейка. Больше всего мне хотелось сказать ей, как мне жаль, что я была одной из ее незримых червей, реющих в бездне.

Я положила книгу на кровать к прочим вещам и повернулась к Августе, которая вновь засунула руку в коробку, запгуршав папиросной бумагой.

— Последнее, — сказала она и вынула маленькую овальную фотографию в рамке из потускневшего серебра.

Передавая фотографию мне. Августа на секунду задержала свою руку. На фото была женщина в профиль, наклонившая голову к маленькой девочке, сидящей в высоком стуле. Рот девочки был вымазан какой-то едой. Волосы женщины вились во все стороны так красиво, словно их только что причесали сотней взмахов. В ее правой руке была детская ложечка. Из-за вспышки, лицо было словно покрыто лаком. На девочке был слюнявчик с медвежонком. Пучок волос на голове был завязан резинкой. Одной рукой она показывала на женщину.

Я и моя мама.

В этом мире для меня не осталось больше ничего интересного, только то, как ее голова склонялась к моей, едва не касаясь моего носа своим, и ее широкая, прекрасная улыбка, от которой словно бы сыпались искры. Она кормила меня с крошечной ложечки. Она терлась со мной носами и лила на меня свой свет.

В открытое окно пахнуло Каролинским жасмином, что было истинным южнокаролинским запахом. Я подошла, облокотилась о подоконник и вдохнула глубоко, как только могла. Я услышала, как за моей спиной пошевелилась Августа. Кровать заскрипела и затихла.

Я опять посмотрела на фотографию, а затем закрыла глаза. Должно быть, Мая наконец попала на небеса и рассказала моей маме о знаке, которого я ждала. О знаке, по которому я узнаю, что меня любят.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Колония без матки
— это жалкое и
печальное общество;
изнутри все время
доносятся горестные
стенания... Без
внешнего
вмешательства колония
погибнет. Но впустите
туда новую матку, и
произойдут
невероятные перемены.
«Королева должна
умереть, и другие
проблемы пчел и
людей»

После того как мы с Августой осмотрели вещи из шляпной коробки, я ушла в глубокую задумчивость. Августа и Зак занимались пчелами и медом, но я большую часть времени проводила в одиночестве возле реки. Мне просто хотелось быть одной.

Месяц август превратился в сковороду, на которой все вокруг поджаривалось. Я срывала лопухи и обмахивала ими лицо, сидела, погрузив ноги в журчащую воду реки, меня обвевал речной ветерок, но все во мне было притуплено жарой, все, кроме сердца. Оно было словно ледяная скульптура в центре моей груди. Ничто не могло его тронуть.

Люди, в общем и целом, скорее готовы умереть, чем простить. Настолько это тяжело. Если бы Бог сказал, четко и ясно: «Я даю вам выбор, простить или умереть», множество людей отправилось бы заказывать себе гроб.

Я завернула мамины вещи в бумагу, засунула назад в коробку и накрыла крышкой. Лежа на животе на полу, запихивая коробку под кровать, я обнаружила там маленькую кучку мышинных косточек. Я собрала их и помыла в раковине. Целыми днями я носила их в кармане и даже не представляла себе, зачем это делаю.

Просыпаясь утром, первым делом я вспоминала о шляпной коробке. Это было так, словно мама сама пряталась у меня под кроватью. Как-то ночью тревожное состояние заставило меня встать и отнести коробку в дальний угол комнаты. Затем я стянула с подушки наволочку, засунула коробку внутрь и перевязала лентой для волос. И лишь после этих действий я смогла заснуть.

Я приходила в розовый дом, чтобы воспользоваться уборной, и думала: *Моя мама сидела на этом самом унитазе*, и я ненавидела себя за эти мысли. Какое мне дело, на чем она сидела, когда писала? Ей ведь не было никакого дела до моих привычек, когда она бросила меня на миссис Уотсон и Т. Рэя.

Я вела сама с собой «душеспасительные» беседы: *Не думай о ней. С этим покончено навсегда*. Но уже в следующую минуту, клянусь Богом, я представляла ее в розовом доме или возле стены плача, засовывающей свои горести между камней. Я готова была спорить на двадцать долларов, что имя Т. Рэя оказалось неоднократно втиснуто в трещины и щели этой стены. Возможно, имя Лили тоже там было. Жаль, что мама не оказалась достаточно умной или достаточно любящей, чтобы понять, что у всех есть тяготы, которые могут их придавить, но все же никто не отказывается от своих детей.

Я, должно быть, любила свою маленькую коллекцию несчастий и обид. Они обеспечивали мне сочувствие со стороны других, чувство собственной исключительности. Я была девочкой, брошенной своей мамой. Я была девочкой, стоявшей на крупе на коленях. Я такая особенная!

Был разгар комариного сезона, так что, когда я сидела у реки, комарам тоже от меня перепадало. Сидя в густой тени, я вытаскивала мышинные косточки и крутила их в пальцах. Я смотрела на окружающие меня вещи до тех пор, пока полностью в них не растворялась. Иногда я забывала про обед, и Розалин приходила ко мне с сэндвичем с помидорами. Когда она уходила, я выбрасывала сэндвич в реку.

Временами я не могла удержаться от того, чтобы лечь на землю, представляя, что лежу внутри одной из этих могил в форме ульев. Я чувствовала все то же, что чувствовала после смерти Маи, только в сто раз сильнее.

Августа мне сказала:

— Полагаю, тебе нужно немного погоревать. Так что — не стесняйся.

Но, начав это делать, я, похоже, не могла остановиться.

Я знала, что Августа все объяснила Заку и Июне, потому они ходили вокруг меня на цыпочках, словно я была клиническим случаем. А может, я

и вправду была. Может, именно меня следовало отправить на Булл-стрит, а вовсе не мою маму.

Я спрашивала себя, сколько еще будет ждать Августа, прежде чем начнет действовать сообразно тому, что я ей рассказала — как я убежала из дома и помогла Розалин бежать из тюрьмы. Августа дала мне время — время побыть возле реки и сделать то, что я должна была сделать, так же как она дала время самой себе после смерти Маи. Ясно, что это не могло длиться вечно.

* * *

Мир странно устроен — он продолжает вращаться, независимо от того, какие сердечные катаклизмы в нем происходят. Июна назначила дату свадьбы, десятое октября. Брат Нейла, преподобный епископ из африканской методистской церкви из Олбани, штат Джорджия, собирался поженить их на нашем заднем дворе, под миртами. Июна поделилась своими планами: она сойдет к нам по дорожке из розовых лепестков, и на ней будет белое шелковое платье с жабо, которое Мабель для нее сошьет. Я не могла представить себе жабо. Июна нарисовала его в блокноте, но и после этого я не смогла его представить. Люнель была отряжена делать ей свадебную шляпу, что, на мой взгляд, требовало от Июны недюжинной отваги. Невозможно было предсказать, что окажется у нее на голове во время свадьбы.

Розалин предложила испечь коржи для свадебного торта, а Виолетта с Куини собирались украсить ее «радужной темой». Опять же, отвагой Июны можно было лишь восхищаться.

Как-то днем, умирая от жажды, я направилась на кухню, чтобы наполнить кувшин водой и взять его с собой на реку, и застала там Июну и Августа, прильнувших друг к другу посреди комнаты.

Я остановилась за дверью и наблюдала, хотя это и не предназначалось для чужих глаз. Июна обнимала Августа, и руки ее дрожали.

— Мая была бы счастлива узнать об этой свадьбе, — сказала Июна. — Она сотни раз говорила мне, чтобы я прекратила упрячиться. О боже, Августа, почему я не сделала этого раньше, пока она была жива?

Августа слегка повернулась и заметила меня. Она держала Июну, которая начала плакать, но смотрела мне прямо в глаза. Она сказала:

— Сожалениями ничего не исправишь, ты знаешь это.

* * *

На следующий день у меня прорезался аппетит. Я зашла на кухню поинтересоваться, когда будет обед, и обнаружила там Розалин в новом платье и со свежезаплетенными косичками. Она засовывала за пазуху салфетки про запас.

— Где ты взяла это платье? — спросила я. Она сделала круг по кухне, демонстрируя его, а когда я улыбнулась, сделала еще один. Это было, если можно так выразиться, платье-палатка — несколько ярдов материала, ниспадающих с плеч, без каких-либо признаков пояса и вытачек. Оно было ярко-красного цвета с гигантскими белыми цветами по всей поверхности. Было видно, что Розалин без ума от этого платья.

— Мы с Августой ездили вчера в город, и я его купила, — сказала она. Меня поразила мысль, что без меня тут, оказывается, что-то происходит.

— Красивое платье, — соврала я, только сейчас заметив, что обедом на кухне и не пахнет.

Розалин приладила платье руками, поглядела на часы на плите и потянулась к белой виниловой дамской сумочке, которую унаследовала от Майи.

— Ты куда-то идешь? — спросила я.

— Конечно, идет, — сказала Августа, входя на кухню и улыбаясь Розалин.

— Я собираюсь закончить то, что я начала, — сказала Розалин, подняв подбородок. — Я еду регистрироваться для выборов.

Мои руки беспомощно повисли, а рот открылся.

— А как же насчет... насчет того, что ты... ну, ты понимаешь?

Розалин прищурилась.

— Чего?

— Уклоняющаяся от правосудия, — сказала я. — Что если они узнают тебя по имени? Что если тебя схватят?

Я перевела взгляд на Августу.

— Ну, я не думаю, что возникнут проблемы, — сказала Августа, снимая ключи от грузовика с медного гвоздика на двери. — Мы едем на избирательный участок в средней школе для негров.

— Но...

— Да бога ради, все, что я собираюсь сделать, — получить карточку избирателя, — сказала Розалин.

— В прошлый раз ты говорила то же самое, — сказала я.

Розалин проигнорировала мое замечание. Повесив сумочку на руку, она направилась к двери.

— Хочешь с нами, Лили? — спросила Августа. Я хотела и не хотела. Я посмотрела вниз на свои ноги, голые и загорелые.

— Я лучше останусь и приготовлю себе поесть. Августа подняла брови.

— Приятно видеть, что ты голодна, для разнообразия.

Они спустились с заднего крыльца. Я проводила их до машины. Когда Розалин залезла, я сказала:

— Не плюй больше никому на ботинки, ладно? Она рассмеялась, отчего все ее тело затряслось.

Это выглядело так, словно цветы на ее платье раскачиваются под порывами ветра.

Я вернулась на кухню, сварила две сосиски для хот-догов и съела их прямо так, без булочек. Затем я направилась в лес, где сорвала несколько диких цветов, но вскоре мне стало скучно, и я их выбросила.

Я села на землю, ожидая, что вновь погружусь в свое мрачное настроение и буду думать о своей маме, но думалось мне почему-то только о Розалин. Я представляла ее стоящей в очереди. Я почти видела, как она тренируется писать свое имя. Пишет его без ошибок. Ее звездный час. Вдруг мне захотелось оказаться с ними. Захотелось больше всего на свете. Захотелось увидеть ее лицо, когда ей вручат ее карточку. Захотелось сказать: *Розалин, знаешь что? Я тобой горжусь.*

Что же я делаю здесь, в лесу?

* * *

Я поднялась и направилась в дом. Проходя по коридору мимо телефона, я почувствовала побуждение позвонить Заку. Чтобы вернуться в этот мир. Я набрала его номер.

Когда он ответил, я сказала:

— Ну, что нового?

— Кто это? — спросил он.

— Очень смешно, — сказала я.

— Мне очень жаль, что... все вот так, — сказал он. — Августа мне рассказала.

На секунду воцарилось молчание, а затем он сказал:

— Тебе придется вернуться?

— Ты имеешь в виду — к моему отцу? Он поколебался:

— Да.

Как только он это сказал, я почувствовала, что именно так все и произойдет. Почувствовала это всем своим телом.

— Думаю, да, — сказала я.

Я намотала на палец телефонный шнур и смотрела на входную дверь. Несколько секунд я не могла отвести от нее взгляд, представляя, как я из нее выйду и больше никогда сюда не вернусь.

— Я буду тебя навещать, — сказал он, и мне захотелось плакать.

Зак, стучащийся в дверь дома Т. Рэя Оуэнса. Это было невозможно.

— Я спрашивала, что нового, ты помнишь? — Я не ожидала, что произошло что-то новое, но необходимо было сменить тему.

— Ну, для начала, с нового года я буду учиться в средней школе для белых.

Я онемела. Я сжала телефон в руке.

— Ты уверен, что хочешь этого? — спросила я. Я не понаслышке знала, каковы были эти заведения.

— Кто-то же должен, — сказал он. — Так почему бы не я?

Похоже, мы оба были обречены страдать.

* * *

Розалин вернулась домой честным зарегистрированным избирателем Соединенных Штатов Америки. Мы все расселись вокруг стола в ожидании ужина, пока она лично обзванивала по телефону каждую из Дочерей.

— Просто хочу тебе сообщить, что я — зарегистрированный избиратель, — говорила она всякий раз. Затем следовала пауза, и она говорила: — За президента Джонсона и мистера Хампфри, вот за кого. Я не голосую за мистера Жопопоттера. — Она каждый раз смеялась, словно это была шутка из шуток. Она поясняла: — Голдуотер, Жопопоттер — понятно?

Она не унялась и после ужина. Когда мы уже думали, что Розалин обо всем забыла, она совершенно неожиданно могла заявить:

— Я отдам голос за мистера Джонсона.

Наконец, успокоившись и пожелав всем спокойной ночи, она стала

подниматься по ступенькам. На ней все еще было это красно-белое регистрационно-избирательное платье, и я снова пожалела, что меня там сегодня не было.

Сожалениями ничего не исправишь, сказала Августа Июне. Ты знаешь это.

Неизвестный мне порыв заставил меня взбежать по ступенькам и схватить Розалин сзади, остановив ее с ногой занесенной в воздухе, на шаривавшей следующую ступеньку. Я обняла ее за середину тела.

— Я тебя люблю, — выпалила я, прежде чем успела подумать.

* * *

В тот вечер, когда цикады, древесные лягушки и другие певчие существа включили свою музыку на полную громкость, я обошла медовый домик, чувствуя нечто вроде весеннего томления. Было десять часов вечера, но я была готова скрести полы и мыть окна.

Я поправила все банки на полках, а затем взяла швабру и подмела пол, не забыв подмести под баками и генератором, куда, похоже, никто не заглядывал уже лет пятьдесят. Я совсем не устала, и тогда, сняв белье со своей постели, я пошла в розовый дом взять из шкафа чистый комплект. Я прошла по дому на цыпочках, чтобы никого не разбудить. Заодно я захватила тряпки для пыли и моющее средство.

Я вернулась и, прежде чем сама это поняла, была уже вовлечена в полномасштабное безумие генеральной уборки. К полуночи все вокруг блестело.

Я даже перебрала свои вещи и избавилась от некоторых из них: старые карандаши, пара написанных мною историй, которые было стыдно кому-нибудь показывать, рваные шорты, расческа, большая часть зубьев которой была обломана.

Затем я достала из кармана мышинные косточки, понимая, что мне больше незачем таскать их с собой. Но знала и то, что не смогу их выбросить.

поэтому связала их вместе красной лентой для волос и положила на полку возле вентилятора. Некоторое время я смотрела на них, удивляясь, как человек может привязаться к *мышиным костям*. Я решила, что иногда тебе просто необходимо что-то нянчить, вот и все.

К этому времени я уже начала уставать, но все же достала из коробки

мамины вещи — ее зеркало в черепаховой оправе, ее щетку, книжку стихов, брошку-кита и фотографию, где наши лица находились так близко друг от друга, — и расставила их на полке рядом с мышинными косточками. Нужно сказать, что вся комната от этого сразу преобразилась.

Отходя ко сну, я думала о ней. О том, что никто не совершенен. О том, что нужно просто закрыть глаза и дышать и позволить загадке человеческого сердца ею и оставаться.

* * *

На следующее утро я появилась на кухне с брошкой-китом, приколотой к моей любимой голубой футболке. Играла пластинка «Nat King Cole». «Тебя невозможно забыть». Я думаю, музыку включили, чтобы заглушить грохот, который производила на веранде розовая стиральная машина «Леди Кенмор». Это было чудесное изобретение, но оно издавало звуки бетономешалки. Августа сидела, положив локти на стол, пила кофе и читала очередную книжку из библиобуса.

Когда она подняла глаза, ее взгляд скользнул по моему лицу и уперся в брошку-кита. Улыбнувшись, она вернулась к чтению.

Я приготовила свои традиционные рисовые хрустики с изюмом. Когда я позавтракала, Августа сказала:

— Давай сходим к ульям. Я должна тебе кое-что показать.

Мы нарядились в свои пасечные костюмы — по крайней мере, я. Августа почти никогда не надевала ничего, кроме шапки с сеткой.

Идя к ульям, Августа вдруг сделала широкий шаг, чтобы не раздавить муравья. Это напомнило мне о Мае. Я сказала:

— Ведь это Мая научила мою маму не убивать тараканов?

— Кто же еще? — сказала она и улыбнулась. — Это произошло, когда твоя мама была еще подростком. Мая застала ее убивающей тараканов мухобойкой. Она сказала: «Дебора Фонтанель, каждое живое существо на земле — уникально. Ты хочешь быть тем, кто отбирает их жизни?» И она показала ей, как делать дорожку из пастилы и крекеров.

Я теребила брошку у себя на груди и воображала, как все это происходило. Затем я огляделась и заметила вокруг себя этот дивный мир. День был таким прекрасным, что трудно было представить, чем его можно бы испортить.

По словам Августы, если ты ни разу не видел ульи утром, ты упустил

возможность посмотреть на восьмое чудо света. Представьте себе эти белые ящики, стоящие под соснами. Солнце, пробиваясь сквозь ветви, сверкает в капельках росы на их крышках. Сотни пчел летают вокруг, просто согреваясь или совершая свой туалет, — ведь пчелы такие чистюли, что никогда не станут пачкать у себя дома. С расстояния это выглядит, как огромная картина, вроде тех, что можно увидеть в музее, вот только в музее нельзя услышать звуков. Здесь звуки становятся слышны уже с пятидесяти футов — гудение, словно доносящееся из другого мира. В тридцати футах ваша кожа начинает вибрировать. Волосы встают дыбом. Голова приказывает: *Не ходи дальше*, но сердце подталкивает вас прямо в центр этого, и вот — вы уже оказываетесь проглочены этим жужжанием. Вы будете стоять там и думать: *Я в центре вселенной, где все взывает к жизни*.

Августа сняла крышку с одного из ульев.

— В этом улье нет матки, — сказала она.

Я уже достаточно времени занималась пчеловодством, чтобы знать, что отсутствие матки было для пчел смертным приговором. Это их совершенно деморализует, и они прекращают всякую работу.

— Что же произошло? — спросила я.

— Я обнаружила это только вчера. Пчелы сидели снаружи на посадочной доске и выглядели ужасно печальными. Когда видишь, что пчелы бездельничают и тоскуют, можно быть уверенной, что их матка мертва. Так что я осмотрела соты, и, как и ожидалось, матки нигде не было. Я не знаю, почему это случилось. Может быть, просто пришло ее время.

— И что же теперь делать?

— Я звонила в «Консультацию по вопросам сельского хозяйства», и они дали мне телефон человека в Гуз-крик, который сказал, что привезет мне сегодня новую матку. Нужно, чтобы в этом улье срочно появилась матка, а то рабочие пчелы начнут сами откладывать яйца, и тут начнется настоящий бардак.

— Я и не знала, что рабочие пчелы могут откладывать яйца, — удивилась я.

Вернув крышку на место. Августа сказала:

— Я хотела показать тебе, как выглядит колония, лишенная матки.

Она откинула сетку со своего лица, а затем откинула и с моего. Она не отводила взгляда, пока я рассматривала золотистые крапинки в ее глазах.

— Помнишь, я рассказывала тебе историю Беатрис, — сказала она, — монашки, сбежавшей из своего монастыря? Помнишь, как Дева Мария осталась там вместо нее?

— Помню. Я тогда поняла, что вы знаете, что я тоже убежала, как и

Беатрис. Вы пытались намекнуть мне, что Мария осталась дома вместо меня, пока я не вернусь.

— О нет, я хотела сказать тебе вовсе не это! — воскликнула Августа. — Не ты была той сбежавшей, о которой я думала. Я думала о твоей маме. Я просто пыталась заронить в твою голову зерно некой мысли.

— Какой мысли?

— Что, может быть, Наша Леди могла заменять Дебору и могла быть тебе все это время вроде матери.

Солнце рисовало на траве узоры. Я смотрела на них, стесняясь произносить эти слова:

— Как-то ночью я сказала Нашей Леди в розовом доме, что она моя мама. Я положила руку ей на сердце, так же как вы это делаете вместе с Дочерьми на своих собраниях. На этот раз я не потеряла сознания и некоторое время после этого действительно чувствовала себя сильнее. Но потом это ощущение куда-то ушло. Думаю, мне следует пойти и еще раз дотронуться до ее сердца. Августа сказала:

— Теперь послушай меня. Лили. Сейчас я тебе что-то скажу, и я хочу, чтобы ты запомнила это навсегда, хорошо?

Ее лицо стало серьезным, решительным. Она смотрела на меня не мигая.

— Хорошо, — ответила я и почувствовала электрическую волну, прокатившуюся по моей спине.

— Наша Леди — не какое-то волшебное существо, наподобие крестницы в сказках. И она не скульптура в гостиной. Она — нечто внутри тебя. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Наша Леди — внутри меня, — повторила я, вовсе не уверенная, что понимаю.

Августа протянула мне ладонь.

— Дай мне руку.

Я подняла левую руку, Августа взяла ее и прижала ладонью к моей груди, прямо к моему колотящемуся сердцу.

— Не обязательно класть руку на сердце Марии, чтобы обрести силу, спасение, утешение и все остальное, в чем мы нуждаемся постоянно, — сказала она. — Ты можешь положить руку прямо сюда, на собственное сердце. *На собственное сердце.*

Августа приблизилась ко мне на шаг. Она продолжала давить мне на руку.

— Всякий раз, когда твой отец дурно с тобой обращался. Наша Леди была голосом в твоей голове, говорящим: «Нет, я не склонюсь перед этим.

Я, Лили Мелисса Оуэнс, не склонюсь». Не важно, слышала ты этот голос или нет, но он всегда был в тебе и говорил с тобой.

Я положила свободную руку поверх ее руки, а она положила свою руку поверх моей, так что на моей груди получился черно-белый сэндвич из рук.

— Когда ты неуверена в себе, — сказала она, — когда ты предаешься сомнениям и страдаешь, именно она говорит тебе изнутри: «Сбрось с себя это все и живи, как подобает прекрасной девочке — такой как ты». Она — это твоя внутренняя сила, понимаешь?

Ее руки оставались там, где и прежде, но давить уже перестали.

— И если ты почувствуешь, что твое сердце становится больше, это тоже Мария. Она — не только сила, но и любовь. А любовь, Лили, это единственная цель, достаточно великая для человеческой жизни. Не просто любить — но любить, *несмотря ни на что*.

Она замолчала. Жужжание пчел разносилось в воздухе. Августа убрала свои руки с моей груди, но мои руки оставались на месте.

— Эта Мария, о которой я рассказываю, постоянно находится в твоём сердце, говоря: «Лили, ты — мой вечный дом. Никогда ничего не бойся. Меня достаточно. Нас достаточно».

Я закрыла глаза и в утренней прохладе, стоя среди пчел, наконец почувствовала то, о чем она говорила.

Когда я открыла глаза, Августы рядом не было. Я поглядела в сторону дома и увидела, как она идет через двор, сверкая своим белым платьем.

* * *

В два часа дня раздался стук в дверь. Я сидела в гостиной и писала в новом блокноте, который Зак оставил у входа в мою комнату. Я описывала все, что произошло со мной со Дня Марии. Слова выливались из меня так быстро, что я за ними не поспевала. Мне некогда было думать о чем-то еще, так что я не обратила внимания на стук. Позже я вспоминала, что это не было похоже на обыкновенный стук в дверь. Скорее, на удары кулаком.

Я продолжала писать, ожидая, что Августа откроет. Я была уверена, что это человек из Гуз-крик, который привез новую пчелиную матку.

Снова слышались удары. Июна уехала куда-то с Нейлом. Розалин была в медовом домике, где мыла новую партию банок — это входило в мои обязанности, но она сама вызвалась, чтобы дать мне возможность

немедленно все записать.

Оглядываясь назад, я недоумеваю: как можно было не догадаться, кто там?

Когда постучали в третий раз, я встала и открыла дверь.

На меня смотрел Т. Рэй, гладко выбритый, в белой рубашке с короткими рукавами, из расстегнутого ворота которой топорщились волосы. Он улыбался. Но это не было любящей улыбкой, а было самодовольной ухмылкой человека, который целый день провел в охоте на зайца и вот сейчас обнаружил свою жертву в пустотелой колоде, откуда не было выхода. Он сказал:

— Так-так-так. Кого я вижу!

В моей голове пронеслась паническая мысль, что вот сейчас он вытащит меня из дома, затолкает в свой грузовик и на всех парах доставит прямо на персиковую ферму, и никто и никогда обо мне ничего не узнает. Я отступила на шаг в глубь коридора и, удивляясь самой себе и, похоже, сбив Т. Рэя с толку, неестественно вежливо произнесла:

— Не хочешь зайти?

Что же мне делать? Я развернулась и заставила себя спокойным шагом пройти в гостиную. Его башмаки протопали вслед за мной.

— Ладно, черт это все подери, — сказал он, разговаривая с моим затылком. — Если хочешь притворяться, что я совершаю визит вежливости, притворяйся. Только это не визит вежливости, слышишь меня? Я пол-лета провел в твоих поисках и теперь намерен забрать тебя отсюда тихой и спокойной или брыкающейся и вопящей — мне без разницы.

Я указала на кресло-качалку:

— Присаживайся, если хочешь.

Я пыталась придать себе скучающий вид, тогда как внутри была близка к полной панике. *Где же Августа?* Мое дыхание участилось и превратилось в пыхтение, как у собаки.

Он плюхнулся в кресло и стал раскачиваться. Ухмылка не сходила с его лица.

— Значит, все это время ты была здесь, с цветными женщинами. *Боже мой.*

Не осознавая того, что делаю, я отступила к скульптуре Нашей Леди. Я стояла совершенно неподвижно, пока он ее осматривал.

— Что это еще за хреновина?

— Статуя Марии, — сказала я. — Ну, ты знаешь, мать Иисуса. — Мой голос звучал легкомысленно, но на самом деле мозг уже почти дымился, пытаюсь найти выход.

— А выглядит она так, словно ее принесли с помойки, — сказал он.

— Как ты меня нашел?

Он сполз на край кресла и принялся рыться в кармане, пока не вытащил оттуда свой нож, тот, которым обычно чистил ногти.

— Ты же сама и навела меня на это место, — сказал он, довольный собой.

— Ничего подобного я не делала.

Он раскрыл нож, воткнул кончик лезвия в подлокотник кресла и принялся там что-то вырезать, отнюдь не торопясь с объяснениями. Наконец он сказал:

— Да нет, именно ты меня сюда и привела. Вчера я получил телефонный счет, и угадай, что я там обнаружил? Один звонок из адвокатской конторы в Тибуроне. Конторы мистера Клейтона Форреста. Было большой ошибкой, Лили, звонить за мой счет.

— Ты пошел к мистеру Клейтону, и он сказал тебе, где я?

— Нет, но у него есть старушка-секретарша, которая была более чем счастлива ввести меня в курс дела.

Старая дура.

— А где Розалин? — спросил он.

— Она давно уже уехала, — соврала я. Он может похитить меня и увезти в Силван, но ему незачем знать, где Розалин. По крайней мере, от этого я могу ее избавить.

Он никак это не прокомментировал. Похоже, Т. Рэй был доволен, что ему не придется возиться еще и с ней. Как же я буду жить в Силване? Без Розалин.

Внезапно он прекратил раскачиваться, и тошнотворная улыбочка сошла с его лица. Он глядел куда-то в сторону моего плеча, прищурив глаза так, что их стало совсем не видно. Я опустила взгляд, чтобы узнать, что привлекло его внимание, и поняла, что он смотрит на брошку в форме кита на моей рубашке.

Он поднялся на ноги и подошел ко мне, остановившись в четырех или пяти футах, словно бы брошь была заколдованной и не позволяла ему подходить ближе.

— Откуда у тебя это? — спросил он.

Моя рука непроизвольно поднялась и коснулась маленького фонтанчика из горного хрусталя.

— Это дала мне Августа. Женщина, которая здесь живет.

— Не ври мне.

— Я не вру. Она дала мне это. Она сказала, что брошка

принадлежала... — я боялась это произнести. Он ничего не знал об Августе и моей маме.

Его верхняя губа побелела, как это обычно случалось, когда он бывал действительно вне себя.

— Я подарил эту брошку твоей матери, когда ей исполнилось двадцать два, — сказал он. — Сейчас же отвечай, откуда она взялась у этой Августы?

— Ты подарил эту брошку моей маме? Ты?

— Отвечай, черт бы тебя подрал.

— Мама приехала сюда, когда убежала от нас. Августа сказала, что брошка была на ней, когда она здесь появилась.

Он подошел к креслу и бессильно в него опустился. Похоже, он был потрясен.

— Будь я проклят, — сказал он так тихо, что я едва расслышала.

— Августа ухаживала за ней, когда мама была маленькой и жила в Виргинии, — попыталась я объяснить.

Он смотрел в пустоту. Через окно, в самом сердце каролинского лета, я видела, как солнце ударяет в крышу его грузовика, поджигая верхушку частокола, почти исчезнувшего под зарослями жасмина. Грузовик был забрызган грязью, словно бы Т. Рэй исколесил в моих поисках все болота.

— Я должен был догадаться. — Он мотал головой, разговаривая сам с собой, словно был один в комнате. — Я искал ее, где только мог. А она была здесь. Боже мой, она была здесь.

Эта мысль, похоже, внушала ему благоговейный ужас. Он мотал головой и осматривался, словно бы думая: *Она сидела в этом кресле. Она ходила по этому ковру.* Его подбородок мелко подрагивал, и впервые мне пришлось в голову, что он, должно быть, страшно ее любил. Что ее уход мог его просто подкосить.

Прежде чем я сюда попала, вся моя жизнь была не чем иным, как дырой, в которой было место только для моей мамы, и эта дыра делала меня особенной, вечно чего-то жаждущей. Но ни разу я не подумала о том, что потерял он и как это могло изменить его.

Я вспомнила слова Августы: *Понимаешь, Лили, иногда люди очень сильно меняются с течением времени. Я не сомневаюсь в том, что вначале он любил твою маму. На самом деле я думаю, что он ее просто боготворил.*

Я никогда не видела, чтобы Т. Рэй боготворил кого-нибудь, кроме Снаута — свою собачью любовь, но, смотря на него теперь, я понимала, что он любил Дебору Фонтанель, и, когда она его бросила, он был просто

сражен горем.

Он вонзил свой нож в дерево и поднялся на ноги. Я смотрела то на рукоятку ножа, торчащую вертикально вверх, то на Т. Рэя, который ходил по комнате, трогая вещи: пианино, вешалку для шляп, журнал «Взгляд», лежащий на столике.

— Похоже, ты здесь одна? — спросил он.

Я почувствовала, что приближается конец. Конец всему.

Он подошел прямо ко мне и потянулся к моей руке. Когда я ее отдернула, он ударил меня по лицу. Т. Рэй много раз бил меня и раньше — чистые, резкие пощечины, такие, от которых делаешь судорожный, ошеломленный вдох. Но в этот раз было нечто совершенно другое — совсем не пощечина. На этот раз он ударил меня изо всех сил. Я слышала, как от усилия в момент удара из его рта вырвался рык, видела, как мгновенно налились кровью его глаза. И я почувствовала запах фермы с его руки — запах персиков.

Ударом меня швырнуло на Нашу Леди. Она рухнула на пол за секунду до того, как я очутилась с ней рядом. Сперва я не почувствовала боли. Я села, подтянула под себя ноги и тут ощутила, как боль растекается от уха к подбородку. Я снова повалилась на пол. Прижав руки к груди, я смотрела на Т. Рэя и думала, что сейчас он, наверное, схватит меня за ноги и потащит к грузовику.

Он кричал:

— Как ты посмела меня бросить! Ты заслужила урок, ты его заслужила!

Я набрала в легкие воздух, пытаюсь успокоиться. Черная Мария лежала рядом со мной на полу, источая всепоглощающий запах меда. Я вспомнила, как мы втирали в нее мед, весь до последней капли, до полного насыщения. Я лежала, боясь пошевелиться, не в силах забыть о ноже, воткнутом в подлокотник кресла. Он пнул меня, попав ботинком по лодыжке, словно я была жестянкой, валяющейся на дороге, которую он пинает просто потому, что та оказалась на его пути.

Он стоял надо мной.

— Дебора, — пробормотал он. — Ты не бросишь меня опять! — В его глазах я увидела огонек безумия и страх. Я не была уверена, что правильно его расслышала.

Я заметила, что все еще прижимаю руки к груди. Я прижала их еще крепче.

— Вставай! — заорал он. — Мы едем домой!

Он схватил меня за руку и рванул, разом поставив на ноги. Я тут же

вырвалась и побежала к двери. Он погнался за мной и поймал за волосы. Развернувшись к нему, я увидела, что у него в руке нож. Он размахивал им перед моим лицом.

— Ты поедешь со мной! — орал он. — Ты не должна была меня бросать.

До меня вдруг дошло, что он уже разговаривает не со мной, а с Деборой. Словно бы его ум одним скачком вернулся на десять лет назад.

— Т. Рэй, — сказала я. — Это я — Лили.

Он меня не слышал. Мои волосы были зажаты у него в кулаке, и он не собирался их выпускать.

— Дебора, — сказал он.

— Проклятая сука, — сказал он.

Было похоже, что он обезумел от страдания, вновь переживая ту боль, которую столь долго держал запертой у себя внутри, и теперь, когда она вырвалась наружу, то могла смести все на своем пути. Я подумала, как далеко он пойдет, пытаясь вернуть Дебору. Было очевидно, что он легко может ее убить.

Лили, ты — мой вечный дом. Меня достаточно. Нас достаточно.

Я посмотрела в его глаза. Они были словно затуманены.

— Папа, — сказала я. Я закричала:

— *Папа!*

У него на лице отразилось удивление. Он смотрел на меня и тяжело дышал. Он отпустил мои волосы и уронил нож на ковер.

Попятившись, я споткнулась, но смогла удержаться на ногах. Я услышала свое частое прерывистое дыхание. Этот звук заполнил комнату. Я не хотела, чтобы он видел, что я смотрю на нож на полу, но не могла с собой ничего поделать. Я бросила быстрый взгляд вниз. Когда я подняла глаза на Т. Рэя, он все еще смотрел на меня.

Какое-то время ни один из нас не двигался. Невозможно было понять, что у него на уме. Я вся дрожала, но чувствовала, что должна продолжать говорить.

— Я... мне очень жаль, что я так уехала, — сказала я, отступая назад маленькими шажками.

Кожа у него над веками словно бы обвисла. Он отвернулся и стал смотреть в окно, будто разглядывая дорогу, которая его сюда привела.

В коридоре скрипнула половица. Повернувшись, я увидела в дверях Августу и Розалин. Я подала им бесшумный знак рукой — чтобы они не заходили. Мне надо было самой довести дело до конца, быть с ним, пока он окончательно не придет в себя. И он пока выглядел таким безобидным.

Сперва мне показалось, что они проигнорируют мой знак и все равно войдут, но Августа положила свою руку на руку Розалин, и они скрылись из моего поля зрения.

Когда Т. Рэй повернулся, его взгляд вновь застыл на мне, и в его глазах не было ничего — лишь океан боли. Он посмотрел на брошку на моей рубашке.

— Ты так на нее похожа, — сказал он, и я поняла, что этим все сказано.

Я нагнулась, подняла нож и, сложив, протянула Т. Рэю.

— Все в порядке, — сказала я.

Но это было не так. Я чувствовала, что его кошмар снова может вернуться. Он выглядел пристыженно. Я смотрела, как он надувает губы, пытаюсь вернуть свою гордость, свой гнев, весь этот громовой поток, с которым он ворвался сюда вначале. Он то засовывал, то вытаскивал руки из карманов.

— Мы едем домой, — сказал он.

Я ничего ему не ответила, а лишь подошла к Нашей Леди и поставила ее вертикально. Я чувствовала присутствие Августы и Розалин за дверью комнаты, едва ли не слышала их дыхание. Я потрогала щеку. Она опухла в том месте, где он ударил.

— Я остаюсь здесь, — сказала я. — Я никуда не еду.

Слова повисли в воздухе, твердые и мерцающие, словно жемчуг, который я долгие недели выращивала у себя в животе.

— Что ты сказала?

— Я сказала, что никуда не поеду.

— Ты думаешь, что я уйду, оставив тебя здесь? Я даже не знаю этих проклятых людей. — Было похоже, что он изо всех сил старается придать своим словам убедительности. Гнев оставил его в тот момент, когда он уронил нож.

— Зато я их знаю, — сказала я. — Августа Боутрайт — очень хороший человек.

— Да с чего ты взяла, что она вообще захочет, чтобы ты здесь осталась?

— Этот дом будет домом Лили до тех пор, пока она хочет, — сказала Августа, входя в комнату. Розалин втиснулась вслед за ней. Я подошла и встала рядом с ними.

Я услышала, как на подъездную дорожку свернула машина Куини. Звук ее глушителя невозможно было спутать ни с чем другим. Очевидно, Августа уже успела созвать Дочерей.

— Лили сказала, что ты уехала, — сказал Т. Рэй Розалин.

— Ну, похоже на то, что я уже вернулась, — ответила она.

— Мне плевать на то, где ты сейчас и где ты окажешься еще, — сказал он Розалин. — Но Лили поедет со мной.

В тот момент, когда он это произнес, я поняла, что он не хочет, чтобы я возвращалась с ним на ферму, не хочет, чтобы я напоминала ему о *ней*. Другая его часть — хорошая часть, если таковая имелась, — могла даже подумать, что, возможно, здесь мне будет лучше.

Теперь это была гордость, одна лить гордость. Как он мог отступить?

Входная дверь распахнулась, и в дом ввалились Куини, Виолетта, Люнель и Мабель, все явно на взводе и в таком виде, словно одевались впопыхах и надели все задом наперед. Куини уставилась на мою щеку.

— Все в порядке? — спросила она, тяжело дыша.

— Мы все в порядке, — сказала Августа. — Это мистер Оуэнс, отец Лили. Он приехал ее навестить.

— Я не смогла дозвониться до Сахарка и до Кресси, — сказала Куини. Все четверо встали рядом с нами, держа перед собой дамские сумочки, как вид оружия.

Я подумала о том, как забавно это должно смотреться со стороны Т. Рэя. Кучка женщин: Мабель, ростом в четыре с небольшим фута; Люнель, со стоящими дыбом волосами, которые она не успела заплести в косички; Виолетта, бормочущая «святая Мария»; и Куини — крутая старушка Куини, — упершая руки в боки, с выпяченной губой, всем своим видом говорящая: *Черта с два ты посмеешь забрать эту девчонку.*

Т. Рэй фыркнул и посмотрел на потолок. Его решимость осыпалась с него, как старая штукатурка. Можно было почти что видеть ее кусочки, валяющиеся вокруг.

Августа тоже это увидела. Она сделала шаг вперед. Иногда я забывала, какая она высокая.

— Мистер Оуэнс, вы окажете Лили и всем нам огромную услугу, если оставите ее здесь. Я обучаю ее пчеловодству, и она очень помогает нам, работая на пасеке. Мы любим Лили и позаботимся о ней, я вам это обещаю. Мы отдадим ее в школу и воспитаем ее в добродетели.

Я неоднократно слышала, как Августа говорила: «Если тебе от кого-нибудь что-нибудь нужно, необходимо предоставить ему возможность тебе это дать». Т. Рэю была необходима возможность передать меня Августе, не потеряв при этом лицо, и она предоставила ему такую возможность.

Мое сердце колотилось. Я смотрела на Т. Рэя. Он взглянул на меня и махнул рукой.

— Тем лучше, — сказал он и направился к двери. Нам пришлось расступиться, разорвав нашу маленькую женскую стену, чтобы его пропустить.

Он стремительно вышел, хлопнув за собой дверь. Мы все переглянулись, не произнося ни слова. Похоже было, что мы высосали из комнаты весь воздух и держали его в своих легких, ожидая момента, когда сможем безопасно выдохнуть его обратно.

Я услышала, как Т. Рэй завел свой грузовик, и прежде чем здравый смысл успел меня остановить, я сорвалась с места и побежала к нему через весь двор.

Розалин что-то крикнула мне вдогонку, но объяснять было некогда.

Грузовик задним ходом двигался по подъездной дорожке, поднимая пыль. Я замахала руками:

— Стой, стой!

Он остановился и смотрел на меня через ветровое стекло. Позади меня Августа, Розалин и Дочери высыпали на крыльцо. Я подошла к двери грузовика, и Т. Рэй высунул голову в окно.

— Мне нужно тебя спросить, — сказала я.

— Что?

— Когда умерла моя мама... Ты сказал, что, когда я подняла пистолет, он сам выстрелил. — Я смотрела прямо ему в глаза. — Мне нужно знать. Это сделала я?

Прошло облако, и двор изменил свой цвет — с желтого на светло-зеленый. Т. Рэй провел рукой по своему лицу, посмотрел себе на колени, а затем вновь перевел взгляд на меня.

Когда он заговорил, в его тоне и голосе не было и следа прежней грубости.

— Я мог бы сказать тебе, что это сделал я. Ведь ты это хочешь услышать. Я мог бы сказать, что она сама это сделала. Но в обоих случаях я бы солгал. Это сделала именно ты. Лили. Ты не хотела, но это была ты.

Он глядел на меня еще какое-то мгновение. Затем грузовик медленно тронулся с места, оставив меня окутанной запахом машинного масла. Повсюду летали пчелы: над гортензиями и миртами на лужайке, над жасмином на опушке леса, над зарослями лимонника возле ограды. Может быть, он сказал мне правду, но с Т. Рэем никогда нельзя быть уверенной на сто процентов.

Вырулив на шоссе, он, вопреки моим ожиданиям, не помчался, а медленно поехал. Я смотрела на дорогу, пока он не скрылся из виду, а затем повернулась к Августе, Розалин и Дочерям на крыльце. Эту секунду я

помню яснее всего — как я стояла на подъездной дорожке, глядя на них. Я помню, как они там сгрудились, в ожидании. Все эти женщины, вся эта любовь — в ожидании.

Я в последний раз взглянула в сторону шоссе, вспомнив, как когда-то думала, что он все же по-своему меня любит, хотя бы чуть-чуть. Теперь он окончательно развеял мои иллюзии. Ведь так?

Я до сих пор продолжаю доказывать себе, что, уезжая, он сказал вовсе не «тем лучше»; он сказал: *О, Лили, тебе будет лучше здесь, в этом доме с этими цветными женщинами. Со мной тебе никогда не будет так же хорошо, как с ними.*

Я понимаю, что это абсурд, но я верю в плодотворность воображения. Иногда я представляю себе, как получаю от него посылку к Рождеству — не с привычным набором «свитер-носки-пижама», но с чем-то, подаренным от души, вроде четырнадцатикаратного золотого браслета, с приложенной к нему открыткой, на которой будет написано: «С любовью, Т. Рэй». Да, он употребит слово «любовь», и мир от этого не прекратит своего вращения, а будет жить дальше, как река, как пчелы, как все вокруг. Нельзя недооценивать абсурдные мысли. Посмотрите хотя бы на меня. Я всегда кидалась от одной абсурдной мысли к другой, и вот я здесь — в розовом доме. Каждый день я просыпаюсь, чтобы удивиться этому чуду.

Осенью Южная Каролина меняет свой цвет на рубиново-красный с оттенками оранжевого. Я смотрю на все это из окна комнаты второго этажа, комнаты, которую оставила мне Июна, выйдя в прошлом месяце замуж. О подобной комнате я не могла и мечтать. Августа купила мне новую кровать и туалетный столик, которые мы выбирали вместе с ней по каталогу. Виолетта и Куини подарили мне цветистый ковер, который до этого лежал у них в пустующей комнате и был никому не нужен, а Мабель сшила полупрозрачные занавески с помпончиками и бахромой. Кресси связала из разноцветной пряжи четырех осьминогов, чтобы они сидели на моей кровати. Мне бы вполне хватило и одного осьминога, но это была единственная поделка, которую Кресси умела мастерить, так что она делала их без усталости.

Люнель сотворила для меня шляпку, которая превзошла все другие шляпы, какие она когда-либо делала, — даже свадебную шляпу Июны. Она немного напоминает мне шапочку священника. Она высокая, словно бы вся тянется ввысь. Но она более круглая, чем у священника. Я ожидала, что она будет голубой, но — не тут-то было — шляпка оказалась золотисто-коричневой. Возможно, подразумевалось, что это такой улей. Я надеваю ее только на встречи Дочерей Марии, поскольку в любом другом месте она

остановила бы дорожное движение на много миль во всех направлениях.

Каждую неделю к нам приезжает Клейтон и рассказывает, как у меня и Розалин идут дела в Силване. Он говорит, что нельзя просто так избить человека в тюрьме, чтобы это сошло тебе с рук. В любом случае обвинения против меня и Розалин будут сняты не позднее Дня Благодарения.

Иногда вместе с Клейтоном приезжает его дочь Бекка. Она на год меня младше. При виде нее я всегда вспоминаю ту фотографию в офисе ее отца, где она прыгает через волны, держа его за руку. Я храню вещи моей мамы на специальной полочке в моей комнате и позволяю Бекке на них смотреть, но не трогать. Однажды я позволю ей их потрогать, поскольку считаю, что так поступают хорошие подруги. Мое отношение к этим вещам как к объектам поклонения уже начинает проходить. Уже скоро, наверное, я смогу протянуть Бекке щетку моей мамы и сказать: «Держи. Хочешь причесаться?» или «Хочешь поносить эту брошку-кита?».

В школьной столовой мы с Беккой, завидев Зака, всегда садимся с ним рядом. Мы завоевали репутацию «любительниц негритосов», и, когда какие-нибудь балбесы кидаются в Зака скомканной бумагой, что во время переменок является любимым занятием многих из них, нам с Беккой перепадает не меньше, чем Заку. Зак говорит, что нам лучше держаться от него подальше. Но мы говорим: «Всего лишь бумажные мячики — большое дело!»

Моя мама не прекращает улыбаться мне с фотографии, которая стоит возле моей кровати. Думаю, что я простила нас обеих, хотя иногда в моих снах ко мне возвращается печаль, и тогда приходится просыпаться и прощать нас снова.

Я сижу в своей новой комнате и все записываю. Мое сердце ни на секунду не прекращает свой разговор. Теперь я — хранительница стены. Я не устаю подпитывать ее записками и новыми камнями. Будет неудивительно, если Маина стена плача переживет нас всех. В конце времен, когда все строения мира обратятся в прах, стена все еще будет на своем месте.

Каждый день я подхожу к черной Марии, которая смотрит на меня своими мудрыми глазами. Она старше всех стариков и прекрасна в своей уродливости. Кажется, что с каждым моим приходом трещины на ее теле становятся все глубже, что ее деревянная кожа старится у меня на глазах. Я никогда не устаю смотреть на ее мощную воздетую руку, на кулак, похожий на какой-то сосуд, каждую секунду готовый взорваться. Она — воплощенная сила любви, эта Мария.

Я чувствую ее в самые неожиданные моменты, где-то внутри меня

происходит ее успение на небеса. Она внезапно начинает возноситься, и тогда она поднимается не вверх, а все дальше и дальше в глубь меня. Августа говорит, что Мария заполняет пустоты, которые выдалбливает в нас жизнь.

Эта осень — пора чудес, и все же каждый день, каждый божий день, я мысленно возвращаюсь к тому августовскому мгновению, когда уехал Т. Рэй. Я стояла тогда на дорожке, среди камней и кусков грязи, и смотрела на крыльцо. И они были там. Все эти матери. У меня больше мам, чем у любых восьмерых девочек, взятых на улице. Они — луны, сияющие надо мной.

notes

Примечания

1

Фирменное название круп.

2

В английском языке «королева» и «пчелиная матка» обозначаются одним и тем же словом «queen».

3

Кандидат в президенты от южных штатов, выступающий против цветных меньшинств.

4

Перевод М. Шермана.

5

Насекомое-вредитель, уничтожающее посадки хлопка.

6

Передвижная библиотека на грузовике.

7

Травянистое растение, распространенное в тропиках и субтропиках.
Дает съедобные плоды.

8

В оригинале слово JOY — радость, расшифровывается, как Jesus, Others, Yourself.

9

В оригинале расшифровывается слово DEDDY.

10

Напиток из вина с сахаром, лимоном и льдом.

11

Перевод С. Степанова.

Table of Contents

[Сью Монк Кид Тайная жизнь пчел](#)

[ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)

[ГЛАВА ВТОРАЯ](#)

[ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)

[ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)

[ГЛАВА ПЯТАЯ](#)

[ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)

[ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)

[ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)

[ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)

[ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)

[ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)

[ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)

[ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)

[ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)